

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Афшар Мона

**Лингвокультурный образ Ирана
в русских художественных и публицистических текстах**

Специальность: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Шаклеин В.М.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теоретические аспекты изучения лингвокультурного образа.....	11
1.1 Понятие лингвокультурного образа. Типы лингвокультурных образов и их специфика	11
1.2. Лингвокультурный образ страны.....	31
1.3. Знаковые механизмы формирования стереотипных лингвокультурных образов стран в русской культуре XVIII–первой половине XIX вв.	51
Выводы по первой главе:.....	59
Глава II. Авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах XVII – XIX веков.....	61
2.1. Лингвокультурный образ Ирана в текстах XVII-XVIII веков.....	61
2.2. Лингвокультурный образ Ирана в русских поэтических текстах XIX века	69
2.3. Лингвокультурный образ Ирана в прозе А.С. Грибоедова.....	75
2.4. Лексические единицы, составившие основу лингвокультурного образа Персии к концу XIX в.....	82
Выводы по второй главе:.....	92
Глава III. Авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах XX-XXI века	94
3.1. Лингвокультурный образ Ирана в художественной прозе на материале романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара».....	94
3.2. Лингвокультурный образ Персии в поэзии XX-XXI века.....	105
3.3. Лингвокультурный образ Ирана в современной публицистике.....	117
3.4. Лексемы, характеризующие современный лингвокультурный образ Ирана.....	128
Выводы по третьей главе	149
Заключение.....	150
Список использованной литературы	154

Введение

Когнитивный «переворот» последних десятилетий в современных гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике, вывел на передний план задачу изучения национальной картины мира, что, в свою очередь, повлекло структурирование и описание концептов культуры и позволило заявить о существовании «лингвокультурных образов» - уникальных когнитивных объектов, которые свойственны одной национальной культуре или группе близких культур. Их выделение и исследование возможны лишь в сопоставительных моделях различного рода, как дихотомических, так и разноплановых культурологических реконструкциях. Список характерных лингвокультурных единиц претендует на признание его моделью целостного лингвокультурного образа страны.

Механизмы выделения и анализа национальных образов связаны с изучением и описанием различных текстов: путевых записок, дневниковых записей, художественных текстов, в которых действие переносится в иную культуру. Нередко это объясняется интересом к той или иной культуре или научными интересами определенных авторов.

Актуальность исследования состоит в том, что изучение и описание этапов формирования лингвокультурного образа страны в иной культуре помогает понять причины того, почему образ одной культуры в глазах носителей этой культуры является неполным, неадекватным или не соответствует уровню отношений, культурных, экономических и политических связей представителей двух народов. В существенной степени это касается лингвокультурного образа Ирана. И ранее, и до сих пор лингвокультурный образ Ирана чрезвычайно далек от того, что в реальности представляет собой эта страна. Прежде всего, Иран в сознании жителей России видится не только как далекая, и даже противоположная культура, но и как территория, находящаяся где-то очень далеко. Однако в географическом плане Иран всегда был соседом России, да и культурно, в плане понимания мира, устройства общества, места традиционных ценностей и их специфики, Иран находился гораздо

ближе к России, о чем свидетельствовал его лингвокультурный образ в русской культуре. Углубление политических, экономических и культурных контактов между Ираном и Россией в последние десятилетия подводит к осознанию того, что российское общество нуждается в более адекватном представлении об Иране, и поэтому исследование лингвокультурного образа Ирана представляется очень важным для успешной коммуникации между представителями иранской и русской культуры. Лингвокультурный образ страны, реализуемый в категориях «свой» и «чужой», противопоставляемых и сопоставляемых, основывается чаще на представлениях субъектов разных культур друг о друге, чем на знаниях, что и обусловило символический и фрагментарный характер лингвокультурного образа Ирана. Сказанное выше приводит к убеждению: современные технологии коммуникации могут и должны оказывать влияние на формирование лингвокультурного образа страны, а также корректировать его в соответствии с развитием экономических, политических и культурных отношений.

Степень разработанности проблемы. Теоретические основы тесной связи естественных языков и национальных культур представлены в исследованиях таких ученых, как В. Гумбольдт (1984), Ф. де Соссюр (1999), Э. Сепир (1993), Б. Уорф (1960), М. Хайдеггер (1993), К. Леви-Стросс (2016).

Конец XX века был ознаменован значительным количеством исследований в области лингвокультурологического моделирования национального менталитета, изучения и описания культурных концептов. Здесь в первую очередь следует назвать работы ученых, посвященные как концептам, так и лингвокультурным образам, Ю.Н. Караулова (1976, 2010), В.В. Красных (2002), В.А. Масловой (2001), Ю.С. Степанова (1995, 2004), В.Н. Телия (1996, 1999), Л.И. Гришаевой, Л.В. Цуриковой (2004), О.А. Леонтович (2011) и др.

Значимыми исследованиями в этой области являются работы, посвященные лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, представленные в монографиях и статьях Ю.Н. Караулова (1994, 2010), В.В. Красных (2002), В.А. Масловой (2001), В.М. Шаклеина (1997), Е.Ю. Прохорова (2006), Е.М. Верещагина,

В.Г. Костомарова (1990), В.В. Воробьева (1997), А.С. Мамонтова (2000). В них была представлена концепция культуры как явления, имеющего системный характер, как определенной матрицы, структурирующей картину мира человека.

Изучение образа Ирана представлено несколькими исследованиями: «Образ Ирана в русской литературе» Мотамедния Мосуме (2009), «Формирование образа Персии и персов в России и СССР в 1800-1971 гг.» А.Ю.Ларионовой (2012). В этих работах проводится исторический и литературоведческий анализ образа страны, но при этом почти не затрагиваются собственно лингвистические вопросы данной проблемы.

Объект исследования – русские художественные и публицистические тексты XVIII- начала XXI века, посвященные Персии (Ирану).

Предмет исследования – лингвокультурный образ Ирана в русской культуре, его историческая типология.

Цель исследования – выявить наиболее характерные черты лингвокультурного образа Ирана в русских художественных и публицистических текстах.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие лингвокультурного образа и, в частности, - лингвокультурного образа страны;
- описать знаковые механизмы формирования стереотипных лингвокультурных образов стран в русской лингвокультуре XVIII– начала XXI века;
- определить особенности авторских лингвокультурных образов Ирана в русских художественных и публицистических текстах XVII - XIX веков;
- выявить специфику авторских лингвокультурных образов Ирана в русских художественных и публицистических текстах первой половины XXI века;
- проанализировать единицы языка, формирующие лингвокультурный образ Ирана с позиций их семантики, парадигматических отношений в группе;
- изучить диахроническую модель формирования лингвокультурного образа Ирана в русской лингвокультуре.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые на материале русских художественных и публицистических текстов XVII –XXI века исследован лингвокультурный образ Ирана. Данный образ проанализирован максимально объективно, он логично вытекает из представлений об этой стране всего русского общества, и одновременно в нем представлены авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах.

Данный подход позволил уйти от абсолютной схематизации, крайней символизации лингвокультурного образа Ирана и взглянуть на данную страну глазами людей, руководствовавшихся не только углубленными знаниями, но и собственным опытом.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии понятийного аппарата лингвокультурологии, исследовании содержания понятия «лингвокультурный образ», в разработке лингвокультурного подхода к изучению текста; определяется вкладом в разработку принципов системного изучения художественного и публицистического текста, опирающегося на категорию лингвокультурного образа. Эта категория выступает одновременно в качестве объекта и метода исследования, при этом лингвокультурный образ Ирана рассматривается и в статике, и в исторической динамике. Результаты выводов позволяют проникнуть в языковое сознание носителей определенной культуры, делают возможным осуществление анализа национально-культурной специфики русского народа, а также углубляют развитие теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования: материалы исследования могут быть применены в процессе исследования лингвокультурных образов зарубежных стран в русской лингвокультуре и в качестве дополнительных материалов при изучении русского языка как иностранного в иранской аудитории. Полученные результаты исследования приобретают прикладной характер в образовательном процессе, например, в междисциплинарных курсах, читаемых лингвистам, филологам и культурологам. Разделы исследования, посвященные проблемам лингвокультурной интерпретации художественного и публицистического текста, могут найти

свое применение в курсах по дисциплинам «Введение в межкультурную коммуникацию», «Лингвокультура страны изучаемого языка», а также в сопоставительной лингвокультурологии и лексикологии.

Материал исследования – русские художественные и публицистические тексты XVII–XXI века: Грибоедов А.С. «Корреспонденции. Путевые записки»; Тютчев Ю.М. «Смерть Вазир-Мухтара»; стихи и переводы В. Жуковского, Д. Ознобишина, А. Фета, стихи В. Хлебникова, В. Каменского, С. Городецкого, С. Есенина, очерки В. Овчинникова, Л. Рейснер, А. Громова. Всего было проанализировано около 500 страниц прозаических текстов и 23 поэтических текста, помимо этого проводилось исследование употребления выделенных языковых единиц, составляющих ядро лингвокультурного образа, в Национальном Корпусе русского языка с целью установления начала использования слова, развития значения слова, формирования полисемии.

Методология исследования основана на развитии лексико-культурологического анализа ментально значимых элементов русской лингвокультуры. В основе методологии данного исследования находится принцип антропоцентризма, применяющийся в современных гуманитарных науках, в центре внимания которого находится познавательная деятельность индивида, его коммуникативная и когнитивная деятельность. В работе также учитывались важнейшие постулаты современного языкознания о связи языка и мышления, языка и общества, языка и культуры. В качестве методологической базы исследования были использованы работы Т.М. Дридзе, Л.А. Шестак, С.А. Кириллиной, М.Б. Раренко, В.М. Мокиенко, И.Я. Рожкова, Н.С. Валгиной, Н.Д. Арутюновой, М.В. Колтуновой, В.А. Масловой, А. Вежбицкой, Л.М. Васильева, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, Ю.Е. Прохорова, Е.М. Верещагина, В.В. Воробьева, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, В.Н. Телия.

Методы исследования. В основе методологии данного исследования находится принцип антропоцентризма, применяющийся в современных гуманитарных науках, в центре внимания которого находится познавательная деятельность инди-

вида, его коммуникативная и когнитивная деятельность. В работе также учитывались важнейшие постулаты современного языкознания о связи языка и мышления, языка и общества, языка и культуры.

Многоаспектный характер поставленных задач обусловил применение общенаучных методов наблюдения, анализа, описания и классификации. Для формирования базы эмпирического материала использовался метод сплошной выборки, сопоставительный анализ контрастивного типа слов в русскоязычном тексте и фарси, позволивший выявить лингвокультурную специфику языковых средств.

В работе использовались такие методы и приемы, как лингвокультурологический анализ, построенный на рассмотрении национально-культурных компонентов художественного и публицистического дискурса, контекстологический метод, позволивший выделить в тексте слова, не имеющие эквивалентов в лексике русского языка.

Гипотеза исследования заключается в том, что лингвокультурный образ страны в картине мира другой культуры имеет целостный системный характер, отличается этнокультурной маркированностью, выражается как на уровне лексики, так и в семантике языка в метафорах, символах, регулярных ассоциативных связях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лингвокультурный образ страны представляет собой вербализованное знаковое восприятие представителем иной культуры предметного и ментального мира этой страны.

2. В русской общественной лингвокультуре XVIII – XIX века лингвокультурные образы зарубежных стран, как правило, были весьма схематичны и основывались на знаках-символах, опорных концептах, которые возникли в результате опосредованных культурных контактов, благодаря переводам, художественной литературе и публицистике.

3. Авторский лингвокультурный образ той или иной страны, хотя и связан с общенациональным восприятием этой страны и лежит в основе его формирования и развития, всегда богаче образа общественного, свойственного всему обществу.

4. Авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах XVII – XIX веков эволюционировали от схематичности и визуализации до романтизации, а затем к новой прагматизации. Лингвокультурный образ страны строится как совокупность пространственных точек – топонимов и субъектов – антропонимов, которые дополняются наименованиями привлекающих внимание значимых артефактов, отличных от присутствующих в родной культуре.

5. Авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах XX и начала XXI века формируют у читателей представления о стране в рамках предыдущей традиции, но при этом отражают изменения внутри страны, а также приоритеты в культурных контактах представителей этих культур. Ядро образа составляют имена собственные – наименования значимых с политической, исторической и культурной точки зрения мест и субъектов.

Достоверность полученных результатов подтверждается аргументацией из приведенных текстов, выводами, основанными на операциях логического следования, опорами на результаты сходных исследований в области лингвокультурологии, актуальностью эмпирического материала, а также использованием апробированных во многих научных исследованиях методов анализа.

Структура исследования: диссертация состоит из Введения, в котором сформулированы основные параметры исследования, трех глав, Заключения и библиографического списка, насчитывающего 193 наименований.

В первой главе рассматриваются основные теоретические понятия работы, их содержание, описывается история изучения проблемы, обосновываются основные подходы к моделированию лингвокультурного образа страны.

Во **второй главе** представлены основные формы контактирования русской и персидской культур с XVII по XIX век, основные механизмы опосредованного контактирования.

В **третьей главе** описаны лингвокультурные единицы, составляющие современный образ Ирана, способы их проникновения в русскую культуру посредством публицистики и художественной прозы и поэзии. Приводится классификация единиц.

В **заключении** представлены основные результаты исследования.

Апробация работы. Результаты исследования на различных его этапах обсуждались на семинарах кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов. По теме диссертации были сделаны доклады на научно-практической конференции молодых ученых с международным участием: «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации» (Москва, РУДН, 2017 г.); на Международном научном форуме «Наука и инновации – современные концепции» (Москва, 2023), на II Международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма», посвященной 85-летию профессора Х.И. Ибрагимова (Грозный, Институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 2019 г.).

Основные положения работы отражены в 6 публикациях, 2 из которых входят в журналы, рекомендованные Высшей комиссией при Министерстве образования и науки РФ (ВАК), 1 публикации в издании, индексируемом в МБД WoS.

Глава I. Теоретические аспекты изучения лингвокультурного образа

1.1 Понятие лингвокультурного образа. Типы лингвокультурных образов и их специфика

Одно из важнейших понятий современной лингвокультурологии - «лингвокультурный образ» - сложилось постепенно в практике лингвистических, культурологических, семантических и когнитивных исследований и стало междисциплинарным и одновременно актуальным объектом внимания исследователей. Лингвокультурология, как следует из названия дисциплины, представляет собой синтез наук, изучающих культуру, и наук, изучающих язык. Получается, что лингвокультурология изучает, каким образом, культура и язык взаимодействуют и интерпретирует это взаимодействие. В.В. Воробьев также отмечает, что содержание лингвокультурологии, «оправдывающее ее выделение в самостоятельное направление знания, должно иметь своим предметом национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации, основанные на культурных ценностях конкретно-исторического общества» [Воробьев 2006: 32].

Для того чтобы точно определить содержание понятия «лингвокультурный образ», нужно иметь в виду, что оно входит в определенную парадигму лингвокультурологических объектов, составляющих его терминосистему. Терминология этой науки складывается в настоящее время, именно поэтому в ней функционируют термины различных наук: когнитологии (сценарий, фрейм, концепт), психолингвистики (образ, прототип), теории речевых актов (стереотип, адресат), культурологии (архетип). Все названные единицы складываются в определенную систему иерархического типа: к первому, элементарному, уровню можно отнести концепт, прототип, к более высоким уровням, означающим типы отношений – сценарий, образ, архетип. Однако вполне очевидно, что в науке постепенно устанавливаются и собственные терминологические единицы, например, культурные установки, которые Н.Н. Болдырев определяет как «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [Болдырев 2004: 33]; идеологемы

– собрание актуальных для общественного дискурса в определенный период концептов, сценариев, ценностей, которые активно используются и изменяются при смене одной культурной модели на другую [Токарев 2009: 19]; культурный код – сложное понятие, которое его автор Н.Ф. Алефиренко понимает как «систему означивания», которая представляет собой набор стереотипов культуры, сформированных стереотипами, сложившимися внутри национального дискурса [Алефиренко 2002: 61-62]. Обособление и становление новых областей знания влечет за собой появление собственных оперативных единиц, функционирующих как понятия и номенклатура данной области, как уникальная терминосистема. Это дает возможность выделить незначительное количество базовых понятий, таких, например, как «лингвокультурема», «лингвокультурологическое поле», «лингвокультурный образ». Первые два понятия были выделены В.В. Воробьевым и определены как элементарная единица и среда ее существования. Лингвокультурема – это единица описания (инвентарная единица), которая сопоставима с лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) в лексике, знаком в семиотике или концептом в когнитивных исследованиях. Г.В. Токарев отмечает, что «лингвокультурема отражает результаты взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры, а значит, неоднородна по своей сущности» [Токарев 2009: 43]. Лингвокультуремы составляют «лингвокультурное поле», они иерархически организованы, между ними устанавливаются парадигматические и синтагматические связи. Понятие «лингвокультурное поле» можно рассматривать как вид семантического поля или как концептуальное поле, называемое обычно картиной мира. Таким образом, сравнение составляющих таких полей, по мнению Г.В. Токарева, открывает возможность для глубокого понимания их внутренней формы: «такое описание позволяет представить семную структуру и межъязыковую реалему во всей полноте и отметить как совпадающее, так и различающееся в ней» [Токарев 2009: 73]. Кроме того, этот же подход может быть использован и при мультилингвальном описании с включением какого угодно количества языков и культур. Таким образом, такое метаописание

видится перспективным направлением в лингвокультурологических исследованиях.

Все попытки установить четкие границы лингвокультурологии, привели к включению в нее не только лингвистических, но и речевых, а также филологических, герменевтических исследований, связанных со становлением такого понятия, как «лингвокультурологическая ситуация». Она становится очень важной при сопоставительном изучении взаимовлияния близких и далеких культур и их традиций в формировании и развитии литературных языков в историческом и межкультурном аспекте. Этот термин также использовался в практике описания взаимодействия культур, и в постановке проблем изучения наследования и культурных инноваций [Шаклеин 1997].

Понятие «лингвокультурный образ» связывается, в первую очередь, с когнитивными единицами становления картины мира, такими как «прототип» и «сложный концепт». Исследователь А. Д. Макарова пытается разобрать содержательные аспекты этого понятия, определяет лингвокультурный образ как «ментальное стереотипизированное представление явлений и фактов, имеющих место в мире» [Макарова 2011: 245]. В ее исследовании отмечается, что лингвокультурный образ формируется под влиянием общества, в котором он складывается, и должен изучаться на основе дискурса, в котором, в основном, используется. А.В. Таскаева рассматривает это понятие в исследовании «Лингвокультурный образ «детектив» [Таскаева 2009] как сложный многоуровневый концепт, составленный из ряда элементарных информативных единиц, которые обладают национально-культурной специфичностью. Цуй Ливэй в своей диссертационной работе «Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции» [Цуй Ливэй 2015] определяет понятие лингвокультурного образа, ссылаясь на дефиницию Е.П. Савченко: «лингвокультурный образ – разновидность культурного концепта, [который] обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» [Савченко 2013:

б]. Так, в структуре понятия «лингвокультурный образ» замечается сочетание разнообразных по форме существования и происхождению информационных элементов: часть имеет универсальный характер, другие отличаются национальной спецификой или социальными характеристиками, представляющими определенные группы культур, выделение которых происходит на основе оппозиции «свой – чужой».

Язык является одновременно и результатом, и инструментом социальной деятельности, он представляет собой слагаемое культуры, так как в самой ткани языка запечатлена биологическая и социальная природа человека. В каждой национальной культуре соединяется универсальное, всеобщее, и уникальное, национальное, поэтому и в системе значений языка представлены общечеловеческие компоненты культуры и отличный от всех, свойственный только данному народу культурный код. Универсальность подтверждается не только единством мира и объективностью его видения в определенной степени, но и закономерностями освоения физического и идеального пространства, нормами мышления.

Неповторимость любой культуры определяется особенностями социальной организации общественной жизни, традициями, условиями природного существования. Культура воздействует на язык, отражается в нем, а язык влияет на культуру, это сложные и многообразные двусторонние процессы. Впервые эту мысль высказал великий немецкий ученый В. Фон Гумбольдт, когда изучал язык басков, он сформулировал интересную гипотезу: в языке отражается картина мира определенного народа, а также и культура [Гумбольдт 1984]. Важный вывод, следующий из научной концепции немецкого ученого, можно сформулировать так: изучение языка может открыть путь к познанию духа народа, к его взглядам на мир. В. Гумбольдт называет языки «органами оригинального мышления и восприятия» наций и отмечает, что «большое число предметов создано обозначающими их словами и только в них находит свое бытие» [Гумбольдт 1984: 324-325]. Утверждения немецкого ученого впоследствии были дополнены исследованиями американских ученых Э. Сепира и Б. Уорфа, которые описывали языки американских индейцев. Так,

Э. Сепир замечал сильную взаимосвязь языка и «шаблонов мысли» и даже отождествлял их. Интересны его рассуждения об изменениях в языке и культуре, «дрейфе», как эти изменения он называет: «Дрейф культуры, иначе говоря, ее история, есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта – приобретений, потерь, изменений в оценках и системе отношений. Дрейф языка, собственно говоря, вовсе не связан с изменением содержания, а только с изменением формального выражения...» [Сепир 1993: 193].

Открытия, сделанные Э.Сепиром и Б.Уорфом существенно повлияли на науку наших дней и были продолжены в работах современных исследователей. В.М. Лейчик, изучая отношения языка и культуры, способы отражения «культуры» в языке, убеждается в том, что язык выступает и как форма хранения знания, информации, и как орудие и материал культуры, а также как канал трансляции человеческого опыта в пространстве и времени. Утверждая, что язык моделирует культуру, В.М. Лейчик, однако, оговаривается, что культура и язык нередко имеют дело с разными системами, наборами и комбинациями знаков и что с помощью продуктов культуры и единиц языка могут обозначаться разные объекты и явления [Лейчик 2004: 22] и отмечает, что культура располагает гораздо большим объемом этих «наборов и комбинаций», чем языковая сфера.

Из глубокой связи языка и культуры, их неповторимости и своеобразия многие исследователи различных областей лингвистики делают разнообразные выводы. С одной стороны, этот аспект стал постоянно привлекать внимание специалистов в области преподавания языков, в лингводидактике необходимым элементом системы обучения стало параллельное обращение к культурным стереотипам, к текстам культуры, к особенностям национально-культурной коммуникации. С другой стороны, в герменевтике и теории коммуникации вышли на передний план особые текстовые категории, репрезентирующие актуальные для данной культуры смыслы, которые выступают в качестве символов или прецедентных единиц. Благодаря отмеченным фактам стало возможным обоснование необходимости использования термина «лингвокультурный образ».

Большой прогресс совершили исследования взаимодействия языка и культуры, будучи включенными в когнитивную лингвистику, занятую построением модели картины мира носителя языка, только в границах этой научной дисциплины и методологии изучения родился термин «лингвокультурный образ», наряду с близкими понятиями: «концепт», «фрейм», «сценарий». Под «концептом» обычно понимают мельчайшую единицу информации, представляющую и закрепляющую знания носителя языка о физическом и идеальном мире. А такие более сложные понятия, как «концептуальный мир», или «концептосфера», иерархически устроенные по образцу семантических полей, представляют собой организованные информационные системы, которые включают и знания, и представления. Они также представляются как крайне неоднородные по составу, так как образуются не только из концептов, но и более сложных единиц: сценариев, образов и представлений. Не вызывает сомнений, что часть этих единиц следует считать национально специфичными, а другую часть универсальными, есть среди этих единиц и абсолютно уникальные. А.Т. Хроленко использовала термин «концептосфера», ставя во главу угла ее связь с национальным языком и национальной культурой. Исследователь полагает, что концептосфера состоит из обработанных национальным сознанием и категоризованных, стандартизованных единиц [Хроленко 2009: 56].

Концептуальный мир выступает как часть индивида, подобно языку, представляет какую-либо социальную группу, представителей одного этноса, его культуры или языка, и одновременно включает универсальные, всеобщие элементы. Концептосфера – это важная часть концептуального мира, которая используется в информационном обмене, поэтому подвержена постоянной обработке смыслов и по преимуществу включает только общее.

Перейдем к вопросам о том, каким образом национальная специфичность материализуется в языке и речи, в чем именно она заключается, и как из этого формируется лингвокультурный образ. В рамках когнитивного анализа значение или понятие существуют, когда могут быть выражены на каком-либо уровне языка, лек-

сическом или синтаксическом, могут быть восприняты в результате обработки сознанием сложных высказываний и текстов. Факты отсутствия, невыраженности понятия вытекают из лексической безэквивалентности в том или ином языке, что возможно зафиксировать лишь при сопоставлении единиц обоих языков, они также относятся к своеобразию концептуальной сферы той или иной национальной картины мира. Эта гипотеза объективно представлена в работе А. Вежбицкой, посвященной базовым концептам, свойственным любой культуре, с помощью которых можно описывать все остальные, а также концепты «свобода», «пошлость», «правда» в различных языках [Вежбицкая 1999: 13].

Еще одним приемом материализации национальной специфической семантики, представленным в языках более широко, выступает неполная (частичная) эквивалентность. Она проявляется также на основе сопоставительного анализа отношения слова как комплекса разнообразных значений одного языка к слову во всех его ЛСВ другого языка. Это доказывается тем фактом, что в разных национальных картинах мира реальность представляется концептами и интегрируется на их основе по-разному, поэтому и возникают разные лингвокультурные образы.

А. Вежбицкая, описывая универсальное в языках мира, утверждает, что фундаментальные концепты являются общими для всех людей и представляют своего рода «генетическое наследие». Эта идея легко подтверждается тысячелетним опытом успешного взаимодействия представителей разных культур, что было бы просто невозможно, если бы концепты, стоящие за языком, отличались так же сильно, как человеческие языки отличаются друг от друга: «поскольку неопределяемые концепты – примитивы – это фундамент, на котором строится семантическая система того или иного языка, легко представить, что, если бы такой фундамент был в каждом случае особым, отличным от других, то носители разных языков были бы обитающими в разных измерениях узниками различных концептуальных систем, лишенными всякой возможности какого бы то ни было контакта с узниками других концептуальных тюрем» [Вежбицкая 1999: 17]. При всех сложностях, с которыми

сталкиваются народы в попытке наладить коммуникацию, успешная межкультурная коммуникация все же является скорее правилом, чем исключением. Таким образом, А. Вежбицкая констатирует, что в основе всех языков лежат «изоморфные множества семантических элементов». Исследователю также удалось составить определенный компендиум универсальных элементов, присущих любой концептосфере, и она попыталась разработать методы сравнительного описания концептов с целью определения культурной специфики информационных единиц.

Важным аспектом исследований национальной картины мира становится разработка и обоснование методов выделения и описания разнообразных многочисленных концептов национальной культуры. Этой проблеме посвящено множество работ, направленных на описание концептов, их классификацию, исследование фреймов и сценариев, составляющих когнитивную базу носителя языка. Эти работы обращены в значительной степени к становлению методов исследования, а также к установлению системных отношений описываемых единиц. Общее для всех работ - это следование принципу выделения единиц, имеющих социокультурную специфику. Этот принцип заключается в том, что выявление этапов и методов выделения и разграничения возможно лишь на основе сопоставления известного «своего» опыта с неизвестным, «чужим», то есть на сравнительной основе. Например, нельзя не отметить появившиеся в последнее время работы, посвященные этнокультурным особенностям коммуникативного поведения, «речевым стереотипам», «межкультурной коммуникации» [Леонтьев 1977; Гудков 1999; Красных 2001]. В них большое внимание уделяется связи культуры, языка, ментальности, устанавливаемой на основе экспериментальных исследований.

Интересный эксперимент содержится в статье Р.П. Мильруд, в которой описана методика изучения «порога ментальности» английских и русских студентов. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что овладение иноязычной культурой тесно связано не только с появлением «способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка» [Мильруд 1997:

17]), но также и с восприятием своей собственной культуры и национальных особенностей.

Реализация лингвокультурных образов довольно разнообразна: в семантике языка в словах и их значениях, семантике текста в образных формах, в прагматике речи – в формулах этикета, способах обращения к собеседнику, установившихся сценариях ведения диалога. На последние способы репрезентации обратили внимание известные специалисты Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, описавшие методику определения и исследования речевых тактик и стратегий. Вслед за основоположником современной теории речевых актов Дж. Остином Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров рассматривают речевые стратегии как систему интенций, а речеповеденческие тактики участников речевого акта описываются на основе смежных понятий, описывающих типичную речеповеденческую ситуацию, а также стандартные цели общения. Реализуя конкретную речевую тактику, отправитель сообщения как бы ступает шаг за шагом: он последовательно выполняет ряд речеповеденческих действий, и их сумма, при благоприятном исходе, приводит к успеху [Верещагин 1990: 13]. Много речевых тактик реализуются через установившиеся клишированные речевые формы, поэтому многие коммуникативные акты отличаются определенным социальным характером и заранее предопределены всеми коммуникантами. Ученые полагают, что речеповеденческие тактики коммуникантов, реализуемые в определенных клишированных конструкциях, могут совпадать или различаться в двух различных культурах, это дает исследователям дополнительные подтверждения сложившихся различий в программах поведения представителей различных социальных групп и национально-культурных сообществ.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров высказали предположение, что речеповеденческие тактики, отличающиеся национально-культурным компонентом, определяют неуловимые, но находящие выражение явления в семантике и мотивации общения. Именно их метафорически связывают с национальной психологией, или «душой народа». Ученые предложили собственную методику исчисления и описа-

ния речевых тактик, которая и должна лечь в основу сравнительно-сопоставительного исследования и создания специальных учебных материалов в целях изучения языка.

Многие мысли, высказанные Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым нашли подтверждение и в работах других ученых. Ю.Е. Прохоров пришел к заключению о том, что речевые стереотипизированные формулы могут по-разному реализовываться в культурных и социальных сообществах. Он размышляет о «социально стереотипизированном опыте», «правилах поведения» [Раскина 2009: 5], которые усвоены каждым народом, несмотря на различия, которые эти правила приобретают в процессе индивидуального пути развития этноса, социальной страты или профессиональной группы.

Таким образом, сказанное выше позволяет сформулировать следующее определение: лингвокультурные образы – это особые содержательно сложные единицы, обладающие национально-культурной уникальностью, которые репрезентируют ее, выражая различные факты и события жизни в национальной картине мира. Эти смысловые единицы находят отражение как в языке (в словах, в отдельных значениях и в фразеологизмах или семантических категориях), так и в речи (в устойчивых формулах, типизированных сценариях вербального и невербального поведения).

В конце XX – начале XXI столетия появилось множество исследований, посвященных описанию концептов русской культуры, например, «Судьба» (В.Г. Гак, 1994; В.Н. Топоров, 1994; Л.О. Чернейко, 1996; и др.), «Любовь» (Л.Е. Вильмс, 1997), «Обман» (Н.Н. Панченко, 1999), «Долг» (А.Д. Кошелев, 2000), «Закон» (И.В. Палашевская, 2001), «Счастье» (С.Г. Воркачев, 2002), «Семья» (В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова, 2019), «Социальное управление» (Г.А. Заварзина, 2019) и др. Авторы названных работ поставили своей целью описать не только определенные семантические области на основе методики поля, но и конкретные лексические единицы языка, лексическое значение которых репрезентирует определенные лингвокультурные особенности картины мира. «В когнитивной лингвистике, одним из

направлений которой является лингвокультурологическое направление, методика описания и моделирования концепта строится на основе анализа семантики языковых средств, объективирующих данный концепт» [Богуславская, Чафонова 2019: 157].

Приведенные нами исследования, посвященные изучению лингвокультурного взаимодействия, демонстрируют тесную связь лингвокультурологии с лингвистическими дисциплинами – лексикологией и фразеологией. Номенклатура этих дисциплин, а также методика их описания помогают классифицировать лексические и фразеологические единицы языка, инвентаризировать и систематизировать способы их хранения в национально-культурной картине мира. Указанные факты повлияли на то, что сведения о структуре лексического и фразеологического значения, стилистической маркированности единиц теперь превратились в объекты описания не только лексикографии, но и лингвокультурологии, а также теории перевода; информация о семантике единиц свободно трансформируется в соответствии со спецификой области знания.

Современные гуманитарные науки рассматривают культуру как компендиум информации, она представляется как сложная семиотическая система, состоящая из знаковых систем, которые образованы знаками различного уровня сложности. При этом А.Д. Кошелева, наряду с другими исследователями, рассматривает язык как главный инструмент, с помощью которого культура выполняет свои функции, а именно: «освоения и преобразования окружающего мира; обмена социально значимой информацией (коммуникативная функция); моделирования картины мира; накопления и хранения информации; регулятивной (регламентирующей поведение людей в обществе); воздействующей (эмоциональный фактор); адаптивной (обеспечивающей гармонию этноса с окружающим миром)» [Кошелева 1985: 31]. Таким образом, в попытке понять культуру нельзя избежать обращения к языку этой культуры.

Отдельные смысловые фрагменты культуры, большей частью ментальные, хранятся в памяти на основе объединения в категории – группы семантически близких единиц. Наиболее ярко это проявляется в процессе категоризации единиц языка, когда осуществляется соотнесение с сформированными представлениями и знаниями об устройстве мира. Категоризация когнитивных единиц представляет собой процесс генерализации отношений, существующих между объектами мира, и связана с процессами кодирования высказывания. Это явление Н.Ф. Алефиренко называет «матрицей семантизации окружающего мира» [Алефиренко 2002: 82].

Категоризация проявляется на разных уровнях языка по-разному: на фонетическом уровне это происходит как формирование оппозиций и чередований, на морфемном уровне – как появление словообразовательных трансформационных моделей и значений, на лексическом уровне и на грамматическом она реализуется в многообразных устойчивых лексических и грамматических категориях. Исследовательский подход к изучению процессов категоризации в языке позволяет детально представить, как результаты номинации отражаются в лексике и фразеологии языка, в словообразовании и семантике.

Особо важно указать, что лексико-грамматические процессы, которые протекают как структурно-семантическая категоризация, служат созданию сложных прецедентных единиц, воспроизводимых по структуре – слов, пословиц и поговорок, фразеологических единиц. Д.Н. Коков и Л.Д. Кокова приводят в своем исследовании топонимов следующую идею А.В. Кравченко: «...разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определенные аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире» [Коков 2000: 6]. В области семантики категоризация максимально ярко проявляется в способах и приемах номинации структурно простых и сложных единиц лексико-семантического уровня, так как в этом случае особенности национально-культурного языкового сознания проявляются наиболее часто и показательно. На это указывает этимологический анализ исконных корней, он демонстрирует многообразные способы

непрямой косвенной номинации (с использованием метафоры), вторичной номинации в результате метонимии, внутреннего заимствования или процесса калькирования, все это подтверждает универсальность процессов наивного сознания вместе с уникальностью элементов переноса. Г.В. Токарев отмечает, что «широкое использование прямой нерасчленённой номинации определяется когнитивной универсальностью данного способа. С одной стороны, данный способ объективирует неактуальные для лингвокультурной общности смыслы, с другой – наиболее актуальные, отражающие этапы классификации» [Токарев 2009: 46]. Следовательно, в результате первичной и вторичной номинации осуществляется семантическая категоризация, формируются уникальные знаковые системы и семантические поля, и именно в них отражаются культурные коды, которые складываются в целостную картину мира.

Не так часто ставят вопрос о культурной маркированности единиц фонетического уровня языка, однако она, без сомнения, есть, что проявляется в трудности усвоения различных фонетических единиц – гласных и согласных звуков, моделей акцентуации, интонационных конструкций – при изучении языка. Эти явления изучены в аспекте методики обучения, в сравнительном аспекте, но не описана их культурная составляющая. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров так пишут о «критерии шибболета»: «на основании некоторых... признаков в произношении говорящего окружающие судят о нём, получая сведения о его прошлом и настоящем...» [Верещагин 1980: 185]. Здесь важное значение приобретают региональные, диалектные и социолектные особенности произношения (московское аканье и иканье, северное оканье, произношение фрикативных заднеязычных согласных, аффрикат, интонация). Таким образом, фонетические особенности речи способны нести информацию о территориальной и социальной принадлежности человека, понятную и доступную носителю языка, не воспринимаемую представителями иной культуры.

Лексический фонд языка называют верхним слоем лингвокультуры, так как национально-специфичное проявляется наиболее явно в единицах лексико-семантического уровня языка – лексемах и фразеологизмах, и поэтому именно эти единицы считаются наиболее изученными. Слово и фразеологизм, в отличие от интонемы, имеют воспринимаемый план содержания, который доступен анализу, включая и культурную информацию, которая отражена в семантической структуре конкретной языковой единицы. Культурная маркированность лексического и фразеологического значения проявляется в том, что в структуре лексического значения, включая и внутреннюю форму, происходит накопление устойчивых ассоциаций и связей различного типа, парадигматических и синтагматических, стилистических и прагматических, они проявляются в ассоциациях по сходству и смежности, по допустимости использования в различных типах речевых актов, они доступны носителям данного языка и членам данного культурного сообщества. В монографии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова представлено мнение о том, что область значения – это «реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического (абстрагирующего) знания о мире, в которое вплетается культурно-языковой опыт данной языковой общности» [Верещагин 1980: 7]. Исследователи определили основные принципы реализации лингвокультурологического подхода к анализу и презентации единиц языка, а также и речевых отрезков в учебных целях. Эти принципы основываются на традиционном представлении о лексическом значении как семантического треугольника, в котором помимо самого имени выделяется денотативный блок, осуществляющий референцию в речи, и сигнификативный, в котором происходит накапливание различной информации, в том числе и культурно маркированной. Денотативный компонент значения, отличающийся национально-культурным содержанием, позволяет предположить, что речь идет о слове-реалии, или о безэквивалентной лексеме, называющей объект материального мира, который не представлен в других культурах. Таким образом, денотат как структурный элемент лексического значения репрезентирует структурированную картину мира,

содержащую в том числе культурно маркированные единицы, соотносимые с концептами, понятиями, сценариями и с различными классами лексем. Например, слова «валенки», «кокошник», «картуз» относятся к лексико-семантической группе слов, именующей предметы национальной одежды. Такая ЛСВ обладает сложной структурой, она делится на несколько подгрупп: обувь, верхняя одежда, женская одежда, – и все это выделяется и объединяется в группу на основе денотативного компонента значения. Все эти слова одновременно образуют группу слов-«архаизмов», они называют объекты, которые существовали в прошлом. Возьмем другое слово – «дворовый», оно входит в лексико-семантическую группу, называющую человека по социальному признаку, одновременно данная лексема является частью родственных слов «двор», «дворня», «дворник», которые больше относятся к социально-исторической лексике, слово входит в состав устойчивых словосочетаний «дворовый слуга», «дворовые люди», «дворовая девушка», которые входят в разные группы – термины, социальные термины. Субстантивированное прилагательное «дворовый» входит в состав лексико-семантической группы и вступает в парадигматические отношения с такими словами, как «крепостной», «барин», «слуга», «усадьба», входит в лексико-семантическую парадигму, описывающую жителей дворянской усадьбы. Названные связи постоянно накапливаются и составляют сигнификативный компонент лексического значения слова. Следовательно, культурно маркированная информация является частью разных компонентов лексического значения, как в денотативной области, так и в сигнификативной. Механизмы накопления этой информации и их изучение связаны с диахроническими процессами в семантике языка, в структурных отношениях внутри семантического поля, в прагматических и ассоциативных связях. Таким образом, лингвострановедческая ценность единиц лексического уровня может иметь различную природу.

Слово «дворовый» многозначное, оно имеет регулярное значение имени прилагательного и имени существительного, а также имеет переносные значения «крепостной, занятый работой в доме», «холоп, слуга». У слова есть синонимы – *кре-*

постной, раб, холоп. Приведенные парадигматические связи слов не могут не оказывать определенного влияния на национально-культурную специфику слова и его употребление в различных типах текста. Как отмечает Г. В. Токарев, «культурные аспекты интерпретации проявляются в процессе структурирования синонимического ряда, который заключается в формировании его центра – доминанты, а также синонимов, в наименьшей степени отличающихся своей семантикой от доминанты и чаще всего её заменяющих в различных контекстах, в оформлении семантических типов синонимов: идеографических, стилистических, стилевых» [Токарев 2009: 88]. Так, например, приведенные выше синонимы слова «дворовый» будут отличаться от синонима слова «валенки» – *катанки*. Оба слова относятся к идеографическим синонимам, так как различия между ними основываются на внутренней форме: это отглагольные образования, которые неразрывно связаны с производящей основой – глаголам *валять* и *катать*. А лексемы *раб, крепостной, дворовый, холоп* имеют общую, или близкую, коннотацию, в основе которой отрицательная оценка обозначаемого явления (денотата) как такого. Возможности переноса максимально отрицательной оценки со слов *раб* и *холоп* на более нейтральные историзмы *крепостной* и *дворовый* весьма высоки. Из этого можно сделать следующий вывод: вхождение слова в определенные лексико-семантические парадигмы, например, синонимические ряды, также влияют на коннотацию и отражают сложившиеся оценки в национальной картине мира. Именно поэтому сочетания с антонимическими отношениями и полисемией часто ложатся в основу реконструкции концептов и целых концептуальных областей. Исследователь С.Г. Воркачев отмечает, что если понятие по преимуществу нейтрально или содержит лишь объективные оценки, то концепт обязательно включает образную составляющую, ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций [Воркачев 2001: 57]. Такие коннотации активно изучаются и описываются, так как их возможно реконструировать на основе анализа внутренней формы слова, а также его связей в составе различных лексико-семантических и лексико-грамматических парадигм.

Синтагматические связи лексемы тоже способны формировать образно-метафорический фон, отличающийся национально-культурной специфичностью, он в высокой степени отражает лингвокультурную ценность слова. Л.О. Чернейко в работе «Абстрактное имя и система понятий языковой личности» (1997) отмечает, что коннотации, отраженные в сочетаемости концепта, могут раскрывать его культурную специфику [Чернейко 1997]. Это высказывание можно подтвердить простым экспериментом. Мы сравнили употребление слов-реалий «валенок» и «крепостной», представленное в Национальном корпусе русского языка, и отметили следующее: в подавляющем количестве примеров слово «валенок» употребляется в своем прямом значении – «мягкая зимняя обувь с высоким голенищем, сваленная из шерсти»: *«Отделка и форма валенок также отличаются невероятным разнообразием: вышивка, аппликация, стразы и даже разноцветные перья экзотических птиц»*. Помимо этого, лексема включается в состав устойчивых словосочетаний, и они являются ярким примером ассоциативно-образного направления, что приводит к развитию семантики данного слова: *«Их аргументация проста как валенок и экономики не касается; Я с ним беседовал. Тупой, как валенок. Устойчивые обороты, включающие сравнение, простой как валенок; тупой, как валенок наглядно показывают, как трансформируется значение – «нечто очень простое, примитивное, являющееся результатом нехитрого монотонного труда, не требующего особых интеллектуальных способностей»*. В итоге появляется производное, переносное значение – «человек очень примитивный, не отличающийся высокими умственными способностями»: *«Он же Джульетту задушил там, в пьесе, за то, что она с негром каким-то спуталась!» Прикинь, да, какой валенок? С кем приходится работать!»*. Таким образом, анализ употребления слова-реалии в различных контекстах показывает, как формируется и развивается лингвокультурный образ, связанный с лексемой «валенки». Слово-реалия «крепостной» показывает сходный, но при этом уникальный путь развития значения. Анализ употребления продемонстрировал, что наиболее часто встречаются нейтральные употребления: *«Народоволец Николай Морозов ... рассказывает историю гибели своего деда-помещика:*

крепостной камердинер, оскорбленный барин, в сговоре с дворецким «подкатил под спальню дома большой бочонок пороху, ..., зажег и ушел; Образумила его вовсе не мысль о предстоящей карьере, а неожиданная любовь к собственной крепостной, на которой он, по совету Рязанского архиепископа Феофилакта, женился». Однако довольно часто встречается и использование этого слова в переносном значении, которое становится оценочным: *«Помимо личных качеств Курчатова сыграл свою роль и его опыт «крепостной» жизни при советской власти; Истоки этой христианской кротости, этой византийской аскетической чистоты те же, что и истоки ленинской страсти, нетерпимости, фанатической веры – они в тысячелетней крепостной несвободе; В таком унижительном положении самых настоящих крепостных находились до недавнего времени все наши артисты, выезжавшие на гастроли в другие страны: у них отнимались заработанные деньги самым бессовестным образом» (И.К. Архипова. Музыка жизни, 1996).*

И в этой ситуации употребление слова показало, как постепенно развивается полисемия у данного слова, расширяется объем лексического значения, семантика развивается в определенном направлении, что представляет взгляд носителей языка и постепенное изменение отношения к данному концепту.

Относительно формирования лингвокультурного образа может существовать одновременно несколько прямо противоположных точек зрения на то, существует ли какая-либо предопределенность, диктующая обязательную или возможную национально-специфичную единицу языка. Одни ученые, например, А. Вежбицкая, пишут, что имеются определенные базовые понятия культуры, они способны репрезентировать представления-стереотипы о мире того или иного народа. К таким элементарным понятиям относятся числительные, слова, называющие время, временные отрезки, а также многие символические определения трудовой деятельности [Вежбицкая 1996].

Лингвокультурный потенциал словообразования, морфемной структуры слова также стал предметом научных исследований. В работах Е.С. Кубряковой показывается, что производное слово всегда связано с особенностями процессов

концептуализации, структуризации знаний человека о мире. Производное слово аккумулирует иногда родственные, а иногда отделившиеся друг от друга представления, выдвигает на первый план символические представления, часто актуализирует новое или важное в динамично меняющейся картине мира, или наоборот, напоминает что-либо старое, забытое. На примере производного слова видна высокая степень синтеза знания, а также основные направления трансформации лексического значения. Е.С. Кубрякова указывает на то, что «создание производного слова и его принятие обществом косвенно свидетельствует о том, что некий комплекс значений, который может быть <...> выражен и расчленённым способом, нуждается в специальном наименовании из-за косвенности и постоянной повторяемости данного комплекса в неизменном виде, т.е. в силу его важности для говорящих на данном языке или отнесенности к отдельной реалии...» [Кубрякова 1981: 56]. В исследованиях Е.С. Кубряковой убедительно доказано, что принципиальные отличия между производным и производным словом очень важны и имеют качественный характер, так как последнее не просто существует в рамках словообразовательной цепочки, но и вступает в сложные связи в пределах словообразовательной модели и имеет «референцию к миру действительности, типичную для класса слов вообще, и референцию к миру слов, типичную для вторичных единиц номинации» [Кубрякова 1981: 10], то есть двойную референцию. Безусловно, производное слово на основе своего значения (=отношения к миру) также способно быть элементом определенных семантических полей, семантических парадигм и оппозиций, оно также имеет устойчивые связи с другими единицами, однако производная лексема имеет совершенно иной потенциал, так как включается в словообразовательные парадигмы, модели, цепочки, образует новые оппозиции, обусловленные такими единицами словообразовательной системы, как словообразовательный тип.

Наличие лингвокультурного содержания у производных слов дает возможность предположить, что национально-культурные смыслы проявляются не только на лексико-фразеологическом уровне языка, но и на грамматическом (лексико-

грамматическом и синтаксическом). Это объясняется и тем, что в основе грамматических категорий языка лежит грамматическое значение, которое формируется на основе процесса категоризации и является в высокой степени абстрактным. Именно по этой причине грамматические категории сопоставимы на межъязыковом уровне, могут различаться полностью или частично, а также совпадать в различных языках. Так как грамматическое значение формально, имеет отвлеченный и обобщенный характер, носители языка не всегда его четко осознают. По этой причине культурные различия в грамматическом аспекте изучаются не так часто и определяются сложнее, чем в лексике и фразеологии.

Приведем следующие примеры: и в русском языке, и в фарси есть лексико-грамматические категории частей речи – существительное, местоимение, числительное. При этом в русском языке различие между именем существительным и именем прилагательным довольно четкое: так как у них различные синтаксические функции, это проявляется в различных парадигмах словоизменения и различных проявлениях грамматических категорий рода и числа. В фарси прилагательные и существительные различаются только по лексическому значению и синтаксической функции, в остальном они похожи. То же можно заметить и в отношении грамматических категорий: например, категория рода характеризует все существительные без исключения, а для прилагательных она является словоизменяющей, в фарси же рода как грамматической категории нет. Как показывают древние языки – санскрит, древнегреческий, латынь, грамматическая категория рода складывается в древнейший период. А.А. Потебня считал, что она основывается на антропоморфном взгляде древнего человека на мир. В ее основе лежало подразделение на различные типы основ, которое затем вступает в определенные отношения с семантикой пола, однако в каждом языке развитие этой категории шло разными путями.

Д.С. Лихачёв считал формирование и функционирование грамматической категории времени очень важным, он писал, что «настоящее, с точки зрения обычных представлений нового времени, находится между прошлым и будущим» [Загидул-

лина 2010: 287], поскольку представления о будущем в обыденном сознании связано с тем, что впереди, а о прошлом – с тем, что позади. Для одних языков актуальным является противопоставление длительного, повторяющегося и законченного действия, для других языков это неважно. Например, в русском языке такое противопоставление реализуется в рамках разных категорий, грамматической категории времени и семантической категории вида. В персидском языке эти противопоставления выражаются в границах категории вида.

Предлоги отражают национальные представления о времени и пространстве. Нередко временные и пространственные отношения могут передаваться одним и тем же предлогом, что отражает специфические представления носителей языка, например, обозначение точного времени в одних языках выражается предлогом, одновременно обозначающим нахождение «внутри», а в других – нахождением на поверхности чего-либо.

Таким образом, лингвокультурное изучение языка позволяет утверждать, что языки способны репрезентировать не только в лексике, но и в грамматике актуальные и важные концепты для культуры соответствующего народа. Одновременно с этим языки могут и совершенно игнорировать концепты, существенные для других культур. Говоря о грамматике лингвокультуры, Н.А. Красильникова отмечает, что «грамматика как таковая требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, отношений между ними, а также правил их функционирования» [Красильникова 2008: 3]. Попытка определить и описать эти категории грамматики лингвокультуры содержится в последующих главах данной работы.

1.2. Лингвокультурный образ страны

Лингвокультурология изучает окружающий мир в совокупности явлений и процессов и во взаимодействии его с системой языка, способной транслировать неповторимый концептуальный мир человека, создающего материальную и нематериальную культуру посредством языка. Собственно культура репрезентируется не

только при помощи материальных артефактов, но и в дискурсивных практиках, способствующих различным видам деятельности человека, в произведенных текстах, аккумулирующих все формы отражения картины мира в сознании, в мифах, в религии и искусстве. Национальный дискурс – это открытая среда, которая также поддается лингвокультурологическому анализу. Под пристальным вниманием исследователей находятся речевые и поведенческие стереотипы, речевой этикет, тексты различной стилевой принадлежности (в особенности публицистические и художественные), социально и национально маркированные единицы архитектуры этих текстов.

Изучение лингвистических образов стран и народов тесно связано с описанием картин мира и самосознания этнической группы, так как это напрямую связано с осознанием культурной идентичности «себя» и «чужого». Этническая самоидентификация предполагает оценку традиций, стереотипов поведения, представленных в формулах языка и речи, текстов, регулирующих поведение в определенных условиях и ситуациях.

Складывающиеся в процессе общения представления о своем народе влекут за собой понимание отличий этнических стереотипов «другого» благодаря выстраиванию множественных оппозиций «свой – чужой», являющихся базовыми, связанными с формированием самосознания.

Современные исследования в этой области разделяются на несколько групп: в первую очередь, это описание образа России в русской культуре, во вторую очередь, это описание образа России в иных культурах, и в-третьих, это исследование образов стран и этносов в русской культуре. Здесь необходимо отметить такие работы, как «Национальный образ России: философско-культурологический анализ» [Борисенко 2008], «Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования» [Быба 2008], «Образ постсоветской России в немецком еженедельном иллюстрированном журнале «Шпигель» [Черненко 2009], «Аксиологические аспекты языковой репрезентации образа России в современном

немецком дискурсе» [Костина 2022], «Образ «себя» и «других» в языковом сознании англичан» [Денисенко 2005], «Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века» [Дмитриева 2007], «Образ Франции в русской словесности XVIII – первой половины XIX вв.: мотивы, образы, концепты» [Тризно 2014], «Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ» [Моисеева 2007], «Иран в русской литературе» [Мотамедния 2009], «Формирование образа Персии и персов в России и СССР в 1800-1971 гг.» [Ларионова 2012] и много других. В представленных работах образы России и других стран изучаются на материале текстов с позиций философского, исторического, культурологического, дискурсивного анализа как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

Текст – основной объект изучения как филологии, так и лингвокультурологии. Это определяется тем, что в тексте представлена культура и одновременно текст сам является строительным материалом для культуры, то есть он в тоже время и объект, и инструмент культуры. Известный специалист в области изучения текста С.И. Гиндин отделяет речевую деятельность («речевой поток») от текста по критерию наличия у последнего границ и отмечает, что «имея границы, текст обладает относительной отдельностью (автономией) от своих соседей по речевому потоку – других текстов и относительным единством (целостностью)» [цит. по: Гвоздева 2009: 14]. Все сказанное побуждает исследователей активно изучать такие компоненты текста, как композицию, структуру, проблемы актуального членения, типы зачина, элементы связи абзацев и переходы.

Индивидуальное, узуальное и системное представлены в тексте в тесном единстве. Системность предопределена тем, что текст строится по законам языка, по определенным речевым стандартам, а его индивидуальные характеристики реализованы в бесконечной вариативности речевой формы. Данные свойства наиболее ярко представлены в художественном тексте, что объясняет традиционное внимание филологов, лингвокультурологов именно к этой разновидности текстов.

Художественное произведение в современной культурологии описывается с помощью особой рамки, которая предполагает рассмотрение текста одновременно как источник информации и как эстетический объект. Информация, представленная в тексте, репрезентирует важные представления об устройстве мира, оценку явлений и событий. При восприятии текста в сознании читателя появляются образы описываемых событий в их целостности, и в их связях. Ю.М. Лотман отделяет понятие текста от художественного произведения и определяет его как «один из компонентов художественного произведения <...> художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман 1992: 94].

Лингвокультурный подход к изучению текста основывается на следующих общих положениях: текст – это речевое образование, которое отличается коммуникативной целостностью, связностью и законченностью, он обладает уникальной внеситуативной ценностью, так как содержит определенную информацию о мире, находится в определенных отношениях с другими текстами, встроен в особую парадигму, репрезентирующую картину мира как личности, так и народа. Речевые произведения иного рода (высказывания, реплики, фразы), значимы лишь ситуативно, только в определенном времени и пространстве (хронотопе) и для определенной группы лиц. Тексты же, по М.Ю. Лотману, составляют «коллективную память культуры» [Лотман 1996: 93], и не любое сообщение достойно записи, ведь все, что записано становится текстом, становясь, таким образом, значимым элементом культуры.

Исследователи образа России и образов других стран отмечают важность мифов, которые закрепляются в определенных поведенческих стереотипах, представлениях, речевых формулах. Стереотипы актуализируются в художественных текстах, научно-популярной литературе, СМИ. Они транслируются в определенных словах-мифологемах, таких как «царь» для описания России или «шах» для

описания Ирана. Языковые образы в этой связи понимаются как система ориентиров для деятельности, так как самобытность «народного духа» (В.фон Гумбольдт) воплощается в языке.

Изучение образа страны или этноса, его культуры, позволяет выделить системы, образующие национальную концептосферу или национальный культурный мир, позволяет разграничить «своих» и «чужих». Члены любого сообщества руководствуются «картиной мира» при определении своего поведения и преобразуют на их основе собственный опыт.

Нередко национальные идеалы, символы, приоритеты, стереотипы подвергаются изменениям под воздействием исторических обстоятельств, но при этом сохраняют ценность в виде важных, значимых культурных концептов, составляющих картину мира.

Понятие лингвокультурного образа «другой» страны, который формируется в сознании народа, очень часто предполагает наличие оценочного компонента. Он во многом определяется типом контакта, а также типом дискурса, например, современные СМИ всегда заинтересованы в создании оценок, и в качестве предпочтительных оказываются негативные коннотации, так как именно они привлекают большую аудиторию.

Осознание идентичности непосредственно связано с родным языком и культурой, в современных условиях большую роль здесь имеют средства массовой информации; в прошлые столетия ключевую роль играли мифы, художественная литература, путевые заметки и мемуары. Национальная идентичность современного общества постоянно подвергается изменениям в связи с глобализацией, однако нельзя отрицать и взаимовлияние и взаимопроникновение культур в прошлые столетия в связи с тесными контактами (русская и французская культуры) или в связи с вхождением в историко-культурные ареалы, основанные на общности религии: православная культура, мусульманская культура. Такие объединения строятся на основе общности определенного комплекса текстов и проявляются именно в них.

В своей книге «Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» М.М. Бахтин говорит о первичной данности текста, рассматривает его как исходную точку исследования для всех гуманитарных наук, ведь «там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные дисциплины» [Бахтин 1979: 301]. Обращаясь к проблеме текста, ученый сосредоточился на истинно творческом тексте, который имеет автора, или субъекта, в таком тексте реализуется «свободное... откровение личности» [Бахтин 1979: 301]. Известный ученый совершил значимое открытие, когда обосновал диалогичную природу любого текста. Так как текст представляет собой отклик на отдельные предыдущие высказывания, так как он всегда адресован к творческому отклику, он осуществляет «диалогические отношения». Участники этих диалогических отношений находятся в различных отношениях личностного плана, по преимуществу равноправных, результатом таких отношений является глубокое взаимопонимание и взаимообогащение индивидов, приобщение к содержанию, ведущему к единению и осознанию близости. По М.М. Бахтину согласие является одной из важнейших форм диалога [Бахтин 1979: 304].

Сформулированный М.М. Бахтиным принцип диалогичности был усвоен другими науками, в частности, герменевтикой, что проявилось в разработанных одновременно с бахтинской концепцией идеях западноевропейских ученых-«диалогистов». М. Бубер, как и М. Бахтин, неоднократно утверждал, что любое произведение искусства или объект культуры диалогичны. Этот признак он связывал и с текстом, автор которого обращается к воображаемому «другому», да и сама мысль рождается лишь при внутреннем диалоге: «Монологичного характера не имеют ни понимание основных условий, с которого начинается познающее мышление, ни постижение, ограничение, концентрация понимания, ни его внедрение в самостоятельную понятийную форму, ни даже выражение и истолкование в языке» [Берри 2001: 148]. Согласно М. М. Бахтину, диалогичность – это коммуникация равных, это живой отклик на высказанное мнение, на нарратив о каком-либо событии. От-

крытость сознания и поведения человека в реальности, способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия способствуют тому, что диалогичность разворачивается в любых формах деятельности, в том числе и речевой. «Быть – значит общаться», – писал М. Бахтин [Бахтин 1979: 334]. Из этого философского утверждения ученого вытекал важный вывод, что само существование – это диалог, общение, оно возникает или протекает между отдельными индивидами и социальными группами, народами, даже коммуникация между представителями различных культурных эпох становится возможной. Этот диалог различных культур и представителей постоянно меняется и обогащается новым смыслом, материальными свидетельствами этого диалога выступают высказывания и тексты. Одновременно М.М. Бахтин замечает, что неправильно воспринимать диалогические отношения как конфликт, дискуссию или спор, их надо рассматривать как способ духовного обогащения людей и их единения. Читатель не просто участвует в диалоге с автором текста, он преодолевает «чуждость чужого», пытается достичь глубокого понимания текста и познакомиться с опытом другого, духовно обогатиться за счет этого опыта и научиться выражать себя.

Ю.М. Лотман также воспринимал текст как важное гуманитарное явление и главную точку приложения гуманитарных исследований. Ученый и культуру понимал как текст особого рода, «механизм роста информации» [Лотман 1992: 78], «совокупность текстов или сложно построенный текст» [Там же]. Настоящий текст как часть гуманитарной культуры, по словам ученого, следует признать истинным по природе, в то время как «ложный текст – это такое же противоречие в терминах, как ложная клятва, молитва, лживый закон – это не текст, а разрушение текста» [Лотман 1992: 78]. Согласно высказанным идеям ученого, текст может существовать только в культуре, он не что иное, как элемент культуры, культура создает текст и через него выражается. Отношения культуры и текста также весьма интересны: с одной стороны, культуру обычно считают внешним по отношению к любому тексту собранием смыслов, а она во многом формирует внутреннюю ткань текста, без нее он не может быть воспринят полностью, но также и не может быть

создан именно таким. С другой стороны, культура – это сложная семиотическая система, состоящая из различных текстов, выраженных в различных знаковых системах. Ю.М. Лотмана интересовали вопросы текстовой коммуникации. Он полагал, что участники общения могут поведенчески сильно различаться: создатель текста (адресант) транслирует какое-либо содержание в сложной, не всегда всем понятной, иногда даже закодированной форме: «чтобы восприниматься как текст, сообщение должно быть не- или малопонятным» [Лотман 1996: 57]. Поэтому положение о том, что отправитель всегда кодирует информацию в тексте ученый считал принципиальной. А реципиент текста полностью доверяет создателю текста, поэтому обращается к помощи посредника, толкователя. Под толкованием понимался перевод в другой семантический код, а также и допустимая интерпретация: «чтобы быть взаимно полезными, участники коммуникации должны «разговаривать на разных языках» [Там же]. Так, М.Ю. Лотман трактует текст, который апеллирует к переводу и творческому переосмыслению, как многозначный и контентно открытый, такой текст является не только хранилищем смыслов, но и их генератором.

На основе положений о тексте, об отношении текста и культуры, которые были высказаны в работах М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, можно сформулировать некоторые выводы: текст – это настоящий феномен культуры, способ аккумуляции культурной информации, одновременно он еще и речевое событие, способное реализовывать функции в самых различных ситуациях, вне зависимости от времени и места возникновения. Текст как событие культуры основательно проработан его творцом и отшлифован временем. Это значит, что восприятие или анализ текста в семиотическом и культурологическом аспектах – важный процесс наряду с филологическим, лингвистическим и литературоведческим анализом текста в традиционном понимании. Культурологический анализ текста соответствует стремлению так представить авторство текста, осмыслить разнородность его содержания, чтобы можно было четко передать, как культурные традиции организации текстовых форм заимствуются другими национальными культурами, литературными языками, подвергаются творческой переработке, трансформации одних категорий в

другие. В результате этих идей в лингвокультурологии появилось еще одно важное направление – исследование лингвокультурного содержания текста, которое передает определенные образы и стереотипы. В культурологии текст изучается как материальное проявление культуры, ее уникальная репрезентация. Язык является инструментом репрезентации, а культура воспринимается как среда, в которой возможно создание и обмен текстами. Ю.Лотман признавал понятия «русский язык» и «текст на русском языке», однако разграничивал их и предполагал собственные методы изучения для каждого [Лотман 1996: 60].

Информация, смыслы, которые составляют содержание культуры, генерируется в тексте, он также является ее хранителем. Культура включает в себя программу по созданию текстов, способную хранить предшествующие тексты. Сохранение не обязательно предполагает формирование определенного текстового канона, допускается и интерпретация и критика текста. Все подобные манипуляции с текстами свойственны культуре, так как именно в текстах хранятся разнообразные образы прошлого и конкурирующие между собой образы будущего, которые как нельзя лучше представляют цели и страхи народа. Каждый текст не может восприниматься изолированно, как уникальный объект, в противном случае не могла бы сформироваться обобщенная картина мира, а существовала бы хаотичная мозаика разрозненных фрагментов. Следовательно, тексты существуют в определенной среде, формируют ее и смысловое пространство, они вступают в сложные отношения с коллективной памятью, постоянно подвергаются ее воздействию. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь [Лотман 1992: 21-22].

Абсолютно новые принципы представления автора текста как участника коммуникативного события принадлежат М.М. Бахтину. Исходя из представлений о том, что текст – это диалог автора и воображаемого адресата, ученый считал, что автор «должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость» [Бахтин 1979: 165-166]. Автор текста стремится к созданию независимой ни от кого реальности, которая способна самостоятельно развиваться, обрести определенным

новым содержанием. Это и следует считать процессом художественного творчества, «преодолением языка», понимая, что «поэт творит не в мире языка, языком он лишь пользуется» [Бахтин 1979: 166]. М.М. Бахтин отделял языковое сознание от творческого сознания автора, определяя первое как инструмент последнего. Согласно Бахтину, автор текста использует язык как особую материю, создание высказывания – это своеобразное преодоление языкового материала, когда выражается некоторое новое содержание в соответствии со своим замыслом и интенцией; ученый использует для этого образный пример: он сравнивает текст с мрамором, который в руках скульптора перестает упорствовать и по воле мастера пластически преобразуется в формы тела [Бахтин 1979: 168].

Содержательное и жанрово-стилевое разнообразие текстов не исключает общих признаков – связности, цельности и законченности, учет которых способствует выделению общих принципов исследования, классификации, это делает возможным сравнительное изучение в разных гуманитарных дисциплинах: в теории текста, в герменевтике, в лингвистике и литературоведении, а также и в лингвокультурологии. Являясь артефактом культуры, в какой бы форме он не был создан, устной, письменной, аудиовизуальной и др., текст, по словам Ю. Лотмана, выражает способность человека строить нарратив, осуществлять директивные установки, формулировать новое значение. Для достижения поставленных целей отправитель сообщения выполняет несколько сложнейших операций: определяет информационно-композиционную форму в соответствии с заложенными в нее установками. Установки говорящего также разнообразны: привлечение внимания адресата, ориентация мотивов общения, стимулирование информационного обмена, понимание результатов коммуникации: транслировать оценку объекта, убедить в истинности или ложности высказывания и т.п.

Однако в лингвокультурологии под текстом понимается не только законченный нарратив или сообщения, наряду с ними лингвокультурными текстами могут называть также идиомы, паремии, имена собственные, прецедентные явления. В исследовании Г.В. Токарева вводится понятие «симболярия культуры» которое

определяется как «совокупность знаков различных семиотических систем, обладающих культурной семантикой» [Токарев 2009: 44]. То есть, например, сумма репрезентаций концепта «любовь» – это и есть его культурный симболярий. Далее автор замечает, что симболярий культуры функционирует подобно семантическому полю и включает в себя разнообразные единицы. Известный ученый, специалист в области русской фразеологии В.Н. Телия также называет фразеологизмы и другие устойчивые выражения особыми текстами, прецедентными текстами, обладающими лингвокультурной значимостью. Исследователь пишет, что «текст культуры – любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет место культурно маркированная деятельность» [Телия 1999: 20]. Следовательно, как сложный по объему и смысловой насыщенности художественный текст, так и устойчивое сочетание идиоматического характера, часто полисемичное, можно считать текстами культуры, в которых представлены определенные концепты культуры, сценарии, поведенческие стереотипы.

Культура подобна тексту, она, как и текст, обладает системно-структурной оформленностью. Основными признаками текста являются цельность, связность и законченность, культура также цельна, ее можно считать структурно связанной, но она не отличается законченностью, она является безграничной. Культура выражается в тексте, а текст – составная часть культуры, ее «материя». Текст неразрывно связан с автором, адресатом и другими текстами. Ю.М. Лотман полагал, что и текст, и культура отличаются общей семиотической природой, поэтому их отношения следует представлять как иерархию семиотических систем в их взаимодействии. Эта взаимосвязь проявляет неповторимую роль индивида (адресанта и адресата), который выступает в разных позициях – в качестве творца текста и в качестве интерпретатора (толкователя). Ю. М. Лотман уделял много внимания тому, что нельзя отделить человека от культуры точно так же, как нельзя рассматривать его отдельно от социальной или экологической сферы [Лотман 1996: 204]. Таким образом, сущность культуры проявляется и в том, что составляющие ее тексты формируют уникальную социокультурную среду.

Лингвокультурологическое изучение и описание текстов, по определению В.М. Шаклеина, «дает возможность взглянуть на мировую лингвокультуру сквозь призму законов развития культуры в широком понимании этого термина» [Шаклеин 2015]. Таким образом, исследователь понимает культуру как данное, отраженное в текстах определенной эпохи. Тексты, в свою очередь, являются хранилищем идей и традиций. Смена культурных парадигм, взаимовлияние литературных языков, принципов их изменений — все это отражается в текстах различных стилей и жанров. Описывая какую-либо эпоху в ее становлении и развитии, можно выделить определенные культурные доминанты, определяющие самую суть эпохи, цивилизации, ее вклад в родственные, близкие культуры, в мировую культуру. Подобные лингвокультурные доминанты раскрываются в каждой конкретной лингвокультуре по-разному.

Из всего сказанного выше вытекает, что культура и текст близки по природе, так как являются семиотическими средами (культура – открытая среда, текст – закрытая, но с возможностью трансформации), служат для коммуникации, формируют условия успешной коммуникации. Являясь составной частью культуры, текст, участвуя в коммуникации между индивидами, транслирует смыслы, восприятие которых представителями разных социальных и культурных групп способно изменять отдельные передаваемые смыслы. На основе такого общения культура развивается, при этом сохраняясь в своей основе, создается, при этом опираясь на уже существующее, является понятной для всех реципиентов. Все культурные тексты внутренне диалогичны, так как не только транслируют информацию, но и вызывают определенный отклик, стимулируя к созданию новых текстов.

Семиотическая теория культуры, сформированная Ю.М. Лотманом, имеет, безусловно, огромное значение для появления лингвокультурологии как специальной научной дисциплины [Лотман 1996]. На основе трудов известного ученого возникло отдельное направление лингвокультурологических исследований, цели которого воспринимаются как описание представлений лингвокультурных образов в художественном тексте. Ю. М. Лотман многократно замечал, что культура – это

исторически сложившийся и определенным образом организованный набор семиотических систем, каждую из которых можно назвать языком. Однако под языком понимается не национальный язык, а определенная система знаков, которая обеспечивает коммуникацию в конкретном социуме. Наличие множества семиотических систем, согласно Лотману, позволяет утверждать, что существует множество культур, каждая из которых является частью более крупной культуры. Следовательно, носитель любого языка является полиглотом, количество языков, которыми он владеет, зависит от степени дифференцированности национальной культуры, составляющих ее подсистем. Современная лингвокультурология использует в своих исследованиях это положение теории текста Ю.М. Лотмана, что проявляется в изучении внутренней культурной дихотомии художественного текста, отношений между текстами, в описании смены ментальных парадигм, вторично представленных в текстах. Лотман неоднократно повторял, что определенная культура (национальная, культура определенного социального сообщества) существует не изолированно, а вступает в непрекращающийся диалог с другими (чужими) культурами, с внешним миром. Участие в таком диалоге приводит к расширению культуры, к включению элементов контактирующих культур по определенным каналам, которые заложены уже в саму культуру. Таким образом, чем в большее количество диалогов вступает культура, чем разнообразнее она становится, тем богаче. Однако процесс расширения культуры нельзя назвать линейным: новые элементы не просто входят в систему, они обрастают новыми связями, встраиваются в определенную иерархию. Казалось бы, такие процессы должны приводить к стиранию границ между национальными культурами, однако этого не происходит, свою самобытность культура сохраняет, так как ее элементы находятся в постоянном диалоге и взаимодействии, что усложняет ее фрагменты, с одной стороны, и одновременно упрощает, генерализует их, с другой. Ю.М. Лотман также неоднократно подчеркивал семиотическую неоднородность знаков культуры, выделяя среди них такие единицы, как слова-символы. Он пишет: «Связи, в которые вступает символ с

помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей» [Лотман 1992: 242], то есть оставшийся резерв дает возможность символу строить новые, неожиданные связи.

Термин «лингвокультурология» впервые появился в исследовании Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Лингвистическая проблема страноведения в преподавании русского языка иностранцам», в 1971 г. Таким образом, страноведение – прикладная область исследования в целях обучения языку, а также лингвокультурология были сначала созданы в практической, прикладной области. Ученые замечали, что овладение иностранным языком неизбежно приводит к осознанию приобретения определенного объема культурологических знаний, без которых восприятие ментальности носителей другого языка представляется весьма затрудненным. В виду этого формирующееся лингвострановедение воспринимается в профессиональной среде в качестве одной из субдисциплин русского языка как иностранного, которая презентует, в первую очередь, кумулятивную функцию языка и ставит целью преподнести культуру страны через изучение языка. Стратегическая цель лингвокультурологии как прикладной дидактики мало чем отличается от лингводидактики и понимается как формирование коммуникативной компетенции в актах межкультурного общения. Однако очевидно, что приоритет здесь отдается рецептивным формам речевой деятельности, таким как восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов. Индивид, изучающий иностранный язык, должен обладать лингвокультурной компетенцией, основу которой составляют так называемые фоновые знания или пресуппозиции, характерные для типичного представителя российского лингвокультурного сообщества. Стремление определить содержание лингвокультурной компетенции дало мощный импульс научным исследованиям, посвященным как вербальным, так и невербальным единицам, относящимся к концептуальной сфере.

В учебном проекте, известном как «Перспектив учебно-методического пособия по русскому языку», ученые отметили, что лексические

единицы часто содержат экстралингвистическую информацию, хотя они не относятся к непереводаемой лексике. Это содержание отражает культуру, обслуживаемую языком. С одной стороны, есть определенная область значений, связанных с географическими, климатическими, историческими и религиозными особенностями национальной культуры, а с другой стороны, есть менее заметная область, связанная с современными социальными практиками индивида. В соответствии с этим, ученые разработали теорию слова, которая говорит о структуре лексического значения и выделяет понятийное ядро, отраженное в словарных дефинициях, и «невыразимый» фон, который выражает эмоциональную оценку, экспрессию, ассоциации, свойственные носителям языка. Научные сообщества называют этот фон лингвострановедческим и подчеркивают необходимость его определения.

В процессе создания методологии для описания лингвострановедческого фона, ученые столкнулись с несколькими важными терминологическими вопросами. Одним из них стал вопрос, нужно ли отличать лексику, которая не имеет эквивалента в других языках, от лексем, которые имеют лингвострановедческий фон. В лингвострановедческой теории слова, разработанной Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым, основное внимание было уделено и безэквивалентной, и фоновой лексике. В процессе разработки методики описания и презентации лексических единиц этого типа отмечалось, что следует использовать разные приемы описания значения и разные способы семантизации их в учебном процессе. Таким образом, благодаря лингвострановедению изменился основной объект описания в направлении от слова к более крупным единицам, высказыванию и тексту. Ученые писали, что для понимания и анализа более «длинных» единиц, таких как высказывание или текст, необходимо создавать комментарии к художественной литературе, учитывая страноведческие факты, которые содержатся в произведении. Это поможет лучше понять и интерпретировать текст, повысить качество анализа.

В последние десятилетия XX века в науке проводилась серьезная дискуссия о том, на какой объект должно быть направлено внимание лингвокультурологии. В результате было предложено несколько терминов, раскрывающих содержание

культуры. Так, известный исследователь семантики языка Н.Д. Арутюнова обосновала термин «концепт» [Абиодун 2005: 32], В.В. Воробьев предложил термин «лингвокультурема» [Воробьев 2006], Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров обосновали необходимость термина «логоэпистема» [Верещагин 1990: 70], В.М. Шаклеин предложил 2 термина: «лингвокультурная универсалия» и, «лингвокультурная доминанта» [Шаклеин 1997]. Лингвокультурема «представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [Шмелькова и др., 2022: 232]. Термин «концепт» оказался наиболее жизнеспособным, поскольку он активно используется в различных научных областях. В лингвокультурологии и лингвистике, понимание концепта как единицы информации хорошо разработано. Но в науках, которые изучают проблемы познания и мышления (когнитивной психологии и когнитивной лингвистике) термины «гештальт», «представление», «фрейм» используются так же, как и в других науках.

На уровне системы также возникла большая дискуссия. Известный специалист в области изучения культуры академик Д.С.Лихачев предложил термин «концептосфера» в статье «Концептосфера русского языка». Согласно разработанной ученым модели, концептосфера включает систему смыслов национальной культуры, она организована по принципу поля и описывается с помощью деления на ядро и периферию. Ядро концептосферы состоит из базовых концептов культуры, которые могут быть как универсальными, так и уникальными. К периферии относится система значений, не обладающих национальной спецификой, лексикон. Д.С.Лихачев различал культурные концепты и художественные, то есть литературные, и считал такое разделение особо важным. Культурные концепты выражают сферу, представленную системой лексических значений, а художественные тесно связаны с фольклором и письменной культурой. Н.Н. Болдырев отмечает, что не все представители общества вносят равный вклад в концептосферу национального языка. Очевидными крупными «вкладчиками» являются писатели и поэты, однако народ-

ная, крестьянская культура также играет важную, если не ведущую роль в обогащении концептосферы, поскольку «концепты создаются не только в индивидуальном опыте человека» [Болдырев 2004: 6-7]. Определенное место в концептосфере могут занимать и заимствования: заимствование может являться лингвокультуремой, но только в том случае если оно служит для «наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, выражающих национально-культурную специфику» [Шмелькова и др., 2022: 236]. Таким образом, лингвокультурные образы являются репрезентацией мира идей человека и имеют устойчивые связи внутри семантической области языка. Они не только отражают мышление и культурные знания людей, но и влияют на формирование их взглядов и поведения. В то же время, лингвокультурные образы формируются в процессе речевой деятельности и зависят от прагматических условий их использования в национальном дискурсе.

Важным событием в развитии лингвокультурных исследований явилось издание монографии Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [Степанов 1999]. В книге было дано исчерпывающее определение базовых концептов (культурных констант), проведена их классификация, критерии их разделения на уровни, а также даны образцы описания и установления системных отношений базовых культурных концептов. Эта работа была продолжена в исследованиях А.Д. Шмелева «Русская языковая модель мира» [Шмелев 2005] и в монографии О.А. Гришиной «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Гришина 2004]. Выход этих книг ознаменовал начало массового описания концептов русской культуры в различного рода работах. На основе сравнительного анализа осуществляется моделирование концепта, который воспринимается как результат сложных культурных репрезентаций в процессе становления и развития.

В конце XX в. и XXI в. появляется множество исследований, посвященных описанию базовых концептов русской культуры, например, описание концептов 'честь' [Слышкин 1996], 'судьба' [Москвин 1997], 'гостеприимство' [Павлова 2000], 'собственность' [Бабаева 1997], 'власть' [Шейгал 2001], 'любовь' [Вильмс 1997],

'смерть' [Грабарова 2001], 'обман' [Панченко 1999], 'образование' [Толочко 1999], 'красота' [Мещерякова 2004], 'вежливость' [Томахина 2000], 'слухи' [Долгая 2000], 'закон' [Палашевская 2001], 'тоска' [Димитрова 2001], 'пища' [Злобина 2001], 'подвиг' [Кохташвили 2001], 'здоровье' [Усачева 2002], 'страх', 'радость', 'печаль', 'гнев' как поле эмоций исследуются в монографии [Красавский 2001], 'самоуважение' [Зеленова 2001]. В последние десятилетия это направление становится массовым, каждый год дающим несколько подобных исследований.

Концепты постепенно превращаются в универсальные феномены и составляют национальную картину мира. Национальная картина мира является результатом совокупности различных концептов, как индивидуальных, так и групповых, национальных и универсальных, а также элементарных и сложных по структуре. Это отражает уникальные взгляды и опыт народа, которые формируются в ходе исторического развития и взаимодействия с другими культурами.

К концу XX века произошла интеграция многих научных дисциплин, которые были направлены на изучение близких объектов исследования. Лингвокультурология представляет собой научную дисциплину, которая объединяет в себе исследования различных областей, таких как язык, культура, общество и история. Она помогает исследователям понять взаимосвязь между языком и культурой, а также то, как язык влияет на различные аспекты общества. Таким образом, лингвокультурология способствует развитию междисциплинарных исследований и помогает лучше понять сложные явления, связанные с языком и культурой. В.В. Воробьев определяет культурологию как «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 2006: 36-37]. Современные исследователи также замечают, что главный объект этой области научных исследований – влияние культуры на язык и языка на культуру, при этом

С.Н. Третьякова называет культуру «духовным освоением действительности» [Третьякова 2000: 37], а язык «важнейшим средством объективации культуры» [Там же]. Г.П. Нешименко предполагает два основных направления исследовательской деятельности: язык → культура и культура → язык [Нешименко 2000: 31-43].

В 2001 г. появилось первое учебное пособие по лингвокультурологии В.А. Масловой, что явилось четким свидетельством того, что лингвокультурология постепенно превращается в самостоятельную научную дисциплину, которая может изучаться даже в высших учебных заведениях. В учебнике описывались предпосылки возникновения новой науки, были перечислены основные номенклатурные единицы базы знания, проанализированы смежные области исследований. Таким образом, в этот период активно происходит институализация научной дисциплины, формируется ее терминосистема. Учебное пособие Г.В. Токарева по лингвокультурологии [Токарев 2009] также нацелено на точное и объемное представление новой области исследований, систематизацию направления исследований, определение основных задач новой области знания. В 2010 г. выходит также и монография Н.Ф. Алефиренко «Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка» [Алефиренко 2010], в которой автор исследования обобщил основные положения новой науки, основываясь на том, что центральным объектом описания является семантическая теория слова. В работе изложены истоки возникновения науки, основные области описания, перспективные направления дальнейшего развития, отмечается синергетика и символизация культуры. В монографии В.М. Шаклеина «Лингвокультурология: Традиции и инновации» [Шаклеин 1997] была сделана попытка осмыслить этапы, который прошла лингвокультурология как наука, указать на главные проблемы и механизмы реализации связи языка и культуры. В работе приведено теоретическое обоснование понятия «лингвокультурная ситуация», сделан обзор основных исследовательских тенденций, которые могут стать актуальными в будущем. В.М. Шаклеин много внимания уделяет методологии науки, формулирует принципы лингвокультурологического подхода к изучению текста и дискурса. В области теории речевых актов автор предлагает различать два значения

культурного высказывания: первое – как продукта языка и культуры, второе – как осуществление речевого высказывания [Шаклеин 2012: 107]. Таким образом, лингвокультурологический подход в исследовании дискурса предлагает исследователю выбор одного из направлений: «лингвокультурологический анализ» или «лингвистический анализ культурно значимой речи». Первый, по В.М. Шаклеину, включает исследование взаимосвязей между речевыми актами, второе – сопоставление речевых формул с культурно значимыми единицами речи, что предполагает интерпретацию речи [Шаклеин 2012: 107]. В монографии В.М. Шаклеина «Историческая лингвокультурология текста» [Шаклеин 2012] представлена эволюция языковой культуры в мире язычества и христианства, выделены ее особенности в разные исторические эпохи (от древности до нашего времени). В описании автор использует такие понятия, как языковые культурные парадигмы и универсалии, которые он понимает как символы семиотической системы языка, как языковые культурные образы.

Нельзя не заметить, что в обобщающих исследованиях, когда речь идет об описании единиц, все исследователи вслед за Д.С.Лихачевым обращают внимание на неравнозначность концептов, одни из которых тесно связаны с реальностью, с отражаемым миром, для других же более важна связь с миром идей и представлений. Для них по-прежнему выбираются разные термины, но содержание их уже выкристаллизовалось. Так, известный исследователь русской фразеологии В.Н. Телия называет их «квазиэталонами» и «квазисимволами», поскольку воплощение культурного символа в слове – это лишь указание на концепт, который не может являться собственным значением слова. Например, квазисимвол *петух* указывает не на домашнюю птицу, а на идею драчливости, задирчивости, квазисимвол *баран* указывает не на домашнее животное, а на идею упрямства и глупости – обе идеи репрезентируются образами животных. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «доминирующим для слова-символа является референт-идея, а референт-предмет выполняет при этом фоновую роль» [Алефиренко 2002: 84]. С. А. Кошарная называет эти единицы, которые мы называем лингвокультурными образами, «слова-символы»,

которые кодируют отношения лексического значения слова и значение символа, и для раскрытия второго необходима «своеобразная «разгадка» на основе контекста» [Кошелева 1985: 25]. Следовательно, исследователь обращает особое внимание на тесную связь подобных концептов с текстами, в которых они сформировались и в которых они используются и тем самым постоянно наращивают свой семантический вес.

Таким образом, понятие «лингвокультурный образ» формируется постепенно в течение XX века на основе углубления понимания термина «концепт». Впервые на семантическую неравнозначность концептов указал Д.С.Лихачев, об этом же много писал и Ю.М.Лотман. Позднее эта мысль оформилась и терминологически, по отношению к тому, что в настоящей работе называется «лингвокультурным образом» были использованы термины «квазисимвол», «квазиэталон», «слово-символ» и другие. Однако во всех случаях при попытке определить новое понятие авторы указывали на его ключевые признаки – связь с миром идей и определенным набором текстов, способность выражать национальную культуру.

1.3. Знаковые механизмы формирования стереотипных лингвокультурных образов стран в русской культуре XVIII–первой половине XIX вв.

Лингвокультурный образ страны, народа, культуры складывается в процессе контактов. Контактирующие стороны сравнивают, сопоставляют, выделяют общее и особенное. Общее создает основу дальнейших отношений, поисков совместных решений и совместной деятельности, а различия ложатся в основу лингвокультурного образа, превращаются в дифференциальные признаки, на основе которых в последующем происходит идентификация как культуры, так и ее носителя. Культурные контакты могут быть как непосредственными, связанными с путешествиями представителей двух контактирующих культур, так и опосредованными, через произведения искусства, литературу, кино, а также благодаря средствам массовой информации. Культурный обмен никогда не ограничен одной сферой жизни людей.

Политические связи и экономический обмен приводят к появлению интеллектуальных и духовных взаимосвязей. Важная составляющая процесса – знание культурных реалий партнерского народа, поскольку только это способно привести к доверительным отношениям. «При постепенном, целенаправленном и всестороннем контакте культур друг с другом многое становится естественным и объяснимым» [Мартынова 2007: 59].

Известно, что первые культурные контакты наблюдались уже в древний период, а древние культуры Востока и Средиземноморья сыграли важную роль в развитии и установлении практически всех известных культур, так как разработали множество идей и форм, которые оказали огромное влияние на человечество в целом. Отчасти это проявляется в том, что очень часто национальная культура воспринимается как неотъемлемая часть региональной культуры, сливается с близкими культурами. Например, культура Древней Персии часто воспринимается как часть античной эллинистической культуры, а культура Ирана (Персии) последних веков часто переплетается с другими культурами мусульманского Востока, так как между ними в действительности много общего, обусловленного религией и общей историей.

В каждом конкретном случае встречи двух культур происходило влияние одной культуры на другую и наоборот. Однако это влияние могло быть разным в зависимости от различных факторов. Одним из важных факторов является тип культуры: известный антрополог и специалист в области межкультурных контактов Э. Холл выделял контактные и неконтактные культуры [Hall 1989]. Контактные культуры открыты и обращены внешне, стремятся распространять свое влияние и воспринимают влияние других культур с легкостью. Неконтактные культуры, с другой стороны, закрыты, обращены внутрь и нацелены на воссоздание своего эталона, болезненно воспринимая любое внешнее влияние. Ярким примером контактной культуры является древнегреческая или американская культуры. Закрытые культуры воспринимают любое влияние как «порчу», нацелены на постоянную ориен-

тацию на некоторый эталон. Ярким примером такого типа являются многие восточные культуры, и прежде всего Китай. Совершенно очевидно, что и Иран, и до поры до времени Россия (до петровских преобразований) были закрытыми культурами. Это все лишь одна из многочисленных моделей классификации культур, и ее условность необходимо учитывать при ее применении. Однако она может быть полезной для понимания взаимодействия культур в различных контекстах.

Вторым фактором является положение культур друг относительно друга, оно может влиять на глубину и частоту их взаимодействия. Расстояние между двумя культурами может существенно ограничивать возможности для взаимодействия, особенно если это расстояние большое или есть препятствующие этому взаимодействию факторы (география, политика, история). Однако, в некоторых случаях, далекое расстояние может способствовать контакту, например, в случае коммерческих или торговых маршрутов. Соседние культуры обычно взаимодействуют более глубоко, чем культуры, расположенные в отдалении. Как известно, Россия и Персия далеко не всегда имели общие границы, что объясняет относительно редкие контакты до XVIII века.

Третьим важным фактом взаимодействия культур являются типы и формы контактов. Действительно, межгосударственные контакты являются важным фактором в развитии культурных контактов в современном мире. Сотрудничество и экономическая интеграция между странами могут способствовать расширению и укреплению контактов на различных уровнях, в том числе и культурном. Кроме того, межгосударственные контакты могут служить платформой для дальнейшего развития культурных и образовательных программ, посещения туристов и так далее. По форме можно выделить личностные контакты, межгрупповые контакты, профессиональные контакты, массовые контакты [Hall 1989]. Первоначальные контакты русской и персидской культур были личностными (через отдельных путешественников) или деловыми, благодаря купцам, которые стремились к торговому обмену.

Типы контактов описываются по-разному, в зависимости от объекта исследования. По отношению к людям, «присваивающим» иную культуру выделяют аккультурацию, сегрегацию, ассимиляцию, адаптацию [Берри 2001]. По отношению к результатам контактов, различного рода заимствованиям, Ю. Е. Прохоров предлагает выделять «соприкосновение», «приобщение», «проникновение» и «взаимодействие». В ситуации соприкосновения две разные культуры вступают в контакт, и может создаться ситуация, когда стереотипы общения, принятые в этих культурах, не совпадают. Например, русская и иранская культуры имеют разные правила приветствия. Когда человек из одной культуры вступает в контакт с представителем другой культуры, он может временно использовать их правила для ситуативного общения, но не будет их копировать. Иногда такие проявления приводят к негативным результатам коммуникации: пугают, раздражают, ставят в неудобное положение. Следовательно, при соприкосновении не происходит ни заимствования, ни «принятия» реалии, артефакта, стереотипа, так как непонятно или совершенно неважно их настоящее значение. Приобщение – это такая ситуация, когда одна сторона – единицы и родной, и заимствованной речи, а другая – только единицы родной речи. Очевидно, что индивид, который использует единицы двух систем, знаком частично и с чужим языком, а его адресат знает только единицы родной речи. Проникновение как разновидность контакта предполагает активное использование новых элементов чужой культуры и оперирование ими. Показательным примером этого является использование современной глобализированной молодежью элементов англо-американской культуры в межгрупповой коммуникации. Взаимодействие же представляет собой тип межкультурного контакта, основанного на равновесном использовании любыми участниками общения стереотипов общения из двух контактирующих культур. Взаимодействие возможно лишь при условии долговременных массовых контактов культур [Попова 2003: 107–116]. Рассмотренные типы межкультурных контактов, на наш взгляд, не описывают их полностью, так как обращены на освоение отдельных стереотипизированных элементов.

Важными факторами, которые влияют на описание взаимодействия культур, являются такие критерии, как прямой (непосредственный) контакт и косвенный (опосредованный) контакт. Первый, прямой контакт, означает прямую встречу между двумя разными людьми или группами, которые могут общаться в устной или письменной форме, а также через различные технические средства. При другом контакте есть посредник в виде переводчика, который служит для связи между двумя людьми, которые говорят на разных языках и являются носителями различных культур. В наше время общение через переводчика является самой распространенной формой контакта, за исключением соседних культурных зон, где двуязычие является характерным для данной области. Если культуры готовы к коммуникации, то взаимодействие между ними может быть плодотворным и успешным. Переводчики являются важным звеном в этом процессе и можно сделать вывод, что их количество свидетельствует о масштабе и устойчивости культурных контактов.

Важно также различать устную и письменную формы коммуникации. Для устной коммуникации ранее необходимо было личное присутствие, проникновение представителя другой культуры в незнакомую для него незнакомую культуру. Для письменной коммуникации, в частности последовательной письменной коммуникации, единственным препятствием является способность к чтению. Культурное взаимодействие и влияние могут происходить в различных местах и через значительное временное расстояние. Так на нас влияют старые, давно исчезнувшие культуры: через различные нарративы, исторические, художественные, публицистические тексты. В современном мире к опосредованному письменному контакту следует добавить аудио-визуальные и цифровые формы связи. Например, интерес к японской культуре у молодежи возник благодаря японской мультипликации, а интерес к англо-американской и индийской культуре поддерживается кинематографом. Все эти формы контакта возникли совершенно недавно, но по массовости и интенсивности они часто превосходят книги.

Для полноты исследования перейдем к рассмотрению влияния персидской и русской культуры и начнем с обзора истории этого вопроса. Исторический аспект

исследования является неотъемлемым. Для более глубокого понимания предлагается исследовать влияние восточной, в частности, персидской литературы, и проникнуть в нее глубже с помощью экскурса в ее историю.

Отношения между Россией и Ираном имеют давнюю историю. Первые торговые и политические связи между двумя странами были зафиксированы уже VIII–X вв., а с середины XV века страны начали обмениваться посольствами.

Географическое расположение представляется важным фактором, влияющим на отношения между Россией и Ираном. XV век является первым периодом взаимодействия между этими странами, когда они начали формировать дипломатические представительства. Иран, находящийся в южно-западной Азии, имеет долгую историю существования государства. В течение многих тысячелетий эта страна сохраняла свою культуру и независимость, несмотря на многочисленные войны и трудности.

Посредством реки Волга и Волжско-Каспийского пути древние славяне контактировали с народами Азии, в том числе и с древней Персией. Северные и северо-западные провинции Персии, такие как Табаристан, Гилян, Тебриз, Дербент вступали в активные торговые отношения с Русью. Эти отношения приносили выгоды обеим странам, и они активно развивались до XI–XII вв. Но в более поздние годы, начиная с XIII и XIV вв., в результате татаро-монгольских завоеваний в европейской части отношения между странами надолго прервались. Возобновление связей происходит начиная с XV века. Оживление межгосударственных отношений совпадает по времени с возникновением Сефевидского государства в Иране (1500–1722 гг.). Обмен первыми дипломатическими миссиями между Русским и Сефевидским государствами в ранге послов произошел в 1552–1553 гг. Однако государственные связи между ними существовали и ранее [Кулагина 2010].

Отношения между Ираном и Россией продолжались, несмотря на войны. В течение времени они не разрушались, даже в трудных и неблагоприятных усло-

виях. Наряду с политическими и торговыми взаимоотношениями, нельзя пропустить культурные и литературные контакты. Иран является источником восточной красоты и богатой литературной традиции.

Личностные контакты между странами представлены, прежде всего, в записках путешественников. Первым был в XV веке Афанасий Никитин, путешественник и русский писатель, который в своих путевых заметках под названием «Хождение за три моря» описал быт народов Ирана, Турции и Индии. Он впервые в своем произведении рассказал об Иране и его традициях.

Восточные мотивы и элементы входили в русскую литературу начиная с XVIII века. Как отмечает М. Синельников, «как негаданная золотая нить вплетается в белое и серебряное северное кружево, так восточная метафора срасталась с песенным русским словом» [Синельников 1993: 60].

Русская культура, литература и филология первой половины XIX века были определены не только адаптацией к западноевропейскому литературному наследию, но и увлеченностью культурой Востока. Это вызвано общей тенденцией, которая получила широкое распространение в западной литературе, и политической ситуацией: в те времена Россия вела очень активную политику в отношении Персии и Турции. Русская романтическая поэзия XIX века отличалась ориенталистическим стилем, который проявлялся в активных переводах и создании оригинальных вариаций. Известно, что русский романтизм развился под влиянием эстетических связей между Россией и Западом, они отложили отпечаток на восточный романтический образ. Тем не менее, видны и две тенденции – «западноевропейская» и «русская», которые обусловлены непосредственным взаимодействием культур и их историей. Восток был объектом вдохновения для русского романтизма, который искал тематические и художественные идеи. Русский романтизм видел Восток совершенно иначе, чем английский, и находил в нем много общего с культурой своей страны. Для английского романтизма Восток – это некий «антиобраз», в котором романтический герой пытается уйти от грехов своего мира, но в итоге не находит

спасения и разочаровывается. Для русского же романтизма Восток – это мир сказок и чудес, мир сказочных богатств, где можно и погибнуть, или же обрести счастье.

Сочетание мировой материальной и духовной культуры требует постоянного культурного взаимодействия. Литературные связи России и стран Востока проявляются в развитии мировой литературы. Нельзя не отметить, что многие сказочные и героические истории, персидская поэзия и фольклор попали в Россию через западную литературу, но при этом они успешно включились в национальный русский культурный контекст. Самые первые переводы известных персидских текстов на русский язык стали возможными лишь благодаря сделанным ранее переводам на немецкий и французский языки. Но уже в начале XIX века в периодических изданиях «Пчела», «Полярная звезда», «Вестник Европы», «Современник», «Московский наблюдатель», «Русская мысль», «Азиатский вестник» и др. появились также и образцы непосредственного перевода классиков персидской поэзии. Например, О.И. Сенковский, оказавший большое влияние на А.С. Грибоедова, одним из первых познакомил русского читателя с поэзией Хафиза (тогда Гафиза). «Восточные повести» Сенковского повлияли на творчество В.К. Кюхельбекера, А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина.

Примечательно, что включение восточных тем, образов и мотивов в стихи, поэмы и повести более заметно у В.А. Жуковского, Д.П. Ознобишина, А.А. Бестужева-Марлинского, хотя для них источником чаще всего являлись переводы с европейских языков. Русский ориентализм, сформировавшийся к началу XIX века, был комплексным литературным явлением, так как стремился передать не только поэтические и мифологические образы, но и отдельные аспекты восточной философии. В.А. Жуковский привнес в русскую литературу достижения европейского ориентализма; О.И. Сенковский был настоящим знатоком персидского языка, изучал Коран, переводил Хафиза. А.А. Бестужев-Марлинский в кавказских романтических повестях использовал импровизации восточных мотивов, Д.П. Ознобишин рекламировал восточную литературу, посвящая Персии свои произведения, делая

переводы Саади и Хафиза. А.С. Пушкин создал «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан», написал «Подражания Корану» и «Золотой петушок».

Восприятие произведений персидской классики читательской аудиторией, рецепция образов, мифов и символов, переводы и переложения произведений легли в основу образа Персии в русской культуре. Необходимо заметить, что в данный временной период в России образы зарубежных стран, и Персии в том числе, как правило, были весьма схематичны и даже примитивны и основывались на знаках-символах, опорных концептах, создающих сложные визуализированные образы, связанные в первую очередь с именами собственными. Этому способствовали закрытость и изоляция российского общества.

Выводы по первой главе:

Лингвокультурные образы – это особые информативно сложные единицы, которые обладают национально-культурной специфичностью, выражают ее, отражая различные процессы жизни в национальной картине мира. Эти единицы можно представить как особые когнитивные структуры или семантические поля, которые сотканы из выраженных в языке слов, отдельных значений, фразеологизмов, семантических категорий, а также реализуются в речи в формулах, сценариях вербального и невербального поведения.

Лингвокультурный образ не существует вне культуры и вне хронологии, то есть он подчеркнуто диахроничен. Лингвокультурный образ страны амбивалентен, так как, помимо репрезентации основных свойств национальной ментальности, отражает «чужого» глазами «своего». Само «лингвокультурный образ» соотносится с когнитивными единицами, которые используют для описания картины мира («прототип» и «сложный концепт»), оно охватывает поле взаимоотношений языка и культуры.

Одной из важнейших репрезентаций культуры является текст, поэтому описание национально специфичного содержания текста неразрывно связано с выделением в нем лингвокультурных образов, которые формируются в текстах, а затем становятся частью языка. Именно на основе текстов можно проследить закономерности формирования и развития образа, его расширение или дифференциацию. Во всех случаях ключевым признаком лингвокультурного образа является связь с миром идей и определенным набором текстов, которые способны выражать национальную культуру. В лингвокультурологии под текстом могут пониматься и идиомы, паремии, имена собственные и другие прецедентные явления. Поэтому лингвокультурный образ страны может быть представлен вполне конкретными языковыми единицами: лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, паремиями, именами собственными.

Лингвокультурные образы выражаются определенным набором единиц языка, и наиболее частотной оболочкой для них выступают лексемы и словосочетания в номинативной функции. Именно поэтому такое огромное внимание в лингвострановедении уделяется изучению, описанию и классификации слов, семантика которых обладает национальной специфичностью, уникальностью. К таким лингвокультурным образам относится безэквивалентная лексика, а также фоновая (коннотативно окрашенная) лексика. В основном эта лексика выражает родную культуру, однако в языке нередко появляются заимствованные единицы, которые неразрывно связаны с иной культурой, чаще всего это безэквивалентные единицы, которые непереводимы на другой язык, например, имена собственные.

Лингвокультурный образ страны, народа, культуры складывается в процессе контактов, которые могут быть прямыми, экономическими, политическими, социальными, и опосредованными, прежде всего через культуру и искусство.

Глава II. Авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах XVII – XIX веков

2.1. Лингвокультурный образ Ирана в текстах XVII–XVIII веков

Первое знакомство с Ираном происходит благодаря путешественникам, здесь необходимо назвать не только известный древнерусский памятник литературы «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и «Хождение купца Федота Котова в Персию», но и предания, исторические песни, легенды о походе в Персию в XVII веке Степана Разина. Именно эти тексты наглядно демонстрируют представления русского сознания о неизведанной стране.

Один из самых первых литературных текстов, который создает в русскоязычном пространстве первые образы Персии, – «Хождение за три моря», написанный тверским купцом Афанасием Никитиным в XV веке, памятник литературы, в котором с высокой достоверностью описываются 7 лет путешествий, 2 года из которых автор провел на территории Персии, в провинции Гилян (Гиян), расположенной вдоль побережья Каспийского моря: *И прожил я в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандарайской земле. А оттуда пошел к Амолю и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду, а из Демавенда Рею.* Создатель текста – простой человек, которому свойственна природная любознательность, наблюдательность, с удивлением открывает, что он оказался не в сказочно богатой стране, населенной добрыми людьми, живущими гуманно устроенной жизнью. Он искренне сочувствует людям, которым постоянно угрожает опасность и от непредсказуемой природной стихии, и от воинственных горных племен работорговцев.

Само повествование отличает личностное субъективное восприятие, страстное, часто допускающее преувеличение и яркие экспрессивные отклики: *Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда, и пало на убийц проклятие Мухаммеда – семьдесят городов разрушилось.* Хотя автору текста пришлось пережить много трудностей и неприятностей, с которыми он сталкивается в связи

с религиозным неприятием его как «Чужого», «неверного», Никитин все же не озлобился, не воспылил ненавистью, а наоборот, ищет решения, примирения.

«Хождение за три моря» представляет собой некий сплав жанра путевых записок и жанра дневника, из него можно проследить, как постепенно автор усваивает фарси, это представлено во все чаще появляющихся заимствованиях и придает тексту особые черты. Интересно наблюдать за коммуникативным поведением повествователя: перед читателем возникает образ человека с его личностными предпочтениями, настроенностью на добро, активное сотрудничество, готового на компромисс, когда это необходимо. Никитин впитывает, принимает некоторые установки ислама начинает поститься вместе с местными жителями, учить молиться на фарси. По этой причине неоднократно высказывались предположения о том, что русский путешественник принял ислам.

Помимо записок А. Никитина в 1623–1624 гг. по царскому указу Федота Афанасьева сына Котова и с ним еще несколько человек совершили поездку в Персию, что было отражено в «Хождении в персидское царство». Купец Ф. Котов описал особенности ремесел и сельского хозяйства, этнографические особенности, мусульманские праздники. В отличие от А. Никитина Ф. Котов не так наивен, в его небольшом отчете, сделанном для посольского приказа, сконцентрировано много разнообразных сведений. Проблемы состояния торговых путей стоят у него на первом месте, автор составляет рекомендации для тех купцов, которые поедут в Персию после него. Он тщательно отмечает расстояния между городами, говорит об опасностях, которые подстерегают на дороге, описывает способы переправы через реки.

Оба путешественника старались как можно точнее описать то, что они видят, при этом не могут не сравнивать родную и персидскую культуру, ну и очевидно, что обычаи родной страны кажутся им более правильными.

В XVII веке можно наблюдать новый этап отношений, который ознаменован многочисленными походами Степана Разина в 1668–1669 гг. на города северного Ирана: Решт, Фарабад и Астрабад, полуостров Миян-Кале, именно там отряд Разина перезимовал. Поход отряда казаков, богатая добыча остались в памяти, были

отражены в множестве фольклорных произведений, в исторических песнях о Степане Разине. Так возникла определенная фольклорная традиция, которая отразила непосредственные контакты представителей русской и персидской культуры, и которая впоследствии легла в основу поэтической традиции. Фольклорные произведения не отличаются фактологической точностью, однако формируют художественно красочный, полужантовый образ Ирана. Народное сознание придает набегу Степана Разина черты этнического конфликта, негативного образа басурман, оправдывает грабежи моральным превосходством.

Таким образом, Персия изображается как райская, очень богатая страна, но это «басурманский» мир, мир чужого, а поэтому насилие и грабежи вполне допустимы, они одобряются и считаются проявлением героизма. В легенде «Чей Каспий» утверждается право России на все пространство и все побережье Каспийского моря. В устных народных творениях и старинной литературе Иран представляет как выдуманная, магическая страна. Обработка сочетания реалистических и сказочных принципов изображения Персии постепенно закрепились в дальнейшем как универсальный образец, который в разные времена мог динамично изменяться в зависимости от исторических обстоятельств, а также трансформироваться в неожиданные художественные образы.

Настоящее знакомство с восточной литературой и культурой Персии относится к XVIII в., к эпохе Екатерины, однако и до этого древнеперсидские повести и сказки через посредство Византии попадали в Россию. Успехи российской дипломатии и победы русских войн пробуждали государственный интерес к Востоку, и появлялись переводы с французского модной ориентальной литературы [Чалисова 2000: 245-344]. Например, так называемые «восточные повести» – это не только переведенные с французского авантюрно-фантастические и философские новеллы, но и оригинальные произведения, в основу которых были положены сказки «1001 ночи». В исследовании М.В. Русаковой было отмечено, что они породили множество подражательных текстов. Многочисленные новеллы и сказки издавались в России на протяжении почти нескольких десятилетий (с 50-х годов XVIII века до

20-х годов XIX века). Под названием «восточные повести» существовали и подлинные произведения (сказки «Тысячи и одной ночи»), и подделки, и произведения, являвшиеся подражанием или стилизацией. [Русакова 2014: 280].

Огромную роль в формировании серьезного отношения русских романтиков к восточной поэзии сыграл Иоганн Вольфганг Гёте и его произведение «Западно-Восточный диван», в котором он выступил и как талантливый переводчик, и как тонкий комментатор. М.В. Русакова считает, что «Западно-восточный диван» Гёте – это синтез западной и восточной культур, так как писатель смог сочетать в произведении восточные и западные поэтические элементы, которые выражали установки восточной культуры, мировоззрение человека Востока.

И.С. Брагинский замечает, что Гёте смог выразить особое отношение персидских поэтов к словесности, которое можно назвать «культом слова». Это проявляется и в значительном количестве лексических единиц, в их полисемии. Благодаря вниманию к слову, к умению подчеркнуть смыслы, использовать многозначность для создания таинственного, сложного, волшебного удалось передать «небесный» характер поэзии в земном мире. По замечанию автора, классическая поэзия в Иране «выработала богатейший иносказательный язык, в котором самые утонченные мистические понятия были выражены в образах» [Брагинский 1988: 575].

Влияние восточных мотивов на русскую литературу конца XVIII и начала XIX в. происходило за счет двойных передач, так как оригинальные тексты входили в Россию путем перевода на французский язык, а затем уже осуществлялся перевод на русский. Другим источником влияния востока на русскую литературу стали так называемые «восточные повести», это довольно разнообразные тексты, которые были переведены с французского языка, а также и оригинальные произведения. В.Н. Кубачева, изучая восточную повесть XVIII века, писала о месте восточного в русской литературе, как о специфической, условной поэзии, экзотике, литературе фантастических приключений [Кубачева 1962: 302].

Значительное место в процессе распространения восточных мотивов в русской культуре занимают переводы сказок «Тысячи и одной ночи» в 1763–1771 г. И

переводы разнообразных подражаний, которые передают представление о характере экзотических впечатлений, получаемых читающей публикой от восточных сказок. В это же время впервые появилось русское стихотворное переложение басни-анекдота персидского поэта-мыслителя Саади.

Одним из важных шагов было появление перевода Корана «Алкоран о Магомете или Закон турецкий», вышедшего в 1716 году по приказу Петра I. Автором перевода считается Петр Постников, хотя он не владел арабским языком и работал с франкоязычным текстом. Именно этот перевод Андре дю Рье не считается верным, так как содержит много свободных интерпретаций. Позднее было сделано несколько других переводов, в том числе перевод 1787 года Михаила Вревкина, сделанный также с французского текста дю Рье. Этот текст, как считается, использовал А.С. Пушкин.

Первые переводы классической персидской поэзии появляются в России в XVIII веке. Известен первый перевод «Гулистана», созданный Иоанном Ильинским в 1735 году. Он был выполнен с сокращенного латинского перевода голландца Георга Гентиуса. В нем было предисловие, содержащее краткую биографию Саади с указанием года написания самого «Гулистана» – 1258. Затем появились переводы в журналах «Трудолюбивый муравей» (1771) и «Утренний свет» (1778), выбирались в основном те фрагменты, которые включали мудрую дидактику, глубокие философские аллегории.

В последние годы XVIII века произошло знакомство русского читателя с Джами. Первый перевод произведений поэта с указанием имени и названия известен с 1795 года – «Истинное великодушие» с примечанием: «Взята из «Багаристана Диамиева». В трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» упоминаются и сказки Шахерезады, и «Гюлистан» Саади. В 1798 г. был напечатан сборник переводов Н.М. Карамзина «Пантеон иностранной словесности», который подтверждает его высокий интерес к литературе Востока. Также туда были включены вторичные переводы с европейских языков, в частности, из произведений Саади. В переводе известного историка и автора повестей приведем

такой фрагмент: *Счастье твое (правитель, царь) должно состоять единственно в счастье твоих подданных. Первая добродетель для монарха – есть справедливость... Ты (царь) не будешь в изобилии, когда подданные твои в недостатке*» (Пантеон иностранной словесности. – Москва : Унив. Тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – 182), далее писатель указывает и источник – «персидскую книгу «Бустан», сочинённую поэтом Саади.

Нельзя не заметить, что восточные мотивы в XVIII веке начинают проникать и на театральные подмостки, причем не в одних только переводах с западных языков. В 1785 г. была представлена трагедия П.А. Плавильщикова «Тахмас Кулыхан» – о жизни персидского военачальника Кули-Хана, узурпировавшего в середине XVIII в. шахский престол и вошедшего в историю под именем шаха Надира. Герои трагедии были в достаточной степени условны и схематичны, как это было принято в те времена, исторической достоверностью сюжет тоже не отличался.

Вопрос взаимоотношений западной и восточной культур увлекал А.А. Бестужева-Марлинского. Романтик и декабрист, писатель особо выделял Фирдоуси и его творчество, в особенности поэму «Шахнаме», в которой были переданы не только отдельные события античной истории, легенды и мифология древней Персии о героях и царях, поэту удалось соединить реальные события и вымысел, создать единую «вселенную». А.А. Бестужев-Марлинский пишет об этом так: *Между тем, как поэтическая религия ислама, подобно лаве, растекается по Востоку и зажигает его, сладкозвучный Фирдоуси плавит в радугу предания Персии и связывает его истину с вымыслами* [Бестужев-Марлинский 1991: 141].

Бестужев был прекрасно знаком и с другими выдающимися персидскими поэтами, отмечал, насколько ему близок Хафиз своим эпикурейством, Саади своей философичностью, стремлением понять суть человеческого бытия: *Мил гуляка Гафиз, трогателен мудрец Саади, но Фирдоуси – о, это водопад Державина!* [Бестужев-Марлинский 1991: 141]. Бестужев высоко ценил переводы и комментарии Гёте в книге «Западно-восточный диван».

При разговоре о контактах персидской и русской культур в литературных текстах следует обязательно обратить внимание на публикацию Д.П. Ознобишина 1826 года в журнале «Сын Отечества» «О духе поэзии восточных народов», и статью Московского Телеграфа под заглавием «Новейшие исследования и сочинения касательно Восточной Литературы». В этой статье была предпринята первая попытка поговорить о восточной культуре. Д.П. Ознобишин призывает к изучению восточной литературы, он пишет о поэзии Востока как об отражении природы: *она пламенная, как жаркое небо Азии; сильная и стремительная, как буря в пустыне Аравии; величественная и тихая, как река Ганг Индии; неуловима, как ветер. Поэзия предстает в разнообразии картинок, чудесных и прекрасных. Эти вещи роскошные и списаны с природы: оазисы в пустыне, бесчисленные цветы на лучах, прохлада источников, робкая серны – живое изображение их любезных, благоухание мускуса и роз* [Ознобишин 1926: 384]. Д.П. Ознобишин сопоставил китайскую и индийскую поэтическую традицию, затем переходит к описанию библейской поэтики, а потом переходит к рассмотрению арабской, турецкой, персидской поэзии: *Пламенное воображение восточных народов стремится все вокруг себя одушевить, вывести все духовное из мира вещественного, и все лишнее тела из жизни привести в сочувствие и движение* [Там же: 390].

Д.П. Ознобишин был представителем романтической литературы и видел в восточной поэзии необыкновенную свободу воображения, следование естеству жизни, разнообразие красок, тем и образов: *Персы были наклоны к искусствам, арабы – к подвигам воинским; ибо искусства, по многообразию своему, обыкновенно требуют в словах сложности, между тем, как дела воинския выражаются просто и чуждаются всяких украшений* [Там же: 395]. Персидская литература включает много древних баснословных повествований и старинных вымыслов [Там же: 395], которые передают важнейшие сведения об истории персидского государства, о сокровищах персидской культуры, изменениях в социальной картине страны.

Автор исследования особо упоминает Абу-Коссема Фирдусия и его поэму «Шахнаме», сравнивая его творчество с кометой, рассекающей мрак пространства, и отмечая при этом и других поэтов: *Каковым является Фирдуси в исторической Эпопеи, таков, и не менее славен Низами в роде романтического, Энвери как Панегирик, Джелаледин как Писатель мистический, Саади как нравоучитель, и наконец Гафиц, как поэт эротический, коего газели (оды), без всякого пристрастия назвать можно неоцененными перлами Востока* [Там же: 401]. Далее автор трактата перечисляет основные произведения персидских поэтов, их достоинства, называет их жемчужинами литературы.

Д.П. Ознобишин делает поразительное для его эпохи заключение о том, что именно Россия, расположенная на две трети в Азии, должна занять первое место в ориенталистике, в изучении восточных языков и в количестве переводов восточной поэзии, так как Восток для России совсем не чужой мир, он гораздо ближе к России, чем к Европе.

Именно таким образом в русской интеллектуальной среде постепенно складывается представление о Персии и о Востоке, которое является определенной прародиной романтического искусства, так как в нем содержатся истоки философии, нравственных и художественных начал, тонкой высокой поэзии. Именно поэтому первая треть XIX века становится периодом восприятия и освоения персидской литературы. Оно происходит в двух направлениях: с одной стороны, переводы, изучение и исследования творчества Фирдоуси, Саади и Хафиза, с другой – попытка русских писателей освоить и воспроизвести ориентальный мир в собственных произведениях. Б.Р. Рахманов отмечает, что именно романтики первой четверти XIX века интуитивно угадали генетическое родство многих элементов западной романтической поэтики с Востоком, а именно, с индийской, персидской и другими литературами [Рахманов 2006: 24].

2.2. Лингвокультурный образ Ирана в русских поэтических текстах XIX века

Гениальная поэма персидского поэта Фирдоуси «Шахнаме», тонкая лирика Хафиза и Саади переведены на многие языки мира. Идеи Фирдоуси, особенно столкновение Добра и Зла, совпадали с духом романтической литературы, поэтому в эту эпоху Фирдоуси признается величайшим поэтом и классиком, наряду с Гомером, Овидием и Данте.

Таких взглядов придерживался В.А. Жуковский, основу творчества которого составили темы и сюжеты английской и немецкой романтической поэзии. Он не только переводил многие поэмы, баллады, но и перелагал, перенося действие в русскую культуру. Н.И. Конрад неоднократно ставил проблему обращения европейских романтиков к литературе Востока и проводил аналогию между обращением Жуковского к Шахнаме и Махабхарате с увлечением Гюго поэтами Ближнего Востока. Он пишет, что обращение к Востоку понадобилось французскому поэту в тот момент, когда он своими «восточными стихотворениями» утверждал основы романтической поэзии во Франции [Конрад 1972: 302]. То же, вероятно, делал и Жуковский в России.

Как показывает анализ поэтических текстов В.А. Жуковского, в них часто используются образы, фрагменты текстов, элементы сюжетов из восточных произведений. Хорошей иллюстрацией служит его поэма «Рустем и Зораб» – перевод «Шахнаме» Фирдоуси. Или, точнее, переложение с немецкого перевода Ф. Рюккерта «Ростем и Зураб, героическое повествование в двенадцати книгах», над которым поэт работал с начала 1846 г. до весны 1847 года. Д.Х. Алимова отмечает, что «в самом художественном творчестве Жуковского нарастают эпические тенденции. Например, мы наблюдаем, как героическую личность определенной эпохи, которая вступает в конфликт с внешними обстоятельствами и отстаивает не только личную честь, но и интересы родины и народа» [Алимова 2012: 40–41]. Исследователь также замечает, что поэма «Шахнаме» Фирдоуси была особенно близка В.А. Жуковскому с его романтическим мирознанием.

В.А. Жуковский, в отличие от переводчиков, выбрал поэтическую форму изложения, и сам признавался, что что-то выбросил из сюжета, а что-то добавил. Поэт

ввёл в свою историю о Рустаме и Сухробе мотив пути, который длится дольше и оказывается труднее самой жизни, сущность героев проявляется через страдания и испытания.

Ученые спорят о том, был ли знаком В.А. Жуковский, помимо перевода Рюккерта, с текстом Фирдоуси: Тахмину он называет Теминой (у Рюккерта Тахмина), Рустама – Рустемом, Сухроба Зорабом (Сухраб), Хаджира – Хеджиром, Жандаразма – Синдом (Сенд). Поэма В.А. Жуковского имеет больше совпадений с переложением Рюккерта, включая и отдельные добавления и интерпретации в развитии сюжета. Однако русский поэт вводит также некоторые изменения в свое повествование, увеличивая трагизм: прощание с телом Сухроба, смерть Темины, привносит в текст эстетику романтизма. При этом переводы XIX века отличались тем, что отдельные детали повествования, содержавшие национально специфический элемент, не передавались с помощью экзотизмов, варваризмов и заимствований, а адаптировались к культурным особенностям читателя:

И на охоту собрался

Рустем; себя стянул широким *кушаком*,

Колчан с стрелами каленými

Закинул за спину, взял *лук* огромный,

Кинжал засунул за кушак

И Грома, сильного коня,

Из стойла вывел...

... «Мой верный конь, мой славный Гром,

Что без тебя начну я делать?

Скакать, летать привыкши на тебе,

Пойду ль пешком, тащась под грузом *лат*,

Как черепаха?..»

«...И *витязь*, *витязей* светило,

Был ими окружен,

Как солнце пламенным венцом

Вечерних, им блестящих облаков;

С такую свитой в город он вступил
 И к царским подошел *палатам...*»
 (В.А.Жуковский. Рустем и Зораб)

Эпоха романтизма активно заимствовала образы из восточной литературы. Например, образ падшего ангела, представленный в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон», а до этого в переложении В.А. Жуковским романтической восточной поэмы Т. Мура «Лалла Рук».

Малоизвестный поэт того времени А.И. Подолинский создал поэму «Див и Пери» (1827), а также поэму «Смерть Пери» (1837), обе написаны под влиянием творчества В.А. Жуковского.

Интерес к востоку и персидской литературе можно наблюдать в стихах «Из Гафиза», «Похищение из гарема», «Одалиска» Афанасия Фета, где он рисует картины Востока.

В произведениях многих других писателей также можно встретить слова о Востоке, например, в повести «Хаджи Мурат» Л.Н. Толстого, в стихах «Вид гор из степей Кавказа», «Поэт», «Три пальмы», «Дары Терека» М.Ю. Лермонтова, «Персидские мотивы» С. А. Есенина и в ряде произведений А.С. Пушкина.

Александр Пушкин заинтересовался культурой Востока во время учебы в лицее благодаря учебнику, написанному профессором И.К. Кайдановым. В этом «Руководстве к познанию всеобщей политической истории» подробно описывалась история Древней Персии и религия жителей этой области – зороастризм. В это же время был издан первый персидско-русский словарь Ознобишина и переводы персидской поэзии этого автора. В этот же период издается первый персидско-русский словарь Д.П. Ознобишина (1804–1877) и переводы персидской поэзии этого автора. Именно Д.П. Ознобишин впервые перевел поэзию классических поэтов Ирана. Он активно издавался в таких журналах и альманахах, как «Вестник Европы», «Московский вестник», «Сын Отечества», «Галатейя» «Северные цветы и др. Интерес к поэзии Востока проявляли многие современники и друзья А.С. Пушкина, например, В.К. Кюхельбекер, который писал, что Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии, а

персидские поэты Фирдоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей [Кюхельбекер 1989: 458].

В 1815 году, журнал «Вестник Европы» опубликовал выборочные переводы с французского языка нескольких произведений Фирдоуси, Саади и Хафиза, а также через год еще несколько текстов, в том числе фрагмент из известной поэмы «Шахнаме». С 1825 по 1826 годы публикация переводных текстов персидской поэзии становится почти регулярной. Очевидно, что и Александр Пушкин, как и многие другие, был знаком с этими переводами. Он также был знаком с переводом сказок «Тысяча и одна ночь», в которых выражены мифологические представления народов Востока. Во многих его произведениях, таких как «Руслан и Людмила», «Сказка о золотом петушке» и «Бахчисарайский фонтан», можно предположить, что он использовал определенные мотивы мусульманского Востока.

В 1826 году в журнале «Северные цветы», издаваемом А.Дельвигом появляется поэма «Орсан и Лейла» Платона Ободовского (полное название Персидская повесть «Орсан и Лейла»). Герои поэмы пребывают в сказочных богатых чертогах Великого Могола, наслаждаются сладчайшим щербетом, читают стихи Саади.

И, къ страху Мавровъ, надъ дворцомъ

Вотъ мѣсяць, блѣдный и печальной,

Повись, какъ въ сумракѣ ночномъ

Надъ гробомъ свѣточь погребальной;

Разверзлись райскія врата

Двѣ тѣни въ дымѣ вылетаютъ,

Видѣній младость, красота

Арабовъ очи ослѣпляютъ [Отрывки из поэмы:

http://az.lib.ru/o/obodowskij_p_g/text_0060_poe_oldorfo.shtml]

Из данного текста вполне очевидно, что представления русского читателя о Персии основывались в целом на сказках «Тысяча и одна ночь» и романтических поэмах о сказочном Востоке.

Д.П. Ознобишин, как исследователь восточной литературы, выступил и переводчиком классической персидской поэзии, использовал стихотворную повесть «Пери и ангел» В.А. Жуковского и поэму «Смерть Пери» А.И. Подолинского для своего произведения «Кавказский полдень и буря» (1839). Таким образом, источником в данном случае выступили переложения оригинальных текстов, выполненные на основе переводов на европейские языки.

Таким образом, основным содержанием многих переложений из восточной литературы явилось творческое осмысление текстов в духе романтической эстетики. Д.П. Ознобишин использовал как автор псевдоним «Делибюрадер», (от «деле берадер» – «сердце брата» на фарси и выступил не только как талантливый поэт, но и как переводчик. М. Мотамедния в своем исследовании Ирана в русской культуре пишет, что с эпохи романтизма, помимо переключек на уровне мотива, появляются и жанрово-тематические цепочки, которые пройдут через весь XIX век и продолжатся в XX веке [Мотамедния 2013: 104]. Можно выделить наиболее частотные восточные темы (образы) русской поэзии, это: падший ангел, соловей и роза, подражание Корану, подражание восточным стихотворцам, из «Гафиза», подражание арабскому. Так, в творчестве Д.П. Ознобишина легко заметить исламские мотивы. Помимо этого, достижение желаемого эффекта – восточной экзотики – проводится с помощью имитации пышного слога, метафоричности, архаизации языка с помощью старославянизмов. Именно в этом заключались все попытки имитации пышности слога и восточной стилизации. Но не только имитация стиля, но и само восприятие культуры Персии существенно меняется: В XIX веке, на смену одностороннему представлению об Иране, как о мусульманской стране на востоке, имеющей сложные торговые и дипломатические отношения с Россией, пришло осознание, каким богатством и своеобразием обладает иранская литература и как необычно, экзотично для европейского человека мировоззрение этой культуры [Мотамедния 2013: 97].

А.А. Фет впервые в русском переводе старается воспроизвести поэтический жанр газели, и сам отмечает это в комментариях; он делает переводы Хафиза (Гафиза). Поэтический текст часто оперирует уже имеющимися в когнитивной базе

носителя языка устойчивыми образами, именно поэтому интересно посмотреть, к каким образным формам прибегают поэты, когда пытаются создать картину Персии.

Одну из первых попыток совершил А.А. Фет в своих переводах Хафиза и Рубаи. Поэт переводил стихи по подстрочнику, при этом старался следовать ритмической структуре оригинального текста:

Если ж я и тут не исцелюсь,
 Говори, что умер Шемзеддин.
 Книгу мудрую берешь ты –
 Твой бокал берет Хафиз.
 К совершенству всё идешь ты –
 К бездне зол идет Хафиз (А.А. Фет).

Переводы Фета вызвали новые переводы персидских поэтов – Хафиза, Саади («Персидские Песни» М. Прахова, «Из Гафиза» А. Майкова). Конец XIX века ознаменован интересом к «лирической» поэзии. В начале XX века появляются новые переводы, и одновременно с ними стихи, навеянные личными впечатлениями от персидской культуры, – это стихи Н. Гумилева, В. Хлебникова, С. Есенина.

Представители русской культуры знакомились с Персией и ее культурой не только одновременно с переводами персидской поэзии, но и читая путевые заметки об этой стране. Помимо известного текста Афанасия Никитина, в свет выходят путевые записки А.С. Грибоедова, судьба которого тесно связана с этой страной. Поэт и дипломат сыграл значительную роль в заключении Туркманчайского мирного договора с Ираном 10 февраля 1828 года. Великому драматургу и дипломату было поручено привезти мирный договор в Петербург, затем ему снова пришлось выехать в Персию, в Табриз, где расположилась русская миссия. После этого Грибоедов в составе членов русского посольства направился в Тегеран и там трагически погиб 30-го января 1829 года. Выходят также Записки генерала А.П. Ермолова, в которых содержатся сведения о Кавказе и Закавказье, о Турции и Иране. Очень ин-

тересные воспоминания составил генерал Е.И. Чириков, выступивший в роли русского комиссара-посредника при разграничении Турции и Персии в 1849–1852 году. Во всех этих текстах описываются города, люди, особенности быта и одежды. Эта традиция была продолжена и в XX веке.

Таким образом, основные формы культурного взаимодействия между русской и иранской культурами проявляются через различные тексты. Это в первую очередь переводы, иногда через посредничество другого языка, или чтение текстов, созданных людьми, непосредственно знакомыми с культурой Ирана (путевые записи). Позже, в XX веке, появляются первые оригинальные тексты (стихи), в которых выражается уже сформированное всем предыдущим культурным взаимодействием изображение Ирана. Это выражается через различные лексические группы, которые включают в себя совершенно разные сферы жизни: имена (географические и личные), социальные термины, слова, отражающие реальность, и метафоры, типичные для восточной поэзии.

В настоящем исследовании для изучения лингвокультурного образа Персии мы решили использовать источники разного плана: не только художественную литературу, но и публицистику. Это связано с тем, что публицистический контекст более тесно связан со временем и фактологией, поэтому его воздействие на реципиента обладает особыми свойствами. Если художественный текст транслирует в основном символы, ассоциации, то публицистика тесно связана с опытом и историческими событиями.

2.3. Лингвокультурный образ Ирана в прозе А.С. Грибоедова

Важной особенностью публицистического нарратива является, как уже отмечалось, историчность (неразрывная связь с конкретным временем), фактологичность (движение от фактов к событиям), а также вовлечение аудитории, формирование сопричастности с происходящим. Авторы рассказывают свои истории, развивая кругозор реципиента. Описываемые события существуют одновременно на четырех уровнях высказывания: фактический уровень с опорой на факт, мысль, результативный – с его движением к цели, релятивный – с возможностью сравнения

происходящего с объективной реальностью и уровень прогнозирования перемен – с возможностью изменений происходящего [Иовва 2019: 7–8]. Безусловно, процесс восприятия публицистического текста является познавательным актом, в котором последовательно сопрягаются реальный мир, мир отправителя текста и мир реципиента. Каждый из названных миров неповторим, и творческая обработка информации оказывает существенное влияние на индивидуальную и коллективную картину мира.

А.С. Грибоедов в середине 1818 года был назначен секретарем русской дипломатической миссии в Тегеране и 28 августа выехал к цели назначения. Всю дорогу до Тебриза дипломат и писатель вел своеобразный дневник, а также писал письма к своему другу С.Н. Бегичеву. Из этих небольших фрагментов вырастает определенный образ Персии, какой ее постарался описать автор. Он (образ) складывается из разнообразных слов – слов-реалий и имен собственных. Следует сразу же подчеркнуть, что значительная их часть не является иранизмами, среди них много тюркизмов, а также слов, восходящих к классическому арабскому (языку Корана), многие из этих слов есть и в современном фарси, но всегда были для представителей персидской культуры чужеродными варваризмами. А.С. Грибоедов не обладал современными познаниями в области классификации языков и культур, поэтому мог принять за реалию персидской культуры явление, для нее не характерное, привнесенное в нее из соседних регионов и культур. Оказавшись в Тебризе, А.С. Грибоедов и его спутники столкнулись не с фарси, а по преимуществу с азербайджанским языком, на котором говорили жители данного региона, а арабские слова были заимствованы в персидский язык после нападения арабов, и до сих пор являются в нем употребительными.

Все это подтверждает еще одно важное положение: каждая культура не идентична в каких-либо базовых единицах, а представляет собой сложную систему взаимовлияний, взаимных заимствований с другими культурами. В ходе исторического развития в нее приходят реалии соседних культур, полностью адаптируются и в дальнейшем воспринимаются как исконные. И только факт существования того

же явления в какой-либо соседней культуре и, наоборот, факт отсутствия, могут указывать на заимствование или влияние.

М. Мотамедния отмечает, что в своих текстах об Иране А.С. Грибоедов выступает в трех ипостасях. Первая – светский человек, которого пугало расставание с Санкт-Петербургом, с привычной обстановкой, балами, театром; человек, который представлял себе поездку в «дикий» край, где господствует деспотический режим. Например, наблюдая разговор своего поверенного с сардаром, драматург поражается самовольству и жестокости правителя и заключает, что прибыл на варварскую землю, где господствует «слепое рабство и слепая власть» [Мотамедния 2009: 42–44]. Вторая – художник, человек с поэтическим взглядом на мир. Отсюда интерес к природе страны, обычаям, культуре, фольклору, искусству. Поэтому в Путевых записках встречаем большое количество описаний пейзажей и архитектуры, например: *...день короткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которых, дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом, похожи на. Овощные огороды. Место довольно гористое, 2 станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях.* Третья – чиновник, дипломат, который ясно понимает свои задачи и действует в интересах своей страны. Именно поэтому он дает интересные портреты руководителей Персии: Аббаса-Мирзы, Фетх-Али-Хана (их образы максимально многогранны, сложны, иногда даже исполнены эмпатии), пытается их понять, на их примере проанализировать закономерности управления страной, проанализировать, как использовать свои знакомства в интересах Российской Империи.

В целом в Путевых записках А.С. Грибоедова доминирует критическое отношение к восточному образу жизни. Автор пытается развенчать романтическую мечту о восточном рае, сказочном крае шахов, визирей и восточных красавиц. Место мифа постепенно занимает объективное описание реального положения дел.

Таким образом, из текста Путевых заметок А.С. Грибоедова были выделены все слова, которые 1) не имели эквивалентов в русском языке, 2) передавались фонетически (транскрипция, реже – транслитерация). Далее значение этих слов было

подвергнуто семантическому анализу. Первоначально была выделена группа имен собственных, среди которых большинство оказалось топонимами. В первую очередь в тексте были выделены названия тех мест, которые писатель посетил в ходе путешествия: *Из каравансарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых **Уджан*** (Уджан – древний город в Провинции Восточный Азербайджан, нынешнее название – Бостанабад); *«Славный издали **Занган** красиво представляется // как в **Зангане** гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани* (Занган – город на северо-западе Ирана); *Тьма верблюдов, **ширванские** купцы* (Ширван – город на северо-востоке Ирана на территории Провинции Северный Хорасан); *«Скачем до **Абгара**. // Сады в **Абгаре**, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг перед другом и доскакиваем до ночлега»* (Абгар – город в Провинции Зенджан); ***Казбин**, древняя метрополия поэтов и ученых; Тут понимаешь, почему **Казбин** был когда-то столицей Персии...* (Казбин – исторический город на северо-западе Ирана); *Подъезжаем к руинам, направо **Раги** Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань* (Рага– город в провинции Тегерана, нынешнее название Рей, Миана – город в Провинции Восточного Азербайджана); ***Демавенд** за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть*. Всего в тексте употреблено 14 наименований по преимуществу городов и мест, причем написание названий встречается в нескольких вариантах, так как в тот момент отсутствовало нормативное написание, например, *Тевриз, Табриз* и др.

Затем анализу подверглись имена нарицательные. Среди последних большинство составили социальные термины (называющие лиц по их социальным характеристикам), за ними последовали слова-реалии: названия праздников, названия общественных мест и другие. Г.Д. Томахин утверждает, что к реалиям относятся наименования таких элементов материальной культуры, как названия учреждений, исторических явлений, которые присущи только определенной нации или народу, а также имена исторических фигур, фольклорных героев и мифологических существ этого народа [Томахин 1986: 13]. Далее эти слова подверглись этимологиче-

скому и историко-лексикографическому анализу, для чего были привлечены следующие словари: Садри Афшар Г., Хаками Н. Словарь персидского языка; Моин М. Толковый словарь персидского языка: в 4-х т.

Состав лексики, отражающей лингвокультурный образ Персии, в путевых заметках чиновника и писателя объясняется следующим: А.С. Грибоедов – дипломат, которого больше всего интересуют люди, способные принимать политические решения, а также все, что этих людей окружает; кроме того, его интерес вызывают и система власти, система управления, в следствие чего он обращает особое внимание на людей власти, например: *каймакам, шах-зиды, сардар, седеразам, бимбаши, мулла, хан, сарбаз, нагиб-султан, шах, мирза*:

Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, так же, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было; Мирза потерял значительную сумму; Нашли воров и деньги, которые шах себе взял; Сарбазы порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты Таврис с его базаром и каравансараями. Встреча, почести, Фетхалихан боится каймакама. Обед у англичан, визит каймакаму. Поворачиваем влево, через ворота; в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник.

Помимо этого автор не может не обратить внимание на различные слова, репрезентирующие уникальность новой для него культуры – культурные наименования, к ним относятся наименования праздников, сооружений, мест торговли, например, *базар, навруз, гарем, каравансарай*:

На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу рамбавии (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда конечно из наших никто прежде не заходил. Выступили из Маранда в 8 ½

часов вечера, в караван-сарая 4 часа утра; оттуда в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четырехугольная, как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. В навруз мы, как революционные офицеры, перед нами церемонимейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые ворота; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара.

Всего из текста А.С.Грибоедова было выписано 29 слов, которые в той или иной степени создают целостный образ страны и могут трансформироваться в слова-символы, формирующие лингвокультурный образ Ирана. Характер этих слов и их значение мы представили в Таблице № 1 Страноведческая лексика Путевых записок А.С.Грибоедова

Таблица № 1 Страноведческая лексика записок А.С.Грибоедова

№ п/п	Семантическая группа	Количество слов	Состав	Примечания
1.	Имена собственные	16	Таврис, Уджан, Занган, Султанея, Ширван, Кодабенде, Абгар, Казбин, Тагирань, Рага, Миана (2), Демавенд, Фетхалихан, Коджар	14 топонимов (11 – названия городов, 1 – название горы, 1 – название реки), 2 – антропонимы
2.	Социальные термины	8	Каймакам, шах, шахзиды, мулла, хан, сардар, садеразам, бимбаши,	Названия высших чинов государства и военных
3.	Названия общественных мест	4	Базар, мейдан, каравансарай, гарем	

4.	Праздники	1	Навруз	
----	-----------	---	--------	--

Из приведенной таблицы видно следующее: 1) в первую очередь описывающий Иран видит места и людей, 2) многие слова (имена нарицательные) описывают не столько культуру Персии, сколько культуру Востока в целом (*мулла, хан, базар, каравансарай, гарем*). Это совершенно естественно, так как человеку свойственно обобщать и классифицировать, видеть не только уникальное, но и общее.

Выделенные нами семантические группы позволяют предположить, на что обращает внимание индивид, который знакомится с другой культурой непосредственным способом, смотрит на нее глазами путешественника. Прежде всего, это географические точки, значимые места, а также люди, которые определенным образом связаны с этими точками и от которых зависит что-либо важное. Во вторую очередь это то, что непривычно, бросается в глаза, является отличным, непохожим, это социальные отношения, социальная дифференциация людей, значимые пространства и события.

Ядерным элементом лексики, составляющей лингвокультурный образ страны в «Путевых записках» А.С. Грибоедова, являются ономастические единицы. На этот факт впервые обратили внимание основатели российской лингвокультурологии – Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1980: 177]. Наряду с разнообразными топонимами и более редкими антропонимами в группу слов, имеющих высокую лингвокультурную ценность вошли социальные термины, причем их количество значительно превышает традиционные культурные реалии, называющие праздники, национальные блюда или предметы быта. С одной стороны, это может отражать особенности взгляда Грибоедова-дипломата на неизвестную ему культуру. С другой стороны, особенности взгляда путешественника никогда не ставились в зависимость от анализа слов-реалий, использованных при описании страны путешествия. Отсюда вытекают и перспективы исследования, которые могут показать, что именно «чужому», который пытается погрузиться в иную культуру, рассказать о ней, кажется особенно важным и интересным. Ответ

на это может дать анализ безэквивалентной лексики, которая используется для создания уникального лингвокультурного образа страны.

2.4. Лексические единицы, составившие основу лингвокультурного образа Персии к концу XIX в

С древнейших времен и первых культурных контактов образ страны складывается из ономастических единиц, которые неразрывно связаны с конкретными местами и лицами, представляющими страну. В первую очередь это топонимы и антропонимы, а также социальные наименования и названия артефактов, представляющих культуру. Наиболее часто единицы языка, имеющие лингвокультурную ценность, представлены в лексике языка, и особой актуальностью в этом огромном лексиконе приобретают имена собственные, которые, в художественных и публицистических текстах, становятся своеобразными маркерами уникального, национально специфичного.

Топонимы, или названия мест, имеют уникальные характеристики среди других имен собственных. Именно поэтому они изучаются в различных областях, и прежде всего в семантике и лингвокультурологии. Важнейшим является способность топонимических единиц транслировать информацию не только о географическом объекте самом по себе, но и о факте культуры, с ним связанном. Благодаря своему высокому лингвокультурному потенциалу топонимы нередко в художественных и публицистических текстах [Алефиренко 2005]. Известный исследователь имен собственных А.В. Суперанская считает основным назначением топонимов не украшение, а ориентацию в пространстве, регистрацию с их помощью исторических фактов и социальных феноменов [Суперанская 1973: 44].

Самые распространенные топонимы Ирана, встречающиеся в русскоязычной культуре – это названия городов, а именно *Шираз, Тавриз, Исфаган* и столица Ирана – *Тегеран*. А также название страны – Персия.

Для историка В.Н. Татищева Персия – государство, с которым можно установить дипломатические и коммерческие отношения: *Кофей, сахар, пшено, конфеты и тому подобные, ис Персии привозимые, против привозных чрез европейских*

купцов рассмотреть, которой торг полезнее, те и товары облегчить (В. Н. Татищев. Рассуждение о проекте тарифа для астраханского порта, 1743). На это также обращает внимание и другой, не менее известный историк Н.М. Карамзин в 8 томе Истории государства Российского: *Усмирив Казань, покорив Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персии, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россия воевала и с ханом Девлет-Гиреем, и с Швециею, и с Ливониею, неусыпно наблюдая Литву* (Карамзин, 1815–1820).

Для ученого и поэта М.В. Ломоносова это не только государство, но и особый мир Востока, загадочная огромная страна: *И ты, знойная Персия, ни быстрыми реками, ни топучими болотами, ни стремнинами гор превысоких, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набегами непостоянных народов не могла препятить нашествию нашего Героя, не могла удержать торжественного въезда в наполненные потаенным оружием и лукавством города* (М. В. Ломоносов. Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года, 1755). Для писателя и исторического деятеля А.Н. Радищева это страна с богатейшим историческим прошлым, античное государство и античная культура: *Правда что Персия лучшая свои войски в несчастных потеряла войнах с Аммониянами и Скифами; но ужели не было во владение Ксеркса никаких войск Киром устроенных?*» (А.Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья Греков [перевод книги Г. Де Мабли с французского], 1773). Для поэта В.А. Жуковского Персия – страна великих поэтов: *Хафиц, Анакреон Персии, известен по некоторым только отрывкам; Арабские сказки не все еще напечатаны; с поэзиею Китайцев мы совершенно еще незнакомы* (В. А. Жуковский. Мысли о заведении в России Академии Азиатской. // «Вестник Европы», 1811). Другой романтический писатель А.А. Бестужев-Марлинский представляет Персию как райский сад, сказочную страну: *Он отдыхает в Персии; он спит там на цветах, но уже не потому, что не может бодрствовать, а потому, что любит спать* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов, 1834).

Таким образом, мы видим, что уже в это время сложились основные элементы общего лингвокультурного образа страны: сильное большое государство, государство-сосед, с которым можно торговать, страна с древнейшей историей, страна великих поэтов, страна сказок «Тысячи и одной ночи». В это же время формируется еще и представление об отдаленной стране с чужой, иной культурой: *«Ступайте с богом, и всего лучше на Восток, то есть в Турцию, Персию или Россию: там и плохой цирюльник найдет себе практику»* (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)).

Среди названий городов Шираз особенно актуален в силу своей истории и культурной миссии. Он был основан не менее 3000 лет назад и несколько раз становился столицей. Великие персидские поэты – Хайям, Саади и Хафиз – жили в Ширазе и написали там прославившие их произведения. Русский поэт С. Есенин тоже пишет о Ширазе, выделяет его среди всех городов востока, так как чувствует свое внутреннее родство с ним. Оставаясь верным родным «рязанским раздольям», он пытается найти истоки поэтической словесности именно в этом городе: *Лунным светом Шираз осиянен, // кружит звезд мотыльковый рой* (С. Есенин «Персидские мотивы»). В русских текстах отмечаются особенности города, связанные с жизнью великих поэтов, с существованием прекрасной библиотеки, с производством вина и другой продукции: *Виноградъ въ нихъ происходитъ отъ лозъ, привезенныхъ изъ персидскаго города Ширази (Shiraz), и того рода, который называется мускатнымъ* (В.М. Головнин. Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку..., 1809); *Шейх-Сади родился в Ширазе или в 1193, или в 1175 году по Р. Х., умер же в 1291 году по Р. Х. в глубокой старости* (А.А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.), 1898 // «Исторический вестник», №4, 1902); *В 1796 году Ага-Мамед-хан был убит в Шуше и Фетх-Али, получив о том известие, оставил Шираз и, явившись в Тегеран, при содействии Мирзы-Мамед-хана, без всяких затруднений вступил на престол* (А.П. Берже. Фетх-Али-Шах и его дети // «Русская старина», 1886); *Сушеные лимоны, называемые амонскими, из Ширази и*

прилегающих к персидскому заливу провинций» (П.И. Огородников. Очерки Персии, 1874); *Она разнесла сотни тысяч книг по свѣту, создавъ хорошія бібліотеки даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ городокъ Ширазъ* (А.С. Трачевский. Судьба ислама // «Северный Вестник», 1895).

Топоним Тавриз (Тебриз) наиболее часто упоминаемый город, например, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) он встречается гораздо чаще, чем другие названия иранских городов, что обусловлено исторически: город лежал на пути из России в Иран, там часто бывали путешественники из России, так как он находился в сфере российских интересов. Однако упоминания города не раскрывают какого-либо особого отношения, видения этого места. Это город на пути, это главный город провинции, в котором происходят различные политические события: *Таврис с его базаром и каравансараями // выезд из Тавриса// Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию// Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды* (А. Грибоедов «Путевые заметки»); *Я ехал три дня от Аракса до Тавриза, что составляет не более 150 верст; – но как здесь путешествуют верхом, и пожитки возятся на вьюках, то переезды не могут быть велики: – 40, 50 верст, уже много, а днем, в сильный жар, говорят – и это невозможно* (Н. Т. Муравьев. Письма русского из Персии, 1844); *Губернатором или беглербегом Тавриза был Фетх-Али-хан, сын Хидхет-хана Рештского, убитого по повелению Ага-Мамед-хана* (А. П. Берже. Посольство А. П. Ермолова в Персию // «Русская старина», 1877).

Город Исфаган часто называют «половина мира», так как он прославлен многими достопримечательностями, в том числе и огромными мечетями. В Иране Исфахан считается городом искусства – музыки, архитектуры, каллиграфии и, конечно, литературы. Исфаган даже был столицей Персии в период царствования династии Сефевидов. У русских поэтов встречаем: *Стоит, векам наперекор, // Мечеть, красуясь, в Исфагане* (Р. Гамзатов «Персидские стихи»); *Исфахан сохранил одну тень своего прежнего величия* (М.А. Гамазов. Путевой журнал Е. И. Чирикова, 1875); *Город, так сказать, весь потонул в садах; везде в нем ручьи и ключи,*

*выходящие из горы, плотно прилегающей к городу и высоко нависшей над ним; но вода эта не здорова; говорят, есть в ней меркурий: та же вода, которая идет в город со стороны дороги в **Исфахан**, здорова* (Е.И. Чириков. Путевой журнал, 1849–1852).

Тегеран по сравнению с другими городами, такими как, Шираз – город поэтов, Исфаган со своими мечетями и Хорасан – родина Фирдоуси не обладает особым культурным богатством. Однако после его выбора столицей в 1885 году обращение к этому городу нередкое.

Вокруг этого слова существует не только политический, но и исторический нарратив, известный многим представителям русской культуры – в 1943 году здесь прошла Тегеранская конференция, здесь же был убит известный русский писатель и дипломат – Александр Сергеевич Грибоедов. Обе истории придают имени собственному соответствующий фон: *Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается **Тагирань**. // Стены с башнями, ворота выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) – это Тагирань* (А. Грибоедов. Путевые заметки; *Тут же есть небольшой Арсенал, бывший при Аббасе Мирзе, отце нынешнего Шаха, весьма важным заведением; теперь Арсенал почти уничтожен, или лучше сказать, перенесен в **Тегеран**, столицу Персии* (Н.Т. Муравьев. Письма русского из Персии, 1844).

Хорасан также является одним из древних городов Ирана, который прожил немало завоеваний и исторических событий. Этот город родил ряд выдающийся поэтов, как Хайям, Аттар, Рудаки и творца знаменитой иранской эпической поэмы «Шахнаме» Фирдоуси. Этот город также прославится своими садами и коврами: *От чего луна так светит тускло // На сады и стены Хороссана?* (С.Есенин); *В каком-нибудь несчастном «Венике» она встречала один из прелестных рассказов Томаса Мура в «Лалла Рук», «Покровенный пророк Хорасана», какой-нибудь перевод, разумеется посильный, из Гете и Шиллера, или из Ламартина и Гюго...* (А.А. Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества, 1862).

То же самое можно сказать и о других наименованиях городов, например, топоним «Мешхед», он встречается в книгах, посвященных Персии или Ирану, обозначает место, городское поселение, но никакие культурные ассоциации в его употреблении не зафиксированы: *Из Асхабада в Мешхед и обратно в первый раз прошел автомобиль* (События дня (1914.06.20) // «Новое время», 1914); *Мешхед, куда путь не безопасен местами от нападения туркмен, а потому при них находятся два старых ружья: одно русское солдатское с курком, другое длинное персидское с кремнем* (Огородников, 1874).

Все приведенные названия – это определенные «фокальные точки» в образе страны, которые, однако, не обладают тем символическим лингвокультурным потенциалом, каким обладают *Тегеран*, *Исфахан* или *Шираз*. Особое место занимает *Персеполь*, название места, обладающее реальной притягательной силой, которое тесно связывает современный Иран с Древней Персией: ... *можно, почтенный Иван Андреевич, из этого может выдти прекрасная идеальная природа гораздо выше нами видимой, слышали ли Вы об грифоне индобастрианского происхождения, посмотрите на него, в обломках Персеполя, в поэме Фердусия* (А.С. Грибоедов. Письма, 1824); *В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлетел и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; не доставало только бороды* (А.С. Грибоедов. Путевые письма С.Н. Бегичеву, 1819). А.Р. Аюбов отмечает, что, «как и памятники материальной культуры, топонимы имеют очень большой возраст. Они рассказывают об истории расселения и жизни различных народов – своих создателей. Данные топонимии помогают в решении спорных вопросов этнической истории народов. В некоторых случаях топонимический материал содержит больше сведений чем памятники археологии и письменности и, выступая в качестве первоисточника, дает неожиданные результаты. Особое место занимают этнотопонимы, то есть топонимы, связанные с памятниками материальной и духовной культуры» [Аюбов 2018: 54].

Антропонимы, как и топонимы, способны отражать национально-культурную специфику, так как каждая личность, имя которой выражается антропонимом, тесно связана с культурой и историей какой-либо страны. А.В. Суперанская пишет, что несмотря на то, что «антропонимы относятся к именованию людей и только людей, они дают чрезвычайно сложный спектр категорий имен, что связано с историей культуры, особенностями психологии людей, с традициями и многими другими» [Суперанская 1973: 174]. Наиболее частотной категорией в текстах этого исследования являются имена легендарных или исторических деятелей, прославленных поэтов, а также и религиозных лидеров.

Наибольшего внимания со стороны деятелей российской культуры в XIX веке были удостоены персидские поэты, что вполне естественно. Так как проводниками персидской культуры выступали поэты и писатели, филологи и переводчики, то они хотели познакомить российскую публику с именами тех, творчество которых восхищало их самих, это имена Хафиза, Фирдоуси, Хайяма, благодаря которым Персия представляется россиянам страной поэзии и поэтов, страной искусства и литературы. Интересно, что если образ Фирдоуси – это прежде всего персидский поэт, автор великой поэмы, то образы Саади и Омара Хайяма персонифицируются. Первый предстает как тонкий лирик, воспевавший красоту мира, радости и наслаждения, второй же больше представляется как умный мудрец: *При ребенке дядька его и визирь Мирза Зейн-эл-Абидин-хан, который во время нашего визита заставил своего воспитанника прочитать нам наизусть стихи из Хафиза* (Е.И. Чириков. Путевой журнал, 1849–1852); *Хафизъ молился у гроба пророка и у святого черного камня; онъ приносилъ жертву на горъ Араратъ; онъ былъ истый мусульманинъ, но дни его были сочтены* (А.В. Елисеев. Мусульманские паломники // Вестник Европы, 1884); *Шах-зенде-кух, вершина против деревни Гюверсин, где исчез Кей-Хосров, как говорит Фирдоуси в своем Шах-наме* (Е.И. Чириков. Путевой журнал, 1849–1852); *«Тем окончил Персиянин свой рассказ; я вспомнил про Фирдоуси, он рассказывает, что мать знаменитого Рустама, (восточного Самсона) Рудабаха, жила до замужества своего также в какой-то башне, и полюбив*

молодого Зала, принимала его к себе, спуская к нему с башни длинные волосы свои, по которым он и взбирался к ней; это однако открылось, но любовник сделался ее мужем» [Н.Т. Муравьев. Письма русского из Персии (1844)]; *Не докучай, добро, Сафир-Али, мне своим вздором, ни даже под именем Саади и Гафиза* (А.А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек, 1831); *Персияне, уже въ школьъ познакомивъ ученика съ учениемъ религіи, даютъ ему въ руки сочиненія Саади, не для того только, чтобъ возбудить и образовать въ юномъ сердцѣ вкусъ къ поэзіи, но и для того, чтобъ внушить ему любовь къ добродѣтели* (А.В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике, 1851).

Вторая группа антропонимов – имена исторических политических деятелей, например: *Встреча, почести, Фетхалихан боится каймакама* (А. Грибоедов. Путевые заметки) – второй шах Ирана династии Каджаров, правил с 1797 по 1834 [Баласникова 2003]. Этих имен пока не так много, так как осведомленность русских в истории Персии пока незначительная.

Названия людей по социальному признаку входят в группу слов-реалий – лексических единиц, которые называют объекты жизни одного народа, чуждые другому. Будучи носителями национального и исторического колорита, такие слова, как правило, не имеют точных эквивалентов в другом языке, и, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого внимания [Влахов 1980: 47].

Слова-реалии несут не только референциальную функцию, но и содержат фоновую информацию, связанную с определенным национальным культурным контекстом. Их использование в переводе помогает выразить национальный характер текста, так как они часто переводятся или транслитерируются и входят в язык. Часть этих слов становится лексикой ограниченного употребления, используемой только в отношении определенных культур или стран. Реалии также создают определенный фон, включая в свое лексическое значение фоновую информацию – то есть такую социокультурную информацию, которая является характеристикой только определенной нации и отражена в языке этой нации [Виноградов 1978: 87].

Наиболее яркое слово-реалия, связанное с Персией, это «шах», в Национальном корпусе русского языка оно входит в 631 документ, зафиксировано 2 443 вхождения, однако в реальности частотность употребления по крайней мере в 3 раза меньше, так как существует омоним этого слова, и оно входит в качестве составной части во множество имен собственных. Надо отметить, что в большинстве случаев, когда речь идет о «титуле монарха», имеется в виду именно персидский (иранский) шах: ***Шах**, сам шах, великий повелитель правоверных, это живое воплощение веры, красоты, всех мечтаний поэта, – обманул Фирдуси (Анненский, 1909); Сей сановник (в августе 1604) не нашел царя в Загеме: Александр был у шаха, который строго велел ему явиться с войском в стан персидский, не взирая на имя русского данника и не страшась оскорбить тем друга своего, Бориса (Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 11, 1823); К счастью, отъехав с пол-агача, поровнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся к шах-зиде! (А.С. Грибоедов. [Путевые письма С. Н. Бегичеву], 1819).*

Также в группу входят и другие слова, такие как *хан, мулла, дервиш, сардар, садеразам, каймакам* и многие другие. Значительная часть этих слов скорее является просто безэквивалентной лексикой, которая выполняет в текстах функции экзотизмов, или варваризмов. Слова используются скорее в стилистической функции, создавая определенную картину «чужой» культуры: *Встреча, почести, Фетхалихан боится каймакама. // Обед у англичан, визит каймакаму (А. Грибоедов. Путевые заметки) – управляющий делами наследника престола и тот, кто представляет заместителя или должностное лица в специальной миссии, работе); Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине (А. Грибоедов. Путевые заметки) – командир корпуса/войска; изит седеразаму, бодрый старичок (А. Грибоедов. Путевые заметки).* Особое место занимает в этой группе слово «визирь», оно, безусловно, является частью русского языка уже в XIX веке, так как употребляется в различного рода художественных нарративах о востоке и обозначает верховного правителя. Когда же слово употребляется в своем основном значении – премьер-министр при шахе

или султане, то гораздо чаще оно связано с Турцией, чем с Персией: *Едва успел он приехать в Ясы, как от верховного **визиря** Болтаджи Магомета получил весьма строгое повеление о поднесении Порте обыкновенных подарков, причем предложены ему были требования, совсем противные его обязательствам* (Н.И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях, 1772); *И для того-то хотя иногда терпел он **визирей** с крепкою головою, но не мог терпеть тех, у коих крепки были подошвы* (И.А. Крылов. Каиб. Восточная повесть, 1792); *Вчера меня угощал здешний **визирь**, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней, на огромном дворе несколько комнат, в которых угощение, лакомство, ужин, весь двор покрыт обширнейшим полотняным навесом, вроде палатки, и богато освещен, в середине театр, разные представления, как те, которые мы с тобою видели в Табризе, кругом гостей человек до пятисот, сам молодой ко мне являлся в богатом убранстве* (А.С. Грибоедов. Письма, 1828).

Помимо названий людей к группе реалий и безэквивалентной лексики относятся названия общественных мест и артефактов. Часть из них: – *базар, каравансарай, майдан, чайхана, навруз, чадра* – стали полноценными словами русского языка, характеризующими повседневную жизнь представителей исламской культуры, другая же часть остается экзотизмами и варваризмами: *В **навруз** мы, как революционные офицеры, перед нами церемонимейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые ворота* (А. Грибоедов «Путевые заметки») – персидский праздник в честь нового года, который отмечается в первый день весны;

*На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четверугольная, как в Зангане **гарем**, треугольник для евнухов, беседка для бани* (А. Грибоедов. Путевые заметки) – женская часть дворца шахов (храм-сарай); *«Остатки древнего великолепия – мечети, **мейданы** и проч»* (А. Грибоедов. Путевые заметки) – любая открытая площадка, парк или площадь.

Если обратиться к исследованию сложных наименований объектов, таких как «персидская миниатюра», «персидский ковер», только последнее является устойчивым, довольно часто (75 документов и 81 вхождение) используется, и можно сказать, является лингвокультуремой. Словосочетание зафиксировано как в русской классической литературе, так и в современных текстах: *Тут же под ногами дорогой персидский ковёр, о котором он случайно прочёл в газетах* (Гончаров, 1891); *Вчера я её встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковёр* (Лермонтов, 1840). *Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры – Персия целиком; ногой, так сказать, попираешь капиталы* (Н. В. Гоголь. Мертвые души, 1842).

Таким образом, в основе лингвокультурного образа Персии, сформировавшегося к концу XIX века в русской культуре, лежат имена собственные, связанные с географическим положением, политическим и административным устройством страны, а также с ее историей и культурой. Такая структура образа отражает и основные формы и цели контактов двух стран – по преимуществу политические и экономические.

Выводы по второй главе:

Лингвокультурный образ страны формируется в результате прямых и опосредованных контактов, которые могут зависеть от типа культуры страны, ее географического расположения и частоты межличностных взаимодействий. Так как количество непосредственных взаимодействий между отдельными представителями персидской и русской культуры было весьма незначительно, образ Ирана в русской культуре формировался на основе текстов.

Анализ текстов о Персии, обращение к частоте и разнообразию публикаций переводов персидских поэтов позволяют прийти к выводу, что главную роль в формировании лингвокультурного образа Ирана сыграли публицистические тексты, а также художественно-поэтический нарратив, благодаря публикациям переводов

поэтов Востока, а также благодаря непосредственным контактам как отдельных граждан, так и представителей государств в XVIII–XIX веках, в результате которых были созданы и опубликованы путевые заметки и впечатления. Немаловажную роль сыграло в этом романтическое искусство, которое часто обращалось к восточной поэзии, к творчеству Фирдоуси, Саади и Хафиза.

Особое место в формировании лингвокультурного образа Ирана сыграли и тексты публицистических жанров, и в частности путевые записки. Исследование «Путевых записок» А.С. Грибоедова помогло понять, какие именно лексемы составили образ страны, которую описывал драматург и дипломат. Состав лексики, отражающей лингвокультурный образ Персии в путевых заметках чиновника и писателя, это в первую очередь имена собственные: топонимы и антропонимы, а также наименования людей по роду деятельности. Изучение других текстов этого периода показало, что к концу XIX века сформировалось определенное лексико-семантическое ядро, которое соответствовало представлениям носителей русского языка о Персии.

Лингвокультурный образ Ирана в русской культуре историчен, диахроничен. Первоначально он складывается как актуальный, однако со временем информация за определенный период накапливается. В основу семантического поля, представляющего лингвокультурный образ Ирана, положены имена собственные – топонимы и антропонимы. Сначала формируется ядро поля, оно состоит из названий политически значимых мест и имен политически и исторически значимых персонажей, а также топонимов и антропонимов, связанных с культурой страны. Затем это ядро расширяется за счет антропонимов, представляющих другие исторические эпохи, связанные с различными историческими событиями. Периферия поля формируется словами-реалиями и наименованиями людей по социальному признаку.

Глава III. Авторские лингвокультурные образы Ирана в русских художественных и публицистических текстах XX-XXI века

3.1. Лингвокультурный образ Ирана в художественной прозе на материале романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»

Исследование национально специфичных образов в художественном нарративе имеет свою специфику, в особенности в ситуациях, когда оно сравнивается с другими жанровыми и стилевыми разновидностями текста, с публицистическими путевыми заметками. Так, читая роман Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», легко заметить, что в работе он использовал и тексты писем и заметок А.С. Грибоедова, и обращался к другим материалам, что, в конечном счете, позволило ему создать особый хронотоп повествования.

Результаты сравнение текстов Ю.Н. Тынянова и А.С. Грибоедова демонстрируют изменения в восприятии одних и тех же объектов лингвокультуры, их развитие. Видны движения этих объектов с периферии картины мира к центру и наоборот. Это связано, в первую очередь, с изменением взаимодействия двух культур: знания о другой культуре либо расширяются, если увеличивается число и глубина контактов между обществами-носителями этих культур, или остаются неизменными если не происходит наращивания связей.

Основным методом выявления слов со страноведческим компонентом в тексте был лакунарный метод, который реализуется в ходе сопоставления, сравнительного анализа лексики. Любое слово, значение которого разъясняется в художественном повествовании или требует такого разъяснения должно быть подвергнуто семантическому анализу, контрастивному сопоставлению. Лакуна возникает лишь при сопоставлении, но и наличие эквивалента в языке-реципиенте не всегда является показателем того, что слово не обладает уникальной семантикой. Например, в романе Ю. Тынянова употребляется слово *нюкер*, которое тут же поясняется автором как «придворный», однако совершенно очевидно, что придворный в шахской Персии и царской России не похожи ни по внешним признакам, ни по внутреннему

содержанию. Иными словами, здесь особое лингвокультурное наполнение слова устанавливается на основании внутрисистемных отношений слов «шах – ньюкер», «царь – придворный», лакунарный метод здесь дополняется семантическим анализом внутрисистемных отношений. Приведем еще пример: *Длинные волосы – зульфа* – один из признаков военного сословия, Самсон подстригал их в скобку, как раскольники (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»). Писатель постоянно прибегает к пояснению, однако из него совершенно неочевидно, что речь идет просто о причёске, которая отличается большей длиной волос, а скорее – об особом убранстве этих длинных волос. В данном случае требуется эмпирический метод: в русской культуре военные, наоборот, отличаются более короткими волосами и особыми стрижками, которые требует воинский устав. На основе этих знаний можно предположить, что персидское военное сословие отличалось от других сословий не только длинными волосами, но и особым убранством этих волос.

Основные задачи, которые были поставлены при изучении выделенных слов, связаны, в первую очередь, с преемственностью, с тем, чтобы выделить слова, встречающиеся в обоих текстах и выражающие лингвокультурные образы и страноведческие понятия. Вторая задача заключалась в установлении слов, которые были утрачены или не нашли отражения в романе Ю. Тынянова и в выделении «новых» слов, которые не использовал А.С. Грибоедов. Все это указывает на главную задачу – понять и объяснить, как с течением времени меняется лингвокультурный образ страны.

Лингвокультурный образ Ирана, который рисует Ю. Тынянов, в тематическом смысле совпадает: лексические группы и сферы культуры остаются неизменными. При изучении текста 85 слов привлекло наше внимание, в записках А.С. Грибоедова – 29, это объясняется небольшим объемом произведения. Если в записках Грибоедова 52% слов – топонимы, названия городов, горных вершин и рек (то есть нанесенные на ранее пустую карту конкретные точки, достойные внимания), то в романе Ю. Тынянова «Вазир-Мухтар» антропонимы и топонимы составляют лишь

25%, часто это не только точки на географической карте, но также достопримечательности – названия мест в Тегеране и Тебризе или имена современников, исторических личностей. Такие отличия можно объяснить разницей жанров: роман предполагает целостное художественное пространство с героями и их нравами, в то время как путевые заметки, в первую очередь, рассказывают о географии. Другая группа слов – социальные наименования, то есть слова, называющие людей по их социальному признаку, у Грибоедова этих слов 29% (8 из 29), а у Тынянова – 60%, это наименования, называющие людей по роду деятельности, месту происхождения или оценке, что опять же объясняется не только объемом произведения, но и особенностями жанра. Такой набор слов обусловлен стремлением автора к достоверности создаваемого им художественного пространства, желанием вызвать доверие у читателя посредством деталей. Поэтому в тексте такое значительное количество слов, которые называют персонажей в соответствии с родом их занятий. Ведь всех этих людей можно назвать и понятными для носителей русского языка (русскими) словами. В этом случае можно было бы избежать пояснений, но тогда читатель может забыть о том, что все происходит в иной культуре: *В свите Хозрева были: хаким-баши – лекарь, Фазиль-хан – поэт, мирзы и беки, назырь, или дядька, пишхедметы – камер-лакеи, три туфендара, или оруженосцы, секретный ферраш (постельный), абдар (водочерпий), кафечи (кофейный), шербетдар (шербетчик) и сундуктар (казначей).*

Таким образом, назначение слов-реалий в данном случае служит формированию атмосферы неизвестной, иной культуры, воздействию на читателя и созданию лингвокультурного образа. Автор прорисовывает для читателя множество деталей, которые, в конечном счете, и отвечают за колорит, общий культурный фон событий, описанных в романе и во многом объясняют поведение персонажей. Тем не менее, безэквивалентная лексика, если предполагается, что она понятна читателю из контекста, не комментируется, а новые слова переводятся с помощью максимально близких по значению эквивалентов. Художественное повествование не всегда отличается правдивыми подробностями, однако оно должно соответствовать

определенным ожиданиям читателя, одновременно расширяя его кругозор и знания в описываемых событиях, особенно в тех случаях, когда в основу сюжета произведения положены исторические события.

В отличие от жанра путевых заметок, где достоверность сведений имеет важное значение, жанр романа допускает художественный вымысел и может показывать мир совсем не таким, каким он был в реальности. Однако роман Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» является историческим, и его цель – уверить читателя в достоверности событий, поэтому писатель собирал исторический и этнографический материал, готовился, консультировался, для того чтобы воссоздать историческую и культурную атмосферу, в которой оказался главный герой его романа – А.С. Грибоедов. В этой связи роль слов-реалий в романе возрастает, поскольку именно с их помощью автор переносит читателя в мир своего художественного произведения.

Как видно из анализа лексики двух произведений, образ страны расширяется и меняется качественно. Во-первых, меняется сама культура, а вслед за ней и образ страны в представлении других культур. Во-вторых, нарастают информационные потоки между странами, люди узнают больше друг о друге, обмениваются культурной информацией.

Основным материалом для этого исследования стали слова-реалии, или безэквивалентная лексика. Однако не все они являются эксклюзивными маркерами иранской культуры, выделяется несколько слоев. Так, встречается много слов мусульманского востока: *гарем, мулла, газават, кяфир*. Это часто арабизмы, восходящие к Корану, или имеющие тюркское происхождение – чаще, названия общевосточных артефактов: *бахадер, сарбаз*. В этом отношении лексический состав путевых записок А.С. Грибоедова и вокабуляр романа Ю.Н. Тынянова очень схожи. Эта ситуация вполне предсказуема, поскольку любая культура принадлежит к какому-либо надкультурному образованию, как религия или макрокультура региона, и со-

держит все соответствующие атрибуты, свойственные и другим близким культурам. Для представителя же русской культуры в его видении культуры иранской, все это является новым и неизведанным, незнакомым.

Описывая события 100-летней давности Ю.Н. Тынянов обращается к культурам многих народов, которые были связаны с жизнью и судьбой его героя: армянской, азербайджанской, грузинской и собственно иранской, и между этими различными культурами оказывается много общего. Это вполне объяснимо и многолетними тесными культурными контактами, и общими для этих народов историческими событиями, а также и тем, что для автора романа об А.С. Грибоедове, как и для его героя, данные культуры являются «чужими», «другими», и четко осознаваемые носителями различия не всегда правильно считываются и интерпретируются.

Таким образом, из текста романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» была отобрана безэквивалентная лексика, называющая определенные реалии иранской культуры. Значительное количество этих единиц представляло собой транслитерацию, небольшая часть – транскрипцию произношения этих слов. Семантический анализ выделенной группы слов позволил разделить их на две большие группы – имена собственные (топонимы и антропонимы) и имена нарицательные (социальные наименования и имена артефактов). В наиболее общем виде выделенная лексика представлена в Таблице № 2. «Страноведческая лексика романа Ю.Н.Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара».

Таблица № 2 Страноведческая лексика романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»

№ п/п	Семантическая группа	Количество слов	Состав	Примечания
1.	Имена собственные	20	Топонимы: <i>Аббас-Абад, Хорасан, Шираз, Мезандеран, Эривань,</i>	Первые 9 – названия городов, последние 3 – названия значимых мест

			<i>Иезде, Луристан, Керман, Ферахан, Багшумаль, Негеристан, Таджиль</i>	
			Антропонимы: <i>Каджары, Фетх-Али-Хан, Аббас-Мирза, Ага Мохамед, Алаяр-хан, Мирза-Таги, Саади, Гафиз</i>	6 имен политических деятелей, 2 имени поэта
2.	Социальные термины	40	Политическая элита: <i>шах, эмир, мирза, хан, султан</i>	5 наименований
			Военные: <i>сардар, сарбаз, багадыран, серхенг, сартип-эввель, наиб-серхенг, пехлеван</i>	8 наименований
			Чиновники: <i>везир, ньюкер, наиб, гулям-тишихимет, евнух, ходжа, чапархан, ферраш, мухессиль, садразам, наиб</i>	11 наименований
			Названия по роду занятий: <i>кафечи, кебабчи, щербетдар, хаким-</i>	10 наименований

			<i>баши, туфендар, аб-дар, сундуктар, дервиши, сига, Имам-Зумэ</i>	
			Названия инородцев (чужих): <i>кяфир, речбар</i>	2 наименований
			Оценочные характеристики лиц (в основном с отрицательной коннотацией): <i>хараб, бзанид, лот; метоф</i> (слово с положительной оценкой)	4 слова
3.	Названия мест	4	<i>Гарем, андерун, баляханэ, кешик-ханэ</i>	4 слова
4.	Праздники и календарь	3	<i>Ашура, мухаррем, режжеб</i>	3 наименования
5.	Артефакты культуры и понятия описывающие жизнь	17	<i>Джира, харадж, куруры, аманаты, дестхат, фирман, зульфа – социальные знаки.</i>	7 слов
			<i>Джурабы, джуббе, каджари, кулиджи – детали одежды</i>	4 слова
			<i>Пашалык, маджлес-ширини, зель-зелэ, тасбих, пердэ, агда –</i>	7 слов

			слова, не вошедшие ни в одну группу.	
6	Ценности	2	<i>Сахтыр, ташаххюс</i>	2 слова

Использованные в романе Ю.Н.Тынянова лексические единицы и их дифференциация по семантическим группам подтверждают, что освоение иной культуры происходит по определенным направлениям: создается воображаемая карта страны, на которую наносятся значимые географические объекты; формируется представление о значимых обитателях этой страны (имена исторических персонажей и политических фигур, дифференциация людей по различным социальным группам). Затем внимание фиксируется на тех артефактах, которые отсутствуют в родной культуре: места, события, особенности внешнего облика людей, культуры, определяющие поступки, коммуникативные привычки. Важно также и то, что в данном случае источником отбора послужило художественное произведение, в котором автор использовал страноведчески окрашенную лексику для воссоздания достоверного образа незнакомой читателю страны. Поэтому многие использованные автором лексемы так и не стали значимыми для формирования целостного образа страны.

Как видно из данной таблицы, в тексте романа Ю.Н. Тынянова самой многочисленной группой является группа слов, обозначающих названия людей по роду деятельности и социальному положению. Эти лексемы неоднородны: некоторые нужны для создания атмосферы и относятся к варваризмам и экзотизмам, в то время как другие могут считаться лингвокультурным ядром, например, *шах, дerviш, евнух*.

Антропоцентрический подход к изучению лингвистических явлений позволяет моделировать образ человека в данной картине мира. Напрямую это касается социальных и профессиональных номинаций людей в определенной культуре. Из этого принципа следует, что только исходя из изучения различных наименований человека, можно получить адекватное представление о его бытовании в той или

иной культуре. Поскольку профессиональная деятельность человека, социальная градация в социуме является неотъемлемой частью, атрибутом человеческого общества, наименования лиц по социальным признакам важны, так как позволяют отразить семантическое поле репрезентаций человека. А.Г. Воеводина отмечает, что в соответствии с существующей социологической терминологией «наименования лиц подразделяются на номинации по социальному статусу и по социальной роли. Термином «социальный статус» обозначается соотносительная (по оси «выше – ниже») позиция лица в социальной системе, определяемая по ряду признаков, присущих данной системе. Одним из таких признаков является значение «социальное происхождение, сословная принадлежность человека». По признаку «первенствующее сословие» производные слова называют «лицо, относящееся к привилегированному классу общества» (император, барон, баронет). Данные слова можно сопоставить со словами по признаку «мелкое городское сословие» (мещанин, торговец)» [Воеводина 2010: 468].

Если же обратиться к словам других групп, например, к обозначающим места, то у А.С. Грибоедова это слова, обозначающие общественные места, а у Ю.Н. Тынянова – определенные символические места в жилище: *гарем (харем), гаремханэ, андерун, баляханэ, кешик-ханэ: Я повешу его над дверью в андерун. Пусть он висит против Наполеона; Он посмотрел на башню дворца и на баляханэ, как на Красные ворота; Комната эта была кешик-ханэ – палатка телохранителей* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Вместо наименований праздников в романе Ю.Н. Тынянова на первое место выходят мусульманские календарные наименования: месяц *мухаррем, режжеб*, праздник *ашура: Время было зловещее, когда персияне греются у холодных каминов и много молятся: солнце было в созвездии Скорпиона, стоял месяц режжеб; Мелик-уттуджар суконщиков берет себе после мухаррема сразу трех сига. Когда у него будет время для своих агда? Близок печальный месяц мухаррем, когда убили святого имама Хуссейна; Торговля упала, – говорит купец, – и я дал обет резать себя в дни ашура* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Еще одна наиболее представительная группа слов – безэквивалентная лексика, описывающая материальные и нематериальные ценности иранской культуры. Сюда можно отнести названия денег, драгоценностей, предметов дарения и вручения: *джира, харадж, куруры* (*О джире напомни от меня. Он знает. Задерживают джиру; Харадж исправный; это проходил мимо дома военного генерал-губернатора сводный гвардейский полк, возвращавшийся из Персии и везший куруры и трофеи* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

В эту же группу входят нематериальные знаки и предметы – маркеры заслуг перед обществом: *аманаты, дестхат, фирман*: *Потом было поздравление от аманатов – залога верности племен разнородных: сытых, полуголодных и совсем голодных, бедного состояния; Когда Самсон узнал, что Грибоедов добивается дестхата о его выдаче, он никому ничего не сказал; Я фирман от Аббаса получил: за отличие, как я был у него в кампанию военным советником, он дает людям наделы под Тебризом, на выбор* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Детали одежды: *джурабы, джуббе, каджари, кулиджи*. Однако, как видится, эти слова не обладают потенциалом для вхождение в ядро лингвокультурного образа, как например слова *чалма, халат, сарафан, косоворотка. Сидели, заложив правую ногу на левую, на коврах у Самсона, персияне в больших чалмах и цветных носках – джурабах; Парадные министры в многоэтажных джуббе, красных и коричневых, одетых одна на другую, похожих на фризковые шинели, были в белых шалях, намотанных на черные каджари; Однорукие люди в оборванных кулиджах поднимали левой рукой камни с дороги* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Другие слова, отобранные нами для анализа, разнородны по своей семантике: это и единицы, обозначающие административное деление страны: *Пашалыки Ахалцыхский и Карский были собственность оттоманов*; слова, называющие события: *Самсон-хан пошел к Алаяр-хану приглашать его на маджлес-ширини* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»); и явления природы: *Азиатская сторона, голая ладонь старого человека, волнообразные горы, как мозоли, как следы долгой работы – работы зель-зелэ, землетрясения* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-

Мухтара»); и предметы символического назначения: *Четки – тасбих – из жемчужов и алмазов висели у него на груди, борода была расчесана, напоминала драгоценную дамскую ротонду больших размеров* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»); и предметы быта: *Он раздвинул занавес – пердэ – бережно, как священные покровы* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Особого интереса заслуживает попытка писателя расширить представления читателя о нематериальных ценностях персидской культуры: *Что такое сахтыр? Доктор достал из кармана небольшой словарик, листнул его и чуть не свалился с седла. Потом наконец нашел. – Соеур дир, жестокое сердце, – прочел он, – может быть, есть и другое значение, но это издание уже старое* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»). Ю.Н. Тынянов делает попытку ввести понятие, объясняющее особенности культуры: *Азиатская лень, удобство: тут же преклониться к земле и смотреть в разноцветные стеклышки окон, частью выбитых, – да еще персидская важность – ташаххюс, – да любовь к игрушечным калейдоскопам – такова персиянская роскошь»; «Ташаххюс – в его приплясывающей походке то изящество, которым персияне встречают напасти* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Таким образом, лингвокультурный образ Ирана, который создается в русской культуре благодаря А.С. Грибоедову и Ю.Н. Тынянову выражается большим диапазоном и разнообразием тематических групп лексики по сравнению с переводами персидской поэзии. Однако большинство слов-иранизмов являются лишь экзотизмами, описывающими иную культуру. Концепция «Смерти Вазир-Мухтара» Ю.Н. Тынянова отличается сложным построением взаимоотношений двух культур: страны сравниваются, сопоставляются и затем поднимаются на уровень диалога культур. Образ Персии в романе, как и образ России, сложен и многогранен; здесь одно неразрывно связано с другим. Автор смотрит на персидскую культуру глазами иностранца, но именно такой взгляд позволяет ему подмечать нечто важное, что объясняет действия героев. Основным художественным приемом повествования

становится сравнительный анализ двух в чем-то совершенно разных, а в чем-то и близких культур.

3.2. Лингвокультурный образ Персии в поэзии XX-XXI вв.

Художественно-поэтический текст рассматривают как сложную систему, в которой выделяется несколько уровней. Однако не следует отождествлять системно-уровневую организацию языка и поэтического текста, они принципиально различны. Н.Ф. Алефиренко подчеркивает, что в поэтическом тексте особо важную роль играет контекст и особенности его личностного восприятия, речевой смысл, то есть личностно ориентированное преломление системного значения в языковом сознании общающихся [Алефиренко 2005: 91]. В поэзии четко выделяется информативно-смысловой уровень и эмотивно-образный, первый является не столь важным для восприятия текста, а второй следует признать основным. Он обращается к когнитивной базе читателя, к его системе представлений и сценариев. Здесь можно выделить стилистический и образный подуровни [Болотнова 1992: 28–29].

Художественный текст обладает несомненной лингвокультурной ценностью, так как отвечает всем критериям принадлежности к национальной культуре, соотносит единицы языка и речи с концептами и сценариями национальной картины мира. Любое произведение художественной словесности, как прозаическое, так и поэтическое, является хранилищем коллективного опыта носителей определенной картины мира, средством выражения и трансляции передачи значимой информации. Художественный текст не только создает и выражает родную культуру, но также отражает «чужие» культуры, реконструируя иные картины мира. Это свойство художественного текста способствует осознанию и родной культуры, и культуры, с которой осуществляется контакт посредством построения виртуального вербального мира.

Рациональный смысл поэтического текста невозможно понять без восприятия эмотивного смысла, который реконструируется на основе ассоциативно-образных связей, отвечающих за создание и интерпретацию образной структуры текста.

Это доказывает взаимосвязь содержательных уровней поэтического текста. Эстетически воздействующая на читателя образная структура поэтического текста реализуется на основе всего арсенала языковых средств выразительности.

Поэты чаще всего используют уже сложившиеся образы и представления, например, обращаются к известным именам собственным:

Ты – распутье двух дорог:

Здесь погибли **Ксеркс** и **Дарий**,

И раздавлен был Восток (С. М. Соловьев. Дарданеллы («Разбивая, словно стекла..»)) (1915.04.17)

И вновь прошли бы снова чувства,

И зазвенел бы в сердце бой:

И **Мохавиры**, и **Заратустры**,

И **Саваджи**, объятаго борьбой. (В.Хлебников, О, Азия, 1921)

В лесах золотых

Заратустры,

Где зелень лесов златоуста!

Это был первый день месяца **Ая** (В.Хлебников. Навруз труда)

Будто принцесса **Мейран**

Зовет в **Тегеран**.

И **Мейран** – тоже птица. (В.Каменский. Степан Разин)

Снился **Решт** – **Тегеран**:

И принцесса **Мейран**

Называла Заремом Степана (В.Каменский. Степан Разин)

Мы ужасали дикой волей мир,

Горя зловеще, там и здесь, зарницей:

Пред нами **Дарий** отступил, и **Кир**

Был скифской на пути смирен царицей. (В.Брюсов, Мы – скифы, 1916)

Также стихах часто используются лингвокультуремы – социальные термины, такие как **шах**, **визирь**, **дервиш**:

Весь он–

как в золоте **персидский шах!** (Е. Евтушенко)

Как бессчетным женам гарема **всесильный Шах**

изменить может только с другим гаремом,

я сменил империю. (И. Бродский)

Падают дни, словно персиков цвет,

За зарей отцветает заря;

И **шах** однажды на тайный совет

Зовет к себе **визиря**. (Л.Ф. Бартольд. Легенда о шахе и дервише («Во имя Аллаха, владыки сил!..»)) (1935)

Чуть завидел **визирь Шерэ**

Девушку – затрепетал,

Как подстреленный, не может

Глаз на дивную поднять

А подымет, а посмотрит —

Глаз не может оторвать. (М. Цветаева. Этери, 1940)

Хорошо! Хуже в гостях у людей!

Из-за забора: «Урус **дервиш, дервиш** урус!» –

Десятки раз крикнул мне мальчик (В. Хлебников, «Сегодня я в гостях у моря..»

[Тиран без Т, 13] (1921–1922)

Н.Гумилев «**Пьяный дервиш**»

Когда разлетались туманы

На утре сквозь стрельчатых ниш,

Он был превосходней султана,

Любовник, поэт и дервиш. (В. Н. Иванов. «Найдете высокую тему -...» [Поэма еды, 2] (1928)

Он до пустыни Ирана

донашивал

чистый и радостный

звучности груз,
и люди,
не знавшие говора нашего,
его величали

Дервиш-урус. (Н. Н. Асеев. Хлебников («Вы Хлебникова видели / лишь на гравюре...»)) (1930-1941)

Заслуживает внимания образ Ирана в поэзии Велимира Хлебникова, которого всегда притягивал Восток, видимо, потому, что русский поэт родился в Калмыкии. Исследователь творчества В. Хлебникова П.И. Тартаковский писал, что «художественный ориентализм Хлебникова – это не просто тема, «предмет» временного увлечения или продолжения «калмыцкого» периода биографии поэта. Восток для Хлебникова – это один из древнейших очагов той мировой культуры, которая единственно способна, по его убеждению, спасти мир от уничтожения величайших катаклизмов» [Тартаковский 1937: 76–77]. В 1921 году состоялась поездка поэта в Персию, которая оставила значительный след в его поэзии и стала одной из ведущих тем его творчества. В стихах «персидского периода» сливаются, перемешиваются, выстраиваются в причудливый орнамент восточная и западная культуры, мифологические пласты древней истории. Хлебников посетил Гилян во времена Гилянской республики, просуществовавшей однако совсем недолго. Он был лектором политотдела Персармии, с чем, очевидно, и связано это уникальное слияние персидских мотивов с революционными. Его произведения «Пасха в Энзели», «Новруз труда», «Кавэ-кузнец», «Иранская песня», «С утробой медною верблюду...», «Ночь в Персии», «Дуб Персии», «Ручей с холодной водой...», «Труба Гуль-муллы», все написанные в 1921 году, отображают особый миф противостояния Востока и Запада как противоречия революционной энергии и «европейского рационализма». Например, Пасха – христианский праздник – в стихотворении «Пасха в Энзели» соединяется с топонимом *Энзели*, знаком иранской культуры. Для поэтики В. Хлебникова характерен сплав обобщенных символов европейской и восточной культуры с деталями личных переживаний и впечатлений. Например,

в «Пасхе в Энзели» звучит мотив восточного рая, для воссоздания которого используются детали города Энзели:

Темно-зеленые, золотоокие всюду сады,
 Сады Энзели. Это растут порталы,
 Это нарынчи Золотою росой осыпали
 Черные ветки и сучья.
 Хинное дерево
 С корой голубой
 Покрыто улитками.

Описывая страну, В. Хлебников использует персидскую лексику: «порталы» – апельсиновые деревья, «нарынчи» – померанцы, придавая таким образом тексту этнический характер. Тема Пасхи, воскрешения использована и в стихотворении «Новруз труда»:

Снова мы первые дни человечества!
 Адам за Адамом
 Проходят толпой
 На праздник Байрама
 Словесной игрой.
 В лесах золотых Заратустры,
 Где зелень лесов златоуста!

Характерным для поэтики «персидских стихотворений» В. Хлебникова является эклектичное соединение разных культур, христианской (она зародилась на востоке), мусульманской (она и есть во многом современный поэту Восток) и зороастрийской (представляет Древнюю Персию). Этот культурный сплав представлен в соседствующих упоминаниях Адама, Байрама и Заратустры. Иран (и шире – Восток) в произведениях В.Хлебникова выступает как культурный перекресток, в котором соединяется человеческое, мифологическое и космическое. В этом синтезе разных начал представлена мечта В. Хлебникова о вселенском братстве людей.

Лирический герой В. Хлебникова воспринимает Персию как символ проявления свободы, стихии, бескрайнего пространства природы: «Морской берег. / Небо. Звезды. Я спокоен: Я лежу...» («Ночь в Персии»), перед читателем разворачивается пространство без границ, в котором люди и природа представляют собой единое целое.

Поэтические метафоры и эпитеты нередки в создании образа страны не только в классической и современной поэзии, но и публицистике. Это отмечает в своем исследовании Д.С.Скнарев: «Среди языковых средств создания образа Тайланда на первый план выходят эпитеты» [Скнарев: 121].

Не менее часто поэты XX века обращаются к образам, символам, которые не лексикализованы в языке, не выражены устойчиво, но при этом связываются с определенной страной и культурой. Так, например, С. Есенин в приведенном фрагменте обращается к образу *розы*, зная, очевидно, из поэзии классиков персидской литературы, что это определенная ценность иранской культуры.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
 И опять мне о далеком крае
 Свежестью упругой говорят.

В. Каменский в поэме «Степан Разин» использует разнообразные средства: это и заимствования, и имена собственные, и стандартные поэтические образы, и материальные предметы (ковры), связанные с национальной культурой.

Ай хяль бура бен
Сиверим сизэ чок.
 Ай Залма –
 Ай гурмыш-джаманай.
 Ай пестритесь ковры –
 Моя Персия.
 Ай чернитесь брови мои –

Губы – кораллы.

Чарн-чаллы.

О.Э. Мандельштам. «Лазурь да глина, глина да лазурь...» в стихотворном цикле «Армения» обращается к устойчивой цветовой ассоциации: лазурь – бирюза – Восток:

Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым.

Н.С. Гумилев обращается к целому направлению в иранском искусстве – персидской миниатюре в стихотворении «Когда я кончу наконец...» (1921):

С копьём окровавленным шах,
Стремящийся тропой неверной
На киноварных высотах
За улетающею серной.

Или

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

Поэт, используя вербальные образы, воспроизводит классическую персидскую миниатюру, как он ее себе представляет. И созданная им картина вполне понятна и доступна для читателя, так как знакомый образ воссоздается такими образными средствами: как бирюза, «миндалевидный», «киноварный».

Фоновая лексика, как ее определяют Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, представляет собой всю совокупность непонятных семантических долей, относящихся к слову. Она играет важнейшую роль в лингвокультурном образе Ирана и

выделяет его специфичность и самобытность. В поэтических произведениях слова *соловей*, *кипарис* и *роза* наиболее частотны, они передают восточный колорит. Слова эти часто представлены в персидской поэзии, они метонимически и метафорически связаны с лингвокультурным образом родной страны, с их помощью носители иранской культуры представляют родную страну. Именно эта категория за счет своей национально-культурной семантики в сознании носителя другой культуры формируют те знания, которые ему неизвестны. С точки зрения современной семиотики, такие лексемы являются символами и представляют собой способ мышления, при котором для определения категорий применяется готовый знак – слово. Известный специалист в области семиотики культуры Умберто Эко в своей монографии «Философия и история языка» (1984) описывая метафоры и символы, определил их как изменчивые и нестабильные объекты. В основном, метафорическое и символическое осмысление стоит на ассоциативных связях, рождающихся из опыта познавательной, творческой, художественной деятельности. Тогда совершенно не удивительно, что символику и метафорику лингвокультурного образа исследовали ищут в художественной прозе [Эко 2002: 35–37, 56].

Из-за слов твоих, как соловьи, // Из-за слов твоих, как жемчуга (Н. Гумилев «Подражанье персидскому»); *Быть поэтом — значит петь раздолье, // Чтобы было для тебя известней. // Соловей поет — ему не больно, // У него одна и та же песня* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Соловьи на кипарисах, // и над озером луна, // Камень черный, камень белый, много выпил я вина // На высоких кипарисах замолчали соловьи* (Н. Гумилев «Пьянный дервиш»); *Так спросил я, дорогая Лала, // У молчащих ночью кипарисов, // Но их рать ни слова не сказала, // К небу гордо головы зависив* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Лепестками роза расплескалась, // Лепестками тайно мне сказала: // Шаганэ твоя с другим ласкалась, // Шаганэ другого целовала* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Слышишь, роза клонится и гнется // Эта песня в сердце отзовется. // Ветер с моря, тише дуй и вей // Слышишь, розу кличет соловей? // Хороша ты, Персия, я знал* (С. Есенин «Персидские

мотивы»); *Угощай, хозяин, да не очень. // Много роз цветет в твоём саду. // Незадаром мне мигнули очи, // Приоткинув черную чадру; Я б порезал розы эти, // Ведь одна отрада мне – // Чтобы не было на свете // Лучше милой Шаганэ»; «Ты пропела: «За Евфратом Розы лучше смертных дев. // Если был бы я богатым, // То другой сложил напев (С. Есенин «Персидские мотивы»); Ради щек твоих, ширазских роз, // Краску щек моих утратил я (Н. Гумилев «Подражанье персидскому»).*

Вторая группа коннотативной лексики связана с семантикой цвета «голубой» и «синий», которые считаются цветовой символикой Ирана. Именно поэтому и бирюза тоже носит в лингвокультуре Ирана символический характер.

Золото холодное луны, // Запах олеандра и левкоя. // Хорошо бродить среди покоя // Голубой и ласковой страны; Голубая да веселая страна. // Честь моя за песню продана. Ветер с моря, тише дуй и вей // Слышишь, розу кличет соловей?; Синими цветами Тегерана // Я лечу их нынче в чайхан» (С. Есенин «Персидские мотивы»); И небо, точно бирюза, // И принц, поднявший еле-еле // Миндалевидные глаза // На взлет девических качелей» (Н. Гумилев «Персидская миниатюра»); Для того, чтоб посмотреть хоть раз, // Бирюза – твой взор или берилл (Н. Гумилев «Подражанье персидскому»); Но и все ж вовек благословенны // На земле сиреневые ночи (С. Есенин «Персидские мотивы»); Ну, а этой за движенья стана, // Что лицом похожа на зарю, // Подарю я шаль из Хороссана // И ковер ширазский подарю (С. Есенин «Персидские мотивы»); Когда я кончу наконец // Игру в саше-саше со смертью хмурой, // То сделает меня Творец // Персидскою миниатюрой» (Н. Гумилев «Персидская миниатюра»); «Тегеран, чайхане (чайханищик), синие цветы, красный чай // Улеглась моя бывшая рана – // Пьяный бред не гложет сердце мне (С. Есенин «Персидские мотивы»); Сам чайханищик с круглыми плечами, // Чтобы славилась пред русским чайхана, // Угощает меня красным чаем // Вместо крепкой водки и вина (С. Есенин «Персидские мотивы»); Наливай, хозяин, крепче чаю, // Я тебе вовеки не солгу. // За себя я нынче отвечаю, // За тебя ответить не могу (С. Есенин «Персидские мотивы»); Россия первая, учитель, харяшо. // Тол-

стой большой человек, да, да, русский дервиш. // А! Зардеит, а! харяшо! (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»); *Свои червонцы апельсин, // Где цапля розою пылает // В просторе рисовых долин* (С. Городецкий «Персия»); *Свет вечерний шафранного края, // Тихо розы бегут по полям. // Спой мне песню, моя дорогая, // Ту, которую пел Хаям* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Их смуглые лица окутаны в шали* (В. Хлебников «Навруз Труда»).

Изучению связи лингвокультуры и цветовой символики было посвящено несколько исследований, в частности, работа Е.Н. Алымовой. Автор, изучив проблему, приходит к следующим выводам: «ассоциативные поля цветообозначений позволяют говорить о национальной ассоциативной лингвоцветовой картине мира, то есть национальной цветовой картине мира, репрезентированной посредством ассоциатов на стимульные цветообозначения. Лингвокогнитивное моделирование цветковых концептов в синхронном состоянии возможно осуществлять на ассоциативном материале, полученном посредством свободного ассоциативного эксперимента с комплексным предъявлением стимула (демонстрация цветкового образца, название, запись стимула информантом в опросный лист)» [Алымова 2007: 8]. Также исследователь утверждает, что «семантико-когнитивное моделирование цветковых концептов на основе ассоциативных полей, показало, что цветовой концепт является концептом-представлением с богатым интерпретационным полем, которое содержит эмоции, оценки и переносно-символические значения. Ассоциаты стимульных цветообозначений репрезентируют гендерные, возрастные, профессиональные, религиозные особенности цветковых концептов» [Алымова 2007: 168].

Эмоционально-оценочная лексика выражает отношение и восприятие писателей и поэтов к лингвокультуре страны. «Всеми лингвистами отмечается такая семантическая универсалия – в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если же сравнить эмотивную лексику, взяв за критерий тип оценочного знака, то во всех языках чётко вырисовывается такая картина: эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков

в количественном отношении больше, чем с положительной, но употребляются они при общении значительно реже, чем последние. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур похожи, т.к. негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании, что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности» [Шаховский 2009: 16]. При этом оценочная лексика, связанная с лингвокультурным образом, носит почти всегда положительный характер.

В.И.Шаховский замечает, что «согласно традиционной точке зрения, информативна только денотативная функция языка / речи. Наблюдения над семантикой языковых единиц и их функционированием показывают, однако, что эмотивная и экспрессивная функции языка тоже информативны, т.е. коммуникативно релевантны, так как эмотивные и экспрессивные единицы языка семантически значимы. Мнение некоторых лингвистов и переводоведов о том, что эмотивные и экспрессивные компоненты семантики языковых единиц имеют лишь стилистическую природу и поэтому являются объектом стилистики, а не семасиологии, вызывает сомнение: положение об их смысловой окрашенности позволяет отнести коннотативные семы к смысловой стороне лингвистической проблемы. Тезис о коммуникативной релевантности экспрессивно-эмотивно-оценочных: фонологических, морфологических, лексических, фразеологических, структурных средств языка, а также и паралингвистических средств находит убедительное подкрепление при контрастивном изучении переводов с родного языка на иностранный и наоборот» [Шаховский 2009: 80]. Таким образом, оценочная лексика обладает серьезным лингвокультурным потенциалом.

В проанализированных текстах оценочные слова имеют положительный характер и показывают стремление к глубокому познанию загадочного, ласкового и «чужого» им мира.

Золото холодное луны, // Запах олеандра и левкоя. // Хорошо бродить среди покоя// Голубой и ласковой страны (С. Есенин «Персидские мотивы»); *голубой,*

Фирдуси: // *Голубая родина Фирдуси, // Ты не можешь, памятью простыв* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Голубая да веселая страна. // Честь моя за песню продана. // Ветер с моря, тише дуй и вей // Слышишь, розу кличет соловей?* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Слышишь, роза клонится и гнется // Эта песня в сердце отзовется* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Воздух прозрачный и синий, // Выйду в цветочные чащи* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Мне пора обратно ехать в Русь. // Персия! Тебя ли покидаю? // Навсегда ль с тобою расстанусь // Из любви к родимому мне краю? // Мне пора обратно ехать в Русь; И ответил мне меняла кратко: // О любви в словах не говорят, // О любви вздыхают лишь украдкой, // Да глаза, как яхонты, горят* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Тихо розы бегут по полям. // Сердцу снится страна другая. // Я спою тебе сам, дорогая, // То, что сроду не пел Хаям... // Тихо розы бегут по полям* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *У меня в душе звенит тальянка, // При луне собачий слышу лай. // Разве ты не хочешь, персиянка, // Увидать далекий синий край?* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Я давно ищу в судьбе покоя, // И хоть прошлой жизни не кляню, // Расскажи мне что-нибудь такое // Про твою веселую страну* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Хороша ты, Персия, я знаю, // Розы, как светильники, горят // И опять мне о далеком крае // Свежестью упругой говорят* (С. Есенин «Персидские мотивы»).

Таврис с его базаром и каравансараями (А. Грибоедов «Путевые заметки»); *Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам* (А. Грибоедов «Путевые заметки»).

Не ходил в Багдад я с караваном, // Не возил я шелк туда и хну. // Наклонись своим красивым станом, // На коленях дай мне отдохнуть (С. Есенин «Персидские мотивы»); *И сагиб, пьянея, алый нюхал цветок, // Белый и босой, // И смотрел на синие дальние горы* (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»).

Исследователи В.А. Суровцев и В.Н. Сыров пишут, что особенность использования оценочных метафор и эпитетов, состоит в расшатывании общепринятого

контекста употребления слов и даже в конце концов в игре на контрасте их звучаний. Это значит, что целью производства метафор отнюдь не является выражение и формирование содержания. Апелляция к смыслам слов и преобразование смысла одного слова за счет другого – только средство достижения эффекта эмоционального переживания или убеждения. ... Мы обусловлены некоторым списком слов и правилами (или контекстами) их употребления, поэтому эффект метафоры достигается деконтекстуализацией и реконтекстуализацией [Суровцев, Сыров].

Е.В. Решетникова выделяет следующие особенности использования метафоры: во-первых, метафоры дают возможность выражать ценностные суждения. Во-вторых, метафоры позволяют сопрягать чувственный и рациональный уровни восприятия. В-третьих, метафора является средством семантической инновации. В-четвертых, полифункциональность метафоры позволяет связывать язык наблюдения и язык теории, преодолевая их резкое различие [Решетникова 2011: 90]. Это еще раз доказывает, что образные средства поэтического текста обладают способностью транслировать не только содержательно-фактическую, но и подтекстовую информацию, позволяют активно сопрягать визуальные образы с объективной информацией.

Таким образом, поэтический язык широко использует слова с лингвокультурологическим компонентом, имена собственные, которые можно назвать прецедентными для данной культуры, а также описывает образы и сценарии, связанные с той или иной культурой.

3.3. Лингвокультурный образ Ирана в современной публицистике

Языковые средства, формирующие образ Ирана в русских художественных и публицистических текстах достаточно разнообразны, и каждое из них обладает собственным потенциалом и спецификой выражения данного образа. Язык в данном случае выступает в качестве мощного и незаменимого инструмента, в котором зафиксированы национально-культурные образы того или иного народа. На основе

анализа лексического материала, отобранного из художественных и публицистических текстов, нами были выделены четыре основные группы, которые по большому счету явились самыми распространенными и обладающими наибольшим потенциалом. Это имена собственные (топонимы, антропонимы, мифонимы и т. д.), слова-реалии, коннотативная и фоновая лексика и эмоционально-оценочная лексика. Далее, перейдем к рассмотрению перечисленных групп на конкретных примерах.

Л.М. Рейснер, талантливый публицист и начинающий писатель, в 1921 году совершила несколько путешествий на восток и оставила очерки «Энзели» и «Персидский посол», а также книгу путевых заметок, посвященных Афганистану. В этих текстах она продемонстрировала взгляд человека 20-х годов XX-го века на иную культуру, а также и позицию революционера-интернационалиста. В ее текстах очень мало ярких культурных реалий, потому что автор ищет в том, что видит, прежде всего общее, а к уникальному относится часто как к досадному проявлению прошедшего. Вот как, Л.М. Рейснер описывает иранских крестьян: *Идя гуськом по краю дороги, возвращаются крестьяне. На гибких перекладинах несут вязанки сена, на плечах глиняные продолговатые кувшины, весла, сети и влажные паруса.* По данной картине совершенно нельзя судить о том, в каком месте и в какое время происходит описываемое, так как автор текста убежденный марксист, который верит в то, что социальные процессы в различных обществах совершенно идентичны, и все закончится непременно социальной революцией. В силу этого слов с культурной семантикой в текстах Л.М.Рейснер не так много, но при этом они относятся к вышеназванным семантическим группам.

Так, среди имен собственных встречаются 2 новых топонима и 1 новый антропоним: автор упоминает города *Энзели* и *Решт* и исторического деятеля *Кучек-хана*: *Флот приготовился к походу на Энзели; Розовые сады, рисовые болота, розовый ветер, таможня и, наконец, Решт; Как он сегодня печален, как его жаль почему-то, этого единственного революционера Персии, обреченного погибнуть в борьбе с англичанами или продажными ханами, на оружие которых он временно опирается. Кучек счастлив; Я ожидаю на корабль вашего национального героя –*

Кучек-хана. Помимо этих имен собственных упоминается еще и имя великого поэта Саади: *Пастухи, провожая домой горбоносых, гладкошерстных быков, распевают стихи Саади.*

В очерках были отмечены 2 социальных термина: *сафир-саиб*, *мулла*, а также одно название места *рабат* (постоялый двор) и одна лексема с абстрактным значением, которую следует отнести к нематериальным ценностям – *тамаши*: *Так как мы 'сафир-саиб' (послы), то всякая работа, по местным понятиям, для нас унижительна, кроме письма, конечно; Даже аристократы этой нищей толпы – муллы, важно обвеваемые полами своих просторных одежд, – не устояли перед именем Мирза-Кучек и пришли взглянуть на его оцененную голову; Один рабат похож на другой, и каждый вечер после трудного дня как будто вступаешь в те же стены, в ту же глиняную коробочку-комнату. Но теперь пора приступить к послам, к корпусу, украшающему собой все школьные акты, все ристалища, все вообще «тамаши» (веселья).*

Таким образом, в очерках Л.М.Рейснер было отмечено незначительное количество слов с культурным компонентом, что во многом объясняется нежеланием автора замечать культурные отличия, а скорее, выделять общее, универсальное. Это стратегия автора подчеркивает адресность текста, предназначенность его для определенной аудитории, которую автор себе вполне конкретно представляет. Как отмечает Н.И. Иовва, основной принцип повествовательной стратегии заключается в том, чтобы высказанное слово было понятно аудитории, точка зрения автора была изложена внятно, а структура высказывания была очевидной и тщательно продуманной [Иовва 2018: 125].

Для очерков Л.Рейснер характерно орнаментальное и ассоциативное сцепление картин и эпизодов, в которых действия людей чередуются с экзотическими картинками и образами. Фрагменты связываются между собой свободно, описываются эмоционально окрашенные моменты. Тексты отличаются определенной ритмичностью, действенностью, образы людей яркие и динамичны.

Совсем иными качествами отличаются очерки известного журналиста В. Овчинникова. В книге очерков «Своими глазами» (М.: АСТ, 2021), первое издание которой появилось в 1986 году, есть несколько глав, посвященных Ирану. Эти очерки очень важны, так как отражают современный взгляд и современный подход к представлению и описанию определенной оригинальной культуры. Сегодня целостный взгляд невозможен без исторического подхода к описанию объекта, поэтому лингвокультурная картина Персии (Ирана) активно дополняется не только картинами современной жизни, но и древней и древнейшей истории. В очерках В. Овчинникова, адресованных широкому читателю и нацеленных на его поверхностное знакомство со страной и ее культурой, чаще всего упоминаются имена собственные – топонимы и антропонимы. Помимо уже известных названий городов и населенных пунктов *Иран, Персия, Тегеран, Исфахан, Шираз*, здесь встречается древний *Персеполь*, а также наименования памятных мест *Майдане-Шах, Али-Капу: Центром городской планировки служит площадь Майдане-Шах, на которую выходят дворец Али-Капу и Шахская мечеть; Не успев стать благоустроенным городом, Тегеран изведal все побочные отрицательные последствия урбанизации; Исфахан – это полмира. Все в Исфахане – от бирюзовых куполов мечетей до белокаменных бассейнов – носит на себе печать искусства, предназначенного не только вызывать восхищение, но и напоминать о всемогуществе повелителя; Шираз – город роз и соловьев, город персидской поэзии и персидской художественной миниатюры; Руины Персеполя, каменные лестницы и цоколи его величественных построек, остатки многоколонных залов были обнаружены лишь в нашем веке.*

Как видим, и в этих текстах топонимы составляют важную часть лексики, из которой формируется семантическое поле лингвокультурного образа страны. Это объясняется тем, что названия мест обладают уникальной страноведческой ценностью, так как они не только маркируют определенное пространство, но и определяют его границы. Географические названия никогда не случайны, это народ дает

наименование объекту, поэтому любое географическое название может быть исторично и является памятником культуры народа. «В топонимах запечатлены исторические этапы заселения территории, хозяйственная деятельность людей, древние миграции и межнациональные контакты, исторические, политические и социально-экономические изменения, географические особенности, приметы местности, в том числе и те, которые в настоящее время уже исчезли» [Аюбов 2018: 54].

В числе антропонимов, помимо поэтов *Саади* и *Хафиза*, появляются имена исторических деятелей, которые не только сыграли важную роль в истории страны и ее культуры, но и являются всемирно известными – *шах Аббас*, *шах Реза Пехлеви*, *Дарий*: *Но наивысший расцвет исламской архитектуры, искусства отделки куполов и фасадов изразцовой мозаикой наступает в XVI–XVII веках, в годы правления шаха Аббаса; Отец последнего иранского шаха Реза Пехлеви стремился привлечь интерес к доисламской истории Ирана; Строительство Персеполя начал в 518 году до нашей эры тот самый Дарий, который перебрросил мост через Босфор, чтобы переправить свое войско в Европу...; Могила Саади – персидского поэта XIII века – находится в мавзолее, напоминающем аналогичные постройки Самарканда; Потом мы побывали на могиле другого ширазского поэта – Хафиза, который жил и творил на столетие позднее, в XIV веке.* Помимо этого в тексте упоминается доисламская религия древних персов и имя Заратустра: *Орнамент этот является символическим знаком огнепоклонников, последователей Заратустры.*

Число других слов с культурной семантикой в текстах В.В. Овчинникова очень незначительно. Описывая города Ирана, автор упоминает караван-сарай, мечеть, медресе, которые связаны не столько с Ираном, сколько с мусульманским Востоком в целом (например, *Архитектурная композиция вроде бы мало чем отличается от обычного караван-сарая*). Однако в тексте упоминаются такие яркие артефакты культуры, как «персидские ковры», «персидские миниатюры», а также автор сообщает интересный факт о том, что игру в «поло» англичане заимствовали именно у иранцев: *Состязания в поло увековечены на старинных персидских миниатюрах.*

Для того чтобы иметь более точное представление о современном образе Ирана, была также проанализирована книга А.Б. Громова «Персия: История неоткрытой страны» (М.: Сандра, 2016), адресованная широкому кругу читателей. Ее цель – рассказать об Иране, начиная с самого раннего времени. Научно-популярный характер издания обуславливает тот факт, что значительная часть слов с культурной семантикой – это не столько слова-реалии, сколько имена собственные. Особенно много здесь значимых имен собственных, которые называют царей Персии начиная с самых ранних лет, это *Кир, Артаксеркс, Ксеркс, Митридат, шахиншах Хосров, Мухаммед Реза Пехлеви, Дарий, шах Аббас, халиф Умар, шах Насреддин, Надир-шах*: *Появление на карте ойкумены Персии как великой державы неразрывно связано с именем царя **Кира II Великого**, происходившего из династии Ахеменидов и правившего в 559–530 гг. до н. э.; А греческий историк Ктесий, много лет служивший в качестве искусного врача при дворе персидского царя **Артаксеркса II**, приводит в своих сочинениях народную легенду, в которой **Кир Великий** предстаёт непосредственно основателем династии; **Ксеркс** тщательно готовился к походу в Грецию, заботясь не только о подготовке армии, но и о переправе через пролив Геллеспонт: были наведены два понтонных моста длиной более километра каждый; **Артаксеркс** наладил дела царства в соответствии с собственными выгодами; **Митридат II** принял титул «царя царей» – шахиншах; **Шахиншах Хосров** был просвещенным владыкой, он покровительствовал наукам и искусствам; *Говорит царь **Дарий**: некто именем Камбис, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем; То, что в 1967 году **Мухаммед Реза**, последний шах династии Пехлеви, короновал собственную супругу **Фарах Диб**, не учитывается, потому что он все равно оставался правителем; Страсть к жизни, к познанию, к творчеству и поэтому к изменениям, вела судьбу великого шаха **Насреддина**; **Имам-Кули Надир**, который станет **Надир-шахом**, остается загадочной фигурой для историков, хотя его авантюры, его личность, его головокружительная военная эпопея, последняя в азиатской истории, казалось бы, должны побудить направить на него**

все прожекторы. Все перечисленные имена принадлежат выдающимся правителям Персии и Ирана, все они неразрывно связаны со страной, с различными историческими эпохами в истории страны и, несомненно, способны выступать как определенные культуремы, создающие культурный образ.

Помимо имен шахов и царей в тексте также встречаются имена великих персидских поэтов *Саади, Хафиза, Рудаки, Омара Хайама, Низами, Барбада: Фирдоуси* в знаменитой поэме «*Шахнаме*» писал о том, как юный царевич Хосров полюбил красавицу *Ширин*, несмотря на то, что она была простого происхождения; Прославленный классик персидской поэзии **Низами Гянджеви** в поэме «*Хосров и Ширин*» описывает, как царевич Хосров видит купающуюся *Ширин* (Низами именует ее армянской принцессой) и сразу влюбляется в нее; **Рудаки**, признанный основоположник персидской литературы, также является основателем поэзии на языке фарси-дари, создателем особых поэтических жанровых форм; **Песни Барбада** известны под общим названием «*Хосровани*», их классифицируют по рифме, стихотворному размеру, содержанию и событию, в честь которого они написаны.

Помимо руководителей страны в числе антропонимов встречаются и другие видные политические и религиозные деятели (Халиф Умар), представители доисламских религиозных культов, важные для культуры страны: Одним из ближайших сподвижников четвертого шаха Персии из династии Коджаров был визирь (премьер-министр) **Амир-Кабир (Мирза Таги Фархани)**, выдающийся государственный деятель и просветитель; **Халиф Умар** повелел, чтобы на завоеванных землях не чинили излишних притеснений жителям, новые владения оформлялись договорами халифа с местными правителями; **Волей Ахура-Мазды я стал царем; Ахура-Мазда вручил мне царство. Власть, отнятую у нашего рода, я вернул и поставил ее на надлежащее место, как было раньше.** Также здесь впервые встречается женское имя, оставшееся в истории и культуре Ирана, – *Ширин*: *Фирдоуси* в знаменитой поэме «*Шахнаме*» писал о том, как юный царевич Хосров полюбил красавицу **Ширин**, несмотря на то, что она была простого происхождения.

А.А. Белецкий, рассматривая антропонимику с точки зрения происхождения, устанавливает генетическую связь восточнославянской культуры со скандинавской и византийской. Он пишет, что расхождение между антропонимией и нарицательной лексикой является результатом взаимодействия культур и может быть признано показателем сложной культурной эволюции [Белецкий 1972: 78]. Таким образом, антропонимика Ирана позволяет вдумчивому читателю проследить многие культурные контакты страны, рассмотреть все связи как элиты, так и простых людей.

Имена собственные-топонимы существенно пополняются не только названиями городов и провинций Ирана, но и названиями исторических мест *Пасаргады*, *Персеполь*, *Фарс*, *Шираз*, *пустыня Деште-Лут*, *некрополь Накше-Рустам*, *Марвдашт*, *мечеть Джамии*, *шахский дворец Голестан: Первой столицей империи Ахеменидов, которая была известна как «Сады Фарса», был древний персидский город Пасаргады; На карте современного Ирана этот город находится на территории современной провинции, или «остана», Фарс, на расстоянии 87 км к северо-востоку от Персеполя, примерно в 130 км от города Шираз; Пустыня Деште-Лут признана самым жарким местом на Земле, здесь зафиксирована температура + 71 С; Также очень распространена версия, что Кир похоронен под Кубом Заратустры, который находится в некрополе Накше-Рустам; Административно Персеполь входит в шахрестан Марвдашт (рядом с городом Марвдашт) провинции Фарс; В настоящее время шахский дворец Голестан является государственным музеем; Мечеть Джамии в Исфахане строилась в общей сложности более тысячи лет, ее своды помнят великого поэта Омара Хайама.*

Имена собственные, которые были зафиксированы в изданиях 20-го и 21-го годов можно разделить на несколько семантических групп: 1. Топонимы – названия городов, населённых пунктов, провинций, с одной стороны, и названия памятных мест – с другой. 2. Антропонимы – имена руководителей государств, имена политических деятелей, имена религиозные, имена культурных деятелей.

Если обратиться к социальным терминам, которые составили весьма внушительную группу в текстах А.С. Грибоедова и Ю.Н. Тынянова, то в текстах А.Б. Громова, Л. Рейснер и В.В. Овчинникова их не так много, это уже зафиксированные ранее лексемы *мулла*, *шах*, *сардар*, и новые *имам*, *шахиншах*, *визирь*, *сатрап*: *Шапур I стал шахиншахом и продолжил дело своего отца в расширении и укреплении державы; Персидский великий визирь Абул Касем Исмаил; При этом сатрапы были сугубо гражданскими чиновниками, у них не было военных сил. Армией руководили военачальники, подчинявшиеся только непосредственно самому царю.*

Из календарных праздников в тексте употребляется только *навруз*: **Навруз** считается одним из древнейших праздников, сохранившихся с эпохи древности, одной из наиболее ярких традиций на ниве культурной общности и фактором культурной интеграции между Ираном и странами иранского цивилизационного ареала. Однако в книге А.Б. Громова зафиксировано и 11 слов-реалий, описывающих повседневный быт и традиции иранцев. 3 слова встречались ранее, в романе Ю.Н. Тынянова (*фирман*, *куруры*, *туманы*), а остальные зафиксированы впервые: *сардали*, *тачара*, *сумаляк*, *нан-ширин*, *нан-йухе*, *колуче*, *кяриз*, *ганат*: *Обыкновенно шах одевается в черный или пестрый шалевый сардали (персидский сюртук); В начале Фирмана приложена печать шаха с его росписью; Император Николай I уменьшил сумму контрибуции, предусмотренной Туркманчайским мирным договором, на 2 миллиона рублей (т.е. на 1 курур – 500 тысяч туманов); Жилой дворец (тачара) Дария находится справа от Ападаны; Сумаляк (суманак, саману) – кашу из проростков пшеницы, растительного масла и муки – томят на медленном огне всю ночь, и даже в современных многоквартирных городских домах соседи ради этого собираются во дворе у очага; В провинции Фарс люди готовят в дни Навруза такие особые сладости, как сладкий хлеб (нан-е ширин), хлеб-йухе (нан-е йухе), печенье (колуче); Кяриз, иначе ганат, представляет собой сложную систему подземных галерей и глубоких вертикальных колодцев.*

Наглядно лексемы, формирующие лингвокультурный образ страны, зафиксированные в текстах Л. Рейснер, В.В. Овчинникова и А.Б. Громова можно представить в виде таблицы (Таблица № 3 «Страноведческая лексика в очерках Л.М. Рейснер, В.В. Овчинникова и А.Б. Громова»).

Таблица № 3 Страноведческая лексика в очерках Л.М. Рейснер, В.В. Овчинникова и А.Б. Громова

№ п/п	Семантическая группа	Количество слова	Состав	Примечания
1.	Имена собственные	42 (17 топонимов, 25 антропонимов)	Топонимы: <i>Энзели, Решт, Тегеран, Исфахан, Шираз, Персеполь, Пасаргады, Фарс, Марвдаит, пустыня Деште-Лут, некрополь Накше-Рустам, мечеть Джамии, шахский дворец Голестан, Майдане-Шах, Али-Капу, куб Заратустры</i>	Первые 11 – названия городов и географические объекты, последние 6 – названия значимых мест
			Антропонимы: <i>Заратустра, Ахура-Мазда, халиф Умар шах Аббас, шах Реза Пехлеви, Дарий, Кир, Артаксеркс, Ксеркс, Митридат, шахиншах Хосров, Мухаммед</i>	3 боги и пророки 13 имен политических руководителей страны,

			<i>Реза Пехлеви, Дарий, шах Аббас, шах Насреддин, Надир-шах, Саади, Хафиз, Рудаки, Омар Хайам, Низами, Барбад, Кучек-хан, Амир-Кабир, Ширин</i>	6 имен поэтов 3 имени исторических персонажей
2.	Социальные термины	9	Политическая и религиозная элита: <i>мулла, шах, имам, шахиншах, визирь, сатрап</i>	7 наименований
			Военные и чиновники: <i>сардар, сафир-саиб</i>	2 слова
3.	Праздники и календарь	1	<i>Навруз</i>	
5.	Артефакты культуры и понятия описывающие жизнь	11	<i>фирман, куруры, туманы, сардали, та-чара, сумаляк, нан-ширин, нан-йухе, колуче, кяриз, ганат</i>	

Таким образом, таблица № 3 наглядно показывает, что популярные описания страны сосредотачиваются на именах собственных, причем антропонимов в текстах больше, чем топонимов, а в числе последних все больше растет количество памятных мест.

Нельзя не заметить и следующих отличий: на воображаемой географической карте Ирана появились не только названия городов – политических и культурных центров, но и городов, связанных с древнейшей историей страны. Взгляд русского человека на Иран (Персию) приковывает то, что актуально не только с позиций политического, экономического и культурного взаимодействия, но и то, что привлекает туриста, потребителя массовой культуры. Эти области часто используют исторические события и исторические персонажи древней персидской истории в играх, фильмах, комиксах. Практически не увеличивается количество лексем, описывающих социальную структуру общества, за исключением тех, которые отражают современный Иран. То же касается и артефактов материальной и духовной культуры. Их немного, они уже определены. Все сказанное свидетельствует о том, что ядро образа сформировано, поэтому оно изменяется вместе с изменениями страны, которые важны и значимы для носителя другой культуры.

3.4. Лексемы, характеризующие современный лингвокультурный образ Ирана

Современный лингвокультурный образ Ирана сформировался в результате исторического и культурного взаимодействия с представителями русской культуры, причем в его основе лежали не непосредственные контакты со страной и ее представителями, а публицистические и художественные тексты. Нельзя не отметить, что в современном мире значение подобного способа освоения культуры постепенно утрачивается, хотя и остается значительным. На первый план выходят аудиовизуальные средства массовой информации и коммуникации, документальное и художественное кино, социальные сети. Все это приводит, с одной стороны, к более пристальному вниманию к экономическим и политическим процессам, с другой стороны, к исследованию жизни простых людей, которая в последние годы

подверглась определенным изменениям, приведению к общим стандартам. Важно также отметить возросшую мобильность людей, которые получили больше возможностей для путешествия и непосредственного знакомства с культурой страны. Это выводит на первый план «образ страны глазами туриста», который формируется сознательно представителями туристической отрасли на основе определенных экономических приоритетов.

Таким образом, современный образ Ирана складывается на основе исторически сформированных представлений, к которым добавляется актуальная политико-экономическая картина, а также «экспортный» туристический вариант образа, в котором акцент делается на древней истории и культуре.

Приведенный выше анализ текстов об Иране, а также привлеченные к исследованию материалы Национального корпуса русского языка позволили выделить группу лексем-культурем: «Персия» и «Иран», «шах», «визирь», «аятолла», «рах-бар», «персидский ковер» и «персидская миниатюра», обратиться к изучению их синтагматического потенциала, влияющего на объем лексического значения, а также их парадигматических отношений.

Слово *Иран* более употребительно, оно имеет 937 вхождений в 435 документов, а слово *Персия* 372 вхождения в 242 документа. Если сравнивать по количеству упоминаний в документах, то *Иран* в 2 раза частотнее, что, в целом вполне допустимо, так как большинство текстов в корпусе созданы после 1935 года, когда произошло переименование Персии в Иран. Если обратиться к газетным текстам корпуса, то соотношение резко изменяется: *Иран* употребляется 5 870 раз в 3041 документе, а *Персия* упоминается 11 раз в 10 документах. Совершенно иное соотношение количества употреблений данных слов в поэтических текстах: *Иран* – 24 вхождения в 10 документов, а *Персия* – 15 вхождений в 11 документов. В устных текстах *Персия* вообще не используется, а *Иран* упоминается в текстах конференций, докладов и телепередач в 35 документах, 81 вхождение.

Приведем примеры употреблений:

1) *Персия и Голландия – две родины тюльпанов. Мы выдумывали Голландию и грезили Персией, горизонтом* [Александр Иличевский. Перс (2010)]; 2) *Персия потому еще была райской, что оттуда доносились через мятую сеточку спи-долы Пресли, Нат Кинг Коул, Гиллеси, Колтрейн... Иранские станции никто не глушил, сильный сигнал обрушивал на мое сознание записи джазового фестиваля в Ньюпорте пятьдесят седьмого года, неистовые, бурлящей белизны потоки Паркера, вкрадчивую поступь Майлса, раскаленную свингующую спираль Гудмена: все это лилось мне в уши из-за морского горизонта, будоражило, сводило даже с ума* [Иличевский 2010].

В первом предложении слово обозначает страну, из которой что-либо происходит, по отношению к этой стране говорящий употребляет слово «*грезили*», то есть пытается представить страну как мечту или сказку. Во втором предложении понятие становится гораздо более широким, потому что речь идет не о географической точке, а о месте, в котором происходит что-либо приятное для говорящего, это проявляется в эпитете «*райский*». В других примерах мы видим, как значение расширяется беспредельно – «*сказочная восточная страна*» (3), «*совершенно иная, непонятная страна*» (4)

3) *И Персия, как страна забвения, «небеса Востока»* [Александр Кушнер]. «С Гомером долго ты беседовал один.. (2001); 4) *Как будто мы какая-нибудь Персия, а не Сибирь»* [Посмотрим, как прыгнет кошка // «Свободный курс», 1997].

В следующих примерах авторы пытаются представить лингвокультурный образ через определенную цепь ассоциаций. В предложении (5) это касается всех стран Востока, она передается через образы седобородого мудреца, что указывает на древность и мудрость, восточные сказки, и все это переплетается с современностью, религиозными войнами.

5) *Сквозь эту брешь хлынут Ирак, Палестина, Персия; над миром всплывет обманчивый образ седобородого старца с молодыми наглыми глазами; то ли*

он есть, то ли его нет; именем из восточных сказок, как паролем, аukaются фундаменталисты и спецслужбы, обыватели Европы и слушатели медресе [Архангельский 2006].

В примере (6) Марина Цветаева пытается передать то, как она себе представляет Персию, через цепь ассоциаций: *цветочные (яркие) цвета, мелкопись (филигранный узор, арабская вязь), цветущее дерево, которое намекает на рай.*

6) Передние вещи меньше задних, дальние больше ближних. Цветочные цвета, мелкопись, Персия. «Веер» я видела глазами, и, глаза закрыв: яблонное райское цветущее дерево, затмившее мне тогда всех: и актеров, и героев, и автора [Цветаева 1929].

Совпадает с видением М.И. Цветаевой и картины страны, представленные В.В. Каменским. В первую очередь писатель стремится представить эту страну как рай, именно такой она предстает в воображении его героя – Степана Разина, именно поэтому его герой туда и стремится как в землю обетованную.

7) Будто перед ним перворайский сад с деревьями до неба. А вся страна кругом – Персия. Будто ярко-пестрые, изгибные птицы качаются на плодоспелых ветвях и ломко кричат песнями о любви [Каменский 1928].

Ю.Н. Тынянов представляет страну через детали, которые особенно запомнились герою, но обязательно опять упоминается яркий орнамент:

8) В чудесных цветных шарах аптек была его Персия [Тынянов 1928].

Ю.Казаков выстраивает перед читателем яркую картину восточного базара, где сочетается красота и уродство, блеск, сияние и грязь. Множество деталей в его описании создают не столько картину хаоса, сколько коллаж ярких образов:

9) Потом лет десять ходил все такой же, а наступало время – опять седела борода, салился, лез волос. Изредка вспоминалась ему Персия. Закрывал он тогда глаза – нестерпимо пекло белое солнце, шумел базар, горячо пахло пылью, нечистотами из узких темных переулков, синим дымом плыл, курился капающий на раскаленные угли бараний жир, в кофейнях сидели на вытертых коврах, жевали

тугие лепешки, пили кофе, горько-зеленый чай, курили, скашивая желтоватые белки глаз, потом блестели копченые лица [Казаков 1958].

Приведенные выше ассоциации основаны не столько на личных впечатлениях авторов, которые путешествовали по стране, сколько на их фантазии и той информации, которую они почеркнули, скорее всего, из персидской поэзии. Возможно, они сталкивались с товарами из Персии: знаменитыми коврами, шелком, и все это в итоге составило картину страны. Но нельзя не отметить и других аспектов употребления этого слова. Часть их относится к историческому дискурсу, и поэтому слово употребляется в связи с какими-либо историческими событиями, деятелями, как, например, у Андрея Белого.

10) *В 800-м году Ибрагим-бен-Аглеб, завладевши страной, из твердынь Кайруана отдал всю Тунисию в руки калифа Гарун-аль-Рашида; в стране водворилась династия бен-Аглеба; и вот аглебиты сломали ветвистое дерево, дымящейся ереси; и кореджитство сломалось, чтоб вскоре дать место другой, еще более опасной напасти; шиитству, в котором погрязла доселе мятежная Персия; первых имамов (трех первых: наследники Абубекра, Омара, Отмана) признали сполна кореджиты; но их отрицали шииты; лишенный калифства, Али был законным имамом для них; возникает опасная линия: тайного имамата; потом пресекается; но шииты в нее все же верят; Абу-Абд-Аллах, эмиссар их, опять возглавляет рассеянный толк бунтарей, проповедуя царство Медхи* [Белый 1922].

Здесь слово употребляется с эпитетом «мятежный», что тоже ярко указывает на особенности страны, которая является одним из центров ислама, но при этом противостоит многим арабским исламским странам, предлагая свою собственную ветвь этой древней мировой религии.

Во многих примерах Персия упоминается как давний политический партнер и конкурент России, так, в примере 11) автор использует рядом со именем страны эпитет «строптивая», оба примера указывают на самостоятельность, независимость, стремление неуклонно следовать своим собственным интересам.

11) *А оттуда до заветной Индии оставалось рукой подать. Но на пути лежала строптивая Персия. Она десятилетиями не пропускала в Индию русских послов* [Бобков 2003]. 11) *Персия жаждала реванша за поражение в недавней войне и лишь ждала благоприятного стечения обстоятельств, чтобы начать военные действия»* [Экштут 1994].

И еще группа примеров показывает, что это слово вызывает у читателя мысли о древности, древней истории, архаике, войнах:

12) *Я черчу на песке мир Эратосфена – без Америки, без Австралии. Теплые берега Средиземноморья... Персия... Скифия... Мир был так мал!* [Брагин 1962].

13) *Персия, Александр Македонский, Писистрат, законы Ликурга, Рим, Пунические войны, что-то сказал Гасдрубал, Столетняя война...* [Бакланов 1959].

В поэтических примерах (14) и (15) Персия – это, скорее, мифологическая страна – средоточие восточной культуры, причем в понятие культуры может входить много разных сем, содержащих отсылки не только к искусству Востока, но и к его политической культуре, а также к древней истории:

14) *Что призрак зол, глухая Персия, И допотопный Арарат?* [М. А. Кузмин. «Теперь я вижу: крепким поводом..» [Маяк любви, 8].

15) *Кровь застыла в нас, иль обветшала, Наша переметная сума? Здравствуй, Персия! Здорово ночевала, Полусонная богатая кума!* [Туроверов 1920-1965].

Образованные от слова *Персия* относительные прилагательные также довольно ярко отражают широту этого понятия. С одной стороны, *персидский* означает «произошедший из Персии»: *персидский ковер, персидский кот, персидский шелк*, с другой стороны, оно может означать нечто неопределенное, что, по мнению говорящего, может иметь даже слабую связь с Персией, например, в предложениях (16) и (17).

16) *К тому же прикаспийские земли поставляли бы «эзенгоутово дерево» для российского флота, нефть, медь, свинец, табак, вино, сухие фрукты, пряности и – важнее всего – персидский шелк* [Курукин 2013];

17) *Жена была похожа на мужа как его уменьшённая копия – та же тонкость, тот же персидский рисунок лиц [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].*

18) *В рай тот невесть чей., В рай тот персидский... В сласть и в страданье – Дай – через руку! [Цветаева 1922].*

В поэтических отрывках мы видим как лингвокультурный образ Персии сформирован в русской культуре, – это страна с ее историей, мифами, определенными яркими приметами – узорами, орнаментами, сказками, сибаритским бытом элиты.

В газетных текстах данное слово *Персия* употребляется либо для обозначения страны до 1935, либо вместо слова *Иран*, чтобы избежать повторов:

19) *Я был убежден, что Ирану суждено вести мусульманский мир в новую эпоху, что Персия выполнит свое предназначение [Арсюхин 2013].*

В отличие от сказочной и райской Персии слово *Иран* называет современное государство, и эта референция выходит на первое место, вытесняя все остальные. С другой стороны, значение слова обрастает определенным фоном, который, в силу специфики, связан именно с политической культурой страны, при этом особое внимание уделяется не сколько сходству, сколько серьезным различиям в этой политической культуре.

20) *Разумеется, в этом случае Иран превратится в мощного конкурента в первую очередь для Азербайджана [Хазбиев 2015].*

Примеры (21) и (22) показывают, что определенный образ все же есть. Так, например, *Иран* постоянно упоминается рядом со словом *нефть*:

21) *Иран не смог обрушить цены на нефть [Михальчук 2015].*

22) *На фоне новостей о том, что Иран и «шестерка» близки к компромиссу по ядерной проблеме, цены на нефть резко упали: 6–9 июля сорт нефти Brent (августовский контракт) подешевел до 58, 61 доллара за баррель, или на 2, 8% [Доллар все ближе к 60 рублям // «Эксперт», 2015].*

Не менее часто *Иран* упоминается рядом с словами *атом*, *ядерная программа*:

23) *Поскольку Иран преследует цели развития мирного атома, его возможности по обогащению урана, промышленные мощности и запасы обогащенного урана будут ограничены*, – заявила еврокомиссар по вопросам внешней политики Федерика Могерини [Повестка дня // «Эксперт», 2015].

Иран часто называют *державой*, что указывает на определенную силу и могущество страны:

24) *Восток прошел мимо этого, и в результате такие некогда могучие державы, как Турция, Иран, Индия и Китай, оказались вытеснены на периферию, превратившись в полуколонии и даже колонии* [Вера Краснова, Павел Кузенков. Романовы: империя верных // «Эксперт», 2014]

Очень важный элемент сложившегося образа Ирана – это упоминание ислама, исламской республики, управляемой аятоллами:

25) *Через два месяца Иран был провозглашен теократической Исламской Республикой* [Борис Явелов. Календарь «3-С»: январь // «Знание-сила», 2014].

Мы видим, что в приведенных примерах речь идет о государстве в политическом значении, практически не возникает никаких фоновых ассоциаций, связанных с культурой, но это совершенно не означает, что у слова вообще отсутствуют фоновые значения. Анализ поэтических текстов показывает, что цепь ассоциаций, которая здесь реализуется также неразрывно связана с понятиями «государство», «держава», «сила», «оружие», гораздо реже возникает образ древней страны, одной из древнейших культур, происходит отождествление с Персией (26):

26) *Из тьмы веков к престолу роз избран, За Каспием покоится Иран* [В. А. Меркурьева. «Дождь моросит, переходящий в снег..»];

27) *Пусть в воздухе горят проклятья, И яростно отцы и братья, Меч вырывают из ножен, Чтоб был Иран им отомщен, – Бездушный вождь, он глух к печали И к звону смертоносной стали* [Г. В. Адамович. Огнепоклонники (1918–1920)].

28) *Привет тебе, дальний и дивный Иран, Ты, праотец мира, Где некогда шли спараметы армян За знаменем Кира...* [В. Я. Брюсов. В Баку (1916.01.24)].

Иран представляется как мощный, таинственный сосед: государство, которое обладает силой, определенными намерениями и целями. Прилагательное *иранский* выражает стандартное атрибутивное значение «имеющий отношение к Ирану», «происходящий из Ирана»:

29) *Конечно, иранский газ рано или поздно пойдет в Европу, даже если поставки из России не будут уменьшаться* [Сергей Кудияров, Геворг Мирзаян. Газовое перемирие // «Эксперт», 2014];

30) *А заодно – какое отношение имеет богатый иранский торговец коврами, напевающий под нос тошнотворные восточные песни, к этому, судя по всему, серьезному оперному певцу...* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Таким образом, сравнение двух синонимов *Иран* и *Персия*, называющих одну и ту же страну, показало, что оба слова можно рассматривать как лингвокультурные образы, однако поле значений и ассоциаций слова *Персия* на порядок богаче и шире, чем фон слова «*Иран*», хотя частотность слова «*Иран*» намного выше. Можно выдвинуть гипотезу о том, что способность слова-реалии превратиться в лингвокультурный образ зависит от наличия-отсутствия нарратива, связанного с ним, и известного в заимствующей культуре. Совершенно очевидно, что вокруг слова *Персия* выстраивается множество нарративов: исторический (повествования о царях Кире и Дарии, греко-персидских войнах), мифологический и литературно-художественный («Сказки 1001 ночи», восточные поэмы переводных и русских авторов, например, «Сказка о золотом петушке» А.С. Пушкина), переводы выдающихся персидских поэтов – Саади, Хафиза, Фирдоуси, научно-популярный и публицистический (знания по этнографии, культуре и искусстве Ирана). Слово *Иран* связано преимущественно лишь с одним – политическим, что и отражается в фоне и употреблении слова в русском языке.

Имена собственные в произведениях об Иране имеют важное значение: они позволяют проникнуть в незнакомый мир и прочувствовать местный колорит. По

мнению А.И. Кайдарова, «особенности национальных ономастиконов обусловлены не только и не столько принадлежностью их к тому или иному национальному языку, сколько спецификой национальной культуры, в среде которой создавалась и формировалась та или иная национальная онимия» [Кайдаров 1990].

Названия известных городов: *Шираз, Исфахан, Тегеран, Тавриз, Хоросан, Персеполь*, продолжают входить в семантическое поле «**Иран**», их значение расширяется, углубляется парадигматическая связь, так как количество информации о стране растет, а источники становятся все более разнообразными: *Если перс слагает плохо песнь, // Значит, он вовек не из Шираза* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Я спросил в Ширазе как-то раз: // – Почему считают в мире исстари // Первыми красавицами вас?* (Р. Гамзатов «Персидские стихи»); *Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолей* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Знаменитые розы Шираза Увядают, жарой спалены; И к могилам поэтов Шираза // Из пустынь подступают пески* (А. Суркова «Шираз»); *В этом городе жили поэты // Саади, Кермани и Хафиз* (А. Суркова «Шираз»); *Я спросил в Ширазе розу красную: // – Почему не первый век подряд, // Называя самую прекрасною, // О тебе повсюду говорят?* (Р. Гамзатов «Персидские стихи»); *Ему надобно "за сказкой" ехать в "Персию", в Шираз или в Багдад* (Б. В. Шергин. Из дневников, 1930–1960); *В Хороссане есть такие двери, // Где обсыпан розами порог* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Подарю я шаль из Хороссана// И ковер ширазский подарю* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Помню, игрывал я в гостиной, на ковре Хорасан, глядя на гобелен «Пастушка»...* (Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев, 1927).

Я паду у ворот Тавриза, // Свесив голову на плечо (А. Моргулис «стихи о Персии»); *Табриз – та же Москва, большая деревня, только что глиняная* (Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара); *Тавриз – большой город, в нем очень много дверей в глиняных стенах улиц* (В. Б. Шкловский. Сентиментальное путешествие); *Решил однажды шах-Абас// Мечеть построить в Исфагане* (Р. Гамзатов «Персидские

стихи»); *Хоть был недалек голубой Исфазан, Хафиз не оставил Шираза* (Р. Гамзатов); *"Нис е Дихан"* называют Исфахан поэты и путешественники, это означает *"вторая половина мира"* (Лившиц. Персидские мотивы (по материалам журнала «Атланте») // «Вокруг света», 1992); *Советские войска вступили в Тегеран. Закончилась советско-британская операция в Иране* (Е.П. Петров. Фронтовой дневник, 1941–1942); *Тегеран принимает вид города, близкого к театру военных действий* (неизвестный. События в Персии (1911.08.13) // «Русское слово», 1911).

Хотя в описании города Сергей Есенин не затрагивает географию или политическую ситуацию Тегеран все чаще воспринимается как политический центр, а наиболее частотным словосочетанием с прилагательным тегеранский становится тегеранская конференция: *Только тегеранская луна // Не согреет песни теплотою* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Тегеран, чайхане (чайханик), синие цветы, красный чай улеглась моя бывая рана – Пьяный бред не гложет сердце мне. // Синими цветами Тегерана // Я лечу их нынче в чайхане* (С. Есенин «Персидские мотивы»). Названия же других иранских городов чаще всего воспринимаются поэтически.

Чуть реже встречаются такие названия городов, как *Аббас-Абад, Мезандеран, Эривань, Иезде, Луристан, Керман, Ферахан, Энзели, Решт, Персеполь*. Часть этих городов входит в общее семантическое поле лингвокультурного образа, конкретизирует его, запоминается носителем языка, указывает на связи географические, исторические. Другая же часть легко заменяется иными языковыми единицами. По мнению А.Р. Аюбова, «топонимическая система – это отражение элементов материальной и духовной культуры различных народов, которые сохранились на протяжении многих веков. Топонимы в качестве реликтового наследия минувших поколений до сегодняшнего дня без изменения донесли важные исторические события, элементы духовной культуры, в том числе обрядов и ритуалов, религиозных верований. Развитие общественных отношений и духовный облик общества в любом периоде истории зависит от материальной основы самого общества» [Аюбов 2018: 56].

Указанные наименования городов употребляются и в поэтических текстах, и в художественной прозе и публицистике: *Выбрал Степан среди всех дней голубых самые бирюзовые, выбрал он среди всех ветров самый ровный да попутный, выбрал среди всех стругов сорок быстрых снаряженных, выбрал среди любимцев самых испытанных и пустился на парусах холщовых по морю Хвалынскому – морю Каспийскому в желанную и заманчивую **Персию**, в город **Решт**, где жил принц персидский Аджар...* [Каменский 1928]; ***Персеполь** был разрушен Александром Македонским в 330 году до нашей эры* [Овчинников 2006]; *Невдалеке был **Персеполь**, город царских дворцов, столица Персиды; Александр сжег его до основания, это была расплата за сожженные Ксерксом Афины* [Гаспаров 1998]; *Полночь. **Решт**. «Рыжие» прыжками кошек и двойками зеленых кладбищенских глаз скачут в садах, дразнят собак* (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»); *Люди открытий, Люди отплытий, // Режьте в **Реште** // Нити событий!* (В. Хлебников «С утробой медною»); *Темно-зеленые, золотоокие всюду сады, // Сады **Энзели*** (В. Хлебников «Пасха в Энзели»); *В **Гиляне**, где в лазурь вливает* (С. Городецкий «Персия»).

Другие топонимы, например, названия гор, рек, пустынь, встречаются реже, можно сказать, что по отношению к Ирану они вряд ли входят в состав лингвокультурных единиц создающих целостный образ страны: ... *а в одном месте пришлось переваливать через такую высокую гору, как **Демавенд!*** [Огородников 1874], (Демавенд – самая высокая вершина горной системы Эльбруса находящаяся в центре ближе к северу Ирана с вулканическими кратерами); ***Деште-Лут**, раскинувшаяся в центре Иранского нагорья, заслуженно считается одним из самых жарких пустынь в мире* (А. Громов. Персия).

С развитием туризма, с появлением частных межкультурных контактов, изданием страноведческой литературы становятся известными топонимы, называющие памятные места, связанные с историей и культурой страны, привлекающие внимание туристов. Например: *Багшумаль* – один из дворцов шаха, расположенный за городом: *В Тебризе жарко, и шах-заде переехал на загородную дачу – **Багшумаль** – Северный сад. Одно уже имя севера приносит прохлад* (Ю.Н. Тынянов

«Смерть Вазир-Мухтара»); *Имам-Зумэ* одна из самых известных мечетей Тегерана: *Агенгер, кузнец, живший неподалеку от мечети Имам-Зумэ, постился уже вторую неделю и вторую неделю не прикасался к жене* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»); *Негеристан* – один из шахских дворцов Тегерана: *В тот же вечер он уехал тайком в Негеристан с женою своей, своей дочерью Таджи-Доулэт, без огласки* (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»); *Некрополь Накше-Рустам* – историческое место, расположенное недалеко от Персеполя, гробница Ахменидов: *Накше-Рустам – это некрополь, вырезанные в скалах гробницы четырех персидских царей эпохи Ахеменидов, богато украшенные барельефами* (А. Громов «Персия»); *Мечеть Джами* – памятник архитектуры в Исфахане: *Центром городской планировки служит площадь Майдане-Шах, на которую выходят дворец Али-Капу и Шахская мечеть* (В. Овчинников. Очерки).

Антропонимы, как и топонимы, являются важными элементами семантического поля «Иран». Так как антропоним имеет сложную природу, зависит от культурного и социального контекста эпохи, его изучение тесно связано с системой прецедентных имен в когнитивном аспекте. Антропонимы очень часто имеют аллюзивный характер, связаны с религией, историей, литературой и культурой страны. Входя в образную составляющую лингвокультурных концептов, аллюзивные антропонимы, благодаря ассоциируемым с ними ярким образам, наполняют концепты дополнительным содержанием. Кроме того, аллюзивные имена собственные, имея отрицательную или положительную коннотацию, акцентируют ценностный элемент концептов [Наумова 2011: 152]

Основные иранские антропонимы являются именами реальных исторических лиц (политических деятелей, поэтов), мифонимы и литературные антропонимы: *Голубая родина Фирдуси, // Ты не можешь, памятью простив...* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *бессмертной поэме «Шахнаме» говорит уже о более реальных вещах...* (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы, 1985); *Вмиг отразится во взгляде // Месяца желтая прелесть // Нежность, как песни Саади; Ты сказала, что Саади // Целовал лишь только в грудь* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Шут шутил для*

него шутивно. **Саади** том для него издавал (Б.А. Слущкий. «Хан был хамом, большим нахалом...» (1970–1973); *По поводу завистников мне припоминается один аполог персидского стихотворца Саади: Великий Хозрой, победив множество народов, сидел на троне в садах своих; вокруг него молча теснились его вельможи* [Авенариус 1888]; *Для девочек лани, для мальчиков кони, **Плоды Соломона и розы Саади**, Для мальчиков – войны, для девочек – свадьбы* (М. И. Цветаева. Детский рай. Крысолов, 1925). *Спой мне песню, моя дорогая, // Ту, которую пел Хаям; Я спою тебе сам, дорогая, То, что сроду не пел Хаям...* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *И только **Омар Хайям**, глядя на нас, разразился бы печалью стиха о превратности сего мира...* (А.И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском, 1976); *Отвечала речка светло-сизая: // – Потому завиден мой удел, // Что пошла некогда **Хафиза** я, // И меня он некогда воспел»; «Выше роз других вознесена? // – Пел **Хафиз**; – Жизнь сравнивший с чашею пригубленной, // Так считал **Хафиз** (Р. Гамзатов «Персидские стихи»); Таким же, должно быть, / был и **Саади**, таким же **Гафиз** / и **Омар Хайям**, – как дымные облака / на закате – пронизаны золотом / по краям [Асеев 1964].*

Так, имя великого поэта Фирдоуси накрепко связано и с поэмой «Шахнаме», которую он написал, и с образом страны. Имя Саади было очень популярно в XIX веке среди любителей русской поэзии, его часто цитировали и упоминали в своих стихах поэты и писатели позднейших веков.

Из имен исторических деятелей наиболее часто встречаются шах Аббас и имена персидских царей – Дария и Ксеркса. «*Решил однажды **шах-Абас**// Мечеть построить в Исфагане*» (Р. Гамзатов «Персидские стихи»); «*– Догнать! – взъярлся **шах-Абас**, – // Живым иль мертвым, но доставить, // А не исполните приказ, // Всех вас велю я обезглавить...*» (Р. Гамзатов «Персидские стихи»). Как выше было указано, он был ярким представителем династии Сефевидов. При нем было построено много сооружений и мечетей. Его образ передается как жестокого и могущественного правителя Персии. Как отмечает Л.Б. Бойко, «антропоним живет в контексте конкретной культуры своей жизнью, подчиняясь правилам национального языка и чутко реагируя на динамику развития социума. Имя представляет

собой тот кусочек мозаики из национальной картины мира, без которого она не только была бы неполной, но и невозможной. Даже фактическое отсутствие личного имени в культурной парадигме социума (об этом ниже) не отменяет этого вывода. Таким образом, антропоним живет в контексте конкретной культуры своей жизнью, подчиняясь правилам национального языка и чутко реагируя на динамику развития социума [Бойко 2013: 17].

Есть и имена, которые используются как символ восточного персонажа. Они иногда принадлежат вымышленным персонажам, через которых автор передает восточную, в данном случае, персидскую душу: *Как сказать мне для прекрасной Лалы // По-персидски нежное «люблю»; Лепестками роза расплескалась, // Лепестками тайно мне сказала: // Шаганэ твоя с другим ласкалась* (С. Есенин «Персидские мотивы»); – *Чтобы не было на свете лучше милой Шаганэ.* (С. Есенин «Персидские мотивы»). С. Есенин использует традиционные персидские имена Шаганэ (перс. Шахандохт) и Лала, противопоставляя свой северный нрав загадочному Востоку. *Прекрасная Шаганэ и милая Лала* формируют образ нежности, любви и восточной женской красоты. Под влиянием творчества персидских поэтов и существующих представлений об образе восточной девушке для С. Есенина Лала и Шаганэ связаны с понятиями «нежность», «любовь» и «красота».

Далеко-далече там Багдад, // Где жила и пела Шахразада (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Это пела даже Шахразада, // Так вторично скажет листьев медь* (С. Есенин «Персидские мотивы»); *Словно нежная Шахерезада, завела магический рассказ* (Н. С. Гумилев. «Об озерах, о павлинах белых...», 1917), Шахерезада – главный мифический персонаж персидских сказок «1001 ночь». Яркой героиней, ассоциирующейся с персидской поэзией, является образ Ширин: *Величавая и трогательная легенда «Этериани» так же, как «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», воспевают чувство, которое оказывается сильнее всех препятствий, сильнее смерти* [М. Сенин. Абесалом и Этери].

Яркие имена героев литературных произведений, имена, связанные с историей и искусством, становятся частью лингвокультурного образа страны, так как постепенно трансформируются в символы этой культуры. «Как и весь живой язык, класс антропонимов испытывает воздействие всех социальных изменений. Системы антропонимов выступают как маркеры времени, социальных процессов, культурной и личностной идентичности. Антропоним можно считать одним из главных признаков индивида как социального существа. Значимость антропонимического фактора в системе культуры подтверждается его участием в разрешении дихотомии «свой – чужой». Особенность функционирования антропонима в языке и культуре определяется в первую очередь его природой как знака, лишённого сигнификата. Личное имя как класс лексем уникально еще и потому, что черпается из ограниченного и регулируемого ресурса» [Бойко 2013: 20].

Имена религиозных деятелей тоже встречаются нередко: *Магомет перехитрил в коране, // Запрещая крепкие напитки...* [Бойко 2013: 126]; *Клянемся золотыми устами Заратустры – // Персия будет советской страной. // Так говорит пророк!* [Белянин 2000: 85], Заратустра – пророк и основатель религии зороастризма; *И в шорохе ветвей // Шумит созвучие // С Маздаком Маркса* [Бахтин 1979: 134], Маздак – древнеперсидский духовный деятель, защитник человечества во времена династии Сасанидов; *посмотрел Али-Магомет, засмеялся. // Товарищ Гуль-мулла! Садись, повезем!* (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»).

Третьей по распространенности группой имен собственных в произведениях об Иране русских авторов являются мифонимы, то есть имена людей, животных и предметов, которых не существовало в реальной жизни. Сюда же относятся и имена богов. С помощью мифонимов авторы стараются передать персидскую душу. Персонажи персидской мифологии встречаются чаще всего: Богу-мано, Аша-вагиста – божества иранской мифологии, Кшатра Вайрия – в иранской мифологии хранитель бога; *«Там живет задумчивая пери. // В Хороссане есть такие двери, // Но открыть те двери я не мог // Голос пери нежный и красивый. // До свиданья, пери, до свиданья...* [Белянин 2000: 125], Пери – в иранской мифологии

ангел, охраняющий людей от демонов; *Я Вогу Мано* – благая мысль. // *Я Аша Вагиста* – лучшая справедливость. // *Я Кшатра Вайрия* – обетованное царство» [Белянин 2000: 85], *Кавэ-кузнец* (В. Хлебников «Кавэ-кузнец»), *Россия первая, учитель, харяшо*. // *Толстой большой человек, да, да, русский дервиш*. // *А! Зардеит, а! харяшо!* // *где зелень лесов златоуста!* (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»).

Если обратиться к безэквивалентной лексике, то здесь, как уже отмечалось и для XIX века, наиболее частотны слова – социальные термины, то есть наименования людей по их положению в обществе, занимаемой должности, профессии. Наиболее употребительны слова *шах* и *визирь*, а также активизировавшееся в последние годы *аятолла*.

1) *Это персидский шах и его младшие жены* [Рубина 2011];

2) *Шах Аббаз долго думает, потому что, в принципе, ему тоже слабая Россия выгодна, но он решает, что выгоднее стабильность в России, чтобы торговать с ней* [Краснова 2014].

Однако нельзя не заметить, что слово *шах* может обозначать и монарха в других странах, например, в Афганистане или Индии:

3) *После этого Афганистан получил передышку: севший на трон Мухаммед Захир-шах продержался четыре десятилетия, которые теперь считают «золотым веком* [мартиролог 2014];

4) *Шах с бараньей мордой – на троне. Самарканд – на шахской ладони* [Тарковский 1960].

При этом нельзя не заметить, что слово это вошло в состав русского литературного языка и даже приобрело переносное значение: «сибарит, человек, живущий в небывалой роскоши»:

5) *На таком диване, наверно, спит только персидский шах. Да и то по праздникам. – Ладно, ладно, персидский шах, спи* [Сергеев 1971];

6) *Чтобы оценить её по достоинству, на месте Печигина должен был быть какой-нибудь пресыщенный шах или султан, нуждающийся в редких изысканных наслаждениях* [Чижов 2012].

Хотя лексема *визирь* менее употребительна, чем *шах* – 174 документа, 674 вхождения, она тоже вошла в русский литературный язык и имеет значение «высший сановник, чиновник, близкий к монарху». Анализ употреблений показывает, что она связана с монархиями Востока, не только с Персией, но и с Турцией, империей Великих Моголов и другими. На это указывают примеры (1)–(4):

1) *В 1121 году визирь ал-Афдаль был убит иранскими исмаилитами, недовольными тем, что **визирь** повластно распоряжался во дворце халифов* [коллективный Форум: Людовик Седьмой взял Дамаск 2012];

2) *Капитан иранской команды, староста города Мешихет, прекрасный, как **визирь** на персидской миниатюре, сказал, что рассматривает предстоящие схватки в русле культурного обмена...* [Найман 1994];

3) *Скажи мне, **визирь** моего наместника, сколько повелителей в Персии?* [Чапыгин 1927]; *После почти поголовного истребления участников очередного янычарского бунта указом, впоследствии получившим в Турции название «Благоденственная акция», султан-реформатор Махмуд II и его великий **визирь** Мустафа Решид официально распустили учрежденный еще в XIV веке корпус янычар* [Явелов 2004].

При этом нельзя не заметить, что в литературном языке слово «визирь» употребляется довольно активно и в переносном значении – «лукавый царедворец, манипулятор» (4)–(6):

4) *И, подобно тому, как за спиной слабовольного, хотя и напыщенного правителя обычно скрывается серый кардинал, или многомудрый и хитрый **визирь**, или ученый иудей, или пронырливый фаворит венценосной супруги – вообще тот или иной кукловод, – так и в этом романе главенствующей, хотя и словно бы закулисной, являлась совсем иная линия* [Палей 2008];

5) *Большой милицейский начальник прошел не спеша мимо кафе: штаны с лампасами, загнутые кверху острые носки ботинок, руки заложены за спину, хозяйственный взгляд из-под бровей – вылитый ханский **визирь**, в чьих руках жизнь и смерть всего живого на подведомственной территории* [Чижов 2012];

б) Как раз «исполнительную вертикаль» в лице Михаила Касьянова половина жителей России не поддерживает (виноват **визирь**, но не шах), почти столько же одобрили бы отставку всего экономического блока в правительстве [Дубин 2003].

Таким образом, культуремы «шах» и «визирь» тесно связаны не только с культуремами «Персия», «Иран», но и с культуремами «Восток», «Монархии Востока». Обе они развивают переносные значения с различными коннотациями, скорее отрицательного характера, чем положительного; это объясняется не отрицательным отношением к культурам Востока, а поверхностным представлением о монархиях Востока как тоталитарных деспотиях. Возможно, эта же судьба ждет и лексему *аятолла*.

В Национальном корпусе русского языка найдено 33 документа и 46 вхождений слова *аятолла*. Первый текст датируется 1982 годом, что указывает на историческую обоснованность – после исламской революции. Это слово прочно связано с Ираном, чаще всего употребляется в словосочетании с именем (Хомейни или Хаменеи), однако и у этого слова с самого раннего времени есть потенциал для развития переносного значения (4):

1) *Аятолла Али Хаменеи и его окружение уверены в том, что даже если Иран и США не достигнут соглашения к июню, то никакой эскалации санкционной политики не будет* [Мирзаян 2014];

2) *В середине декабря из жизни ушел единственный в своем роде официальный иранский оппозиционер великий аятолла Хосейн-Али Монтазери, ближайший сподвижник основателя исламской республики, который долгое время считался его преемником на посту **рахбара*** [Терентьев 2010];

3) *Тогда же аятолла Хомейни, никогда не отвечавший на поздравительные телеграммы Брежнева, написал Горбачеву письмо, в котором призывал его покончить с коммунизмом и принять ислам* [Иличевский 2010];

4) *Да, он не интеллектуал и не пророк. Но он – аятолла России. Его устами говорит рушащийся мир традиционных ценностей* [Янов 1980].

Слово *рахбар*, неразрывно связанное с *аятолла*, в русскоязычном континенте почти не употребляется: оно зафиксировано дважды в газетных текстах, которые содержат соответствующие пояснения, что указывает на то, что его следует признать экзотизмом: ***Рахбар***, конечно, напрямую не управляет страной – однако, как говорит Севак Сарухянян, «аятоллы создали почти безупречную структуру исламских институтов, которые на разных этапах курируют деятельность исполнительной и законодательной властей, фактически играя роль сдержек и противовесов» [Мирзаян 2013]; Как отметил верховный лидер (***рахбар***) страны Али Хаменеи, Обама протянул Ирану руку в "бархатной перчатке", но под мягким бархатом скрывается железная десница [Терентьев 2010].

Другие лексические единицы, которые традиционно относятся к безэквивалентной лексике, те же, что вошли в русский язык с XIX века: *чайхана*, *базар*, *каравансарай*, *чадра*: Синими цветами Тегерана // Я лечу их нынче в ***чайхане***; Тегеран, ***чайхане*** (*чайханистик*), синие цветы, красный чай // Я лечу их нынче в ***чайхане*** (С. Есенин «Персидские мотивы»); Промчалась буря по ***базарам***, // Смерчами дервиши прошли, // Крича, что северным пожаром // Зарделся берег Энзели (С. Городецкий «Персия»); Таврис с его базаром и ***каравансараями***. // Возле ***каравансарая*** много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем // И на дверь ты взглядывай не очень, // Все равно калитка есть в саду... // Незадаром мне мигнули очи, // Приоткинув ***черную чадру*** (С. Есенин «Персидские мотивы»); Месяца желтые чары Льют по каштанам в пролесь. // Лале склонясь на шальвары, // Я под ***чадрою*** укроюсь. // Глупое сердце, не бейся (С. Есенин «Персидские мотивы»); Лунным светом Шираз осиянен, // Кружит звезд мотыльковый рой. // Мне не нравится, что персияне // Держат женщин и дев под ***чадрой***. // Лунным светом Ширазосияне (С. Есенин «Персидские мотивы»); ***Халхал***. // Хан в чистом белье Нюхал алый цветок, сладко втягивая в ноздри запах цветка (В. Хлебников «Труба гульмулла»); Магомет перехитрил в ***коране***, // Запрещая крепкие напитки, // Потому поэт не перестанет // Пить вино, когда идет на пытки (С. Есенин «Персидские мотивы»); Я спросил сегодня у менялы, // Что дает за ***полтумана*** по рублю, // Как

сказать мне для прекрасной Лалы // По-персидски нежное «люблю»? (С. Есенин «Персидские мотивы»); Где деньги – «нуль» (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»); а свои бока расписал веселыми ханум (В. Хлебников «С утробой медною»); Это растут портахалы, // Это нарынчи; А в Баку нет нарынчей, // Есть остров Наргинь; С вершины портахала // поёт родной России Ка (В. Хлебников «Пасха в Энзели»); Саул, адам? // Веры севера. // Саул тебе // За твою звезду, – // Чох пророков тебе // Пело славу»; «Страна, где все люди Адамы, // Корни наружу небесного рая! (В. Хлебников «Труба гуль-мулла»); Адам за Адамом // Проходят толпой // На праздник Байрама // Словесной игрой (В. Хлебников «Навруз Труда»); «Саул!» («Спасибо» по-русски)» (В. Хлебников «Ночь в Персии»); Они разглядывают тебя на улице, показывают пальцем, самые сердобольные приглашают к себе домой, где мама, персидский ковёр, кальян, а если повезет, и вечеринка с домашним пивом [Колпинец 2016].

Как видим, приведенные примеры безэквивалентной лексики, названий атрибутов иной культуры, не имеют устойчивой связи с культуремой «Иран», а имеют тесную связь с культуремой «Восток». Таким образом, современный лингвокультурный образ Ирана в русской картине мира характеризуется конкуренцией дискурсов. С одной стороны, политический дискурс стремится навязать свои представления и свои критерии: Иран – *держава, сосед, партнер, нефть, оружие, ислам, аятолла*. Представленные слова довольно ясно образуют семантическое поле, в котором существует этот сложный концепт. С другой стороны, публицистический, научно-популярный и литературно-художественный дискурсы предлагают нам совершенно другие семантические поля, в которых также существует «Персия»: «древность» (*история, искусство, войны, великие полководцы, цари*), «искусство» (*национальная одежда, поэзия*), «сказочный мир Востока» (*сказки, базар, необыкновенная райская природа и под.*).

Выводы по третьей главе

Современный лингвокультурный образ Ирана складывается на основе конкуренции разнообразных дискурсов: политико-экономического, художественно-поэтического, исторического, научно-популярного. Одновременно со сказочной восточной страной Иран предстает как держава, исламское государство, которое упорно отстаивает свои цели и интересы, подобные представления наиболее активно формируются текстами последних десятилетий XX века.

Наиболее ярким ядром лингвокультурного образа Ирана являются имена собственные, которые можно разделить на топонимы и антропонимы. В целом эти слова составляют около 60% от общего количества. Топонимы в целом составляют названия страны, названия наиболее крупных городов: столиц, историко-культурных центров. К названиям городов примыкают названия памятных мест. Последние входят в число культурем в XX веке, особенно во второй половине столетия, что связано с развитием туризма, распространением научно-популярной литературы о тысячелетней истории и культуре страны. Антропонимы также весьма неоднородны, среди них можно выделить несколько подгрупп: в центре находятся имена политических деятелей и имена наиболее известных представителей культуры. Позднее к ним добавляются имена исторических персонажей, а также имена литературных героев, религиозных деятелей. Имена собственные, нашедшие выражение в художественных и публицистических текстах представлены в системе лингвокультурных образов четко и определенно.

Периферию семантического поля «Лингвокультурный образ Ирана» составляют слова-реалии. Здесь наиболее значимую группу образуют названия человека по социальным характеристикам, должности, профессии, роду деятельности. Наиболее устойчивой группой являются названия руководителей страны (*шах, аятолла*), крупных государственных чиновников, военных и религиозных деятелей, а также людей по роду профессии. Разнородные группы имен: реалии – наимено-

вания общественных мест, предметов одежды, праздников, с одной стороны; типичных метафор, ассоциаций, символов – с другой, дополняют периферию данного семантического поля.

Заключение

Понятие «лингвокультурный образ» представляется значимым при исследовании проблем контактирования культур, так как способен представлять элементы картины мира на уровне концептов, сценариев и фреймов, а также вербализованные в словах и речевых формулах.

Лингвокультурный образ не существует вне культуры, а лингвокультурный образ страны не может существовать вне тесной связи между двумя культурами, культурой-донором и культурой-реципиентом, что позволяет рассматривать отдельные единицы, составляющие образ, в оппозиции «свое» – «чужое».

Лингвокультурный образ формируется на основе текстов, отражающих культурные и языковые контакты, а также единиц языка и речи, которые фиксируют материальные и нематериальные объекты, составляющие определенный фрагмент картины мира, сфокусированный на «чужой» культуре. Наиболее часто лингвокультурный образ опирается на лексемы и номинативные словосочетания, реже это могут быть особенности произношения (артикуляционные и ритмические), грамматические категории, элементы построения высказывания и текста.

Контактирование русской и иранской (персидской) культур происходило уже на самых ранних этапах, фиксируемых в истории. В основном, отмечаются политические и торговые контакты, о которых становится известно из путевых заметок и записок путешественников. Однако воссоздание образа Ирана в художественных и публицистических повествованиях начинается с начала XIX века и первоначально отличается некоторой стереотипностью, характерной для романтической картины мира. Огромную роль здесь сыграл миф о восточном рае, построенный, в

основном, на Сказках 1001 ночи. Важную роль в представлении образа играл и религиозный фактор: люди русской культуры живут по христианским законам, поэтому иранская (персидская) культура, несомненно, является для них чужой.

Совсем по-новому был представлен Иран в Путевых записках и эпистолярном наследии А.С. Грибоедова. Русский читатель впервые столкнулся с попыткой целостного описания, данного с учетом связи культурных традиций, географических особенностей и характеристик конкретных людей. В дальнейшем авторы опирались на созданную А.С. Грибоедовым традицию, старались опираться на достоверную информацию, стремились познакомить русского читателя с культурой народа, донести до него оригинальность и неповторимость иной, далекой, культуры. При этом писатели обращались к различным эпохам в истории страны, разным ее моментам, что и позволило сформировать в достаточной степени целостный образ Ирана.

Лингвокультурный образ Ирана можно представить в виде семантического поля, у которого есть четко выраженное ядро и периферия, которые непостоянны, так как в различные периоды освоения образа изменяли свое место в системе. Из этого следует важный факт: лингвокультурный образ диахроничен, в определенные периоды его развития его наполняют разные элементы. Это зависит от того, как, какими путями, на основе каких контактов складывается эта часть картины мира: в результате межличностных или культурных опосредованных контактов.

Не все составляющие лингвокультурного образа страны актуализируются в одном хромотопическом пространстве, поэтому вполне актуально представление о формировании и развитии образа, этапах формирования и срезях. Эти процессы реализуются на основании появления новых слов и понятий, изменения значения старых, трансформации их стилистических свойств.

Лингвокультурный образ Ирана (Персии) в русской культуре начинает складываться в 16-17 веках, а затем вырастает в целостный образ в результате политических и экономических контактов в 18-19 веках. Этот образ детализируется пер-

воначально в виде имен собственных – топонимов и антропонимов, которые формируют представление о наиболее важных местах и людях, от которых зависит взаимодействие стран.

При рассмотрении понятийной составляющей лингвокультурного образа Ирана мы пришли к выводу, что он реализуется в значительном количестве репрезентаций, среди которых базовую группу составляют имена собственные – топонимы и антропонимы. Ядро составляют слова, характеризующие географию, политическое и социальное устройство страны, периферию – слова, характеризующие историю, мифологию, искусство. Образ Ирана не носит оценочного характера, однако в определенной степени представляет собой проекцию образа страны реципиента в родной культуре.

Основным элементом лексики, составляющей лингвокультурный образ страны в проанализированных нами текстах являются разные группы имен собственных. Их задача – помочь читателям почувствовать реальность, колорит мира, нового, «чужого», в котором они никогда не были.

Отличительным свойством топонимической лексики является ее способность не только указывать на географический объект, но отображать культурные реалии с ним связанные. Это делает топонимы популярным средством художественной выразительности при создании лингвокультурного образа страны. Самые распространенные топонимы Ирана, встречающиеся в русскоязычной культуре – это названия городов, а именно *Шираз*, *Тавриз*, *Исфаган* и столица Ирана – *Тегеран*. А также название самой страны – *Персия*. Особое место занимает город Шираз, который именуется городом роз, поэтом, любви и вина.

Вместе с разнообразными топонимами антропонимы также имеют высокую лингвокультурную значимость в формировании лингвокультурного образа Ирана. Это, в основном, имена поэтов, религиозных деятелей, легендарных персонажей. Также выделяются имена персидских поэтов, поскольку русские авторы интересовались творчеством Хафиза, Фирдоуси, Хайяма и отражали это в своих произведениях.

Лингвокультурный образ страны исторически подвергается изменениям, на которые влияют информационные потоки. Плотность информации постоянно растет, частота межличностных и межкультурных контактов увеличивается, взаимодействие культур осуществляется уже по многообразным каналам отдельных узко-специальных дискурсов (профессиональных, социальных, научных, образовательных). Культурно-маркированная информация выступает в качестве одной из доминант трансформации образа, а также сохранения его ядра, хранящего национально-культурный колорит.

Реалистичный и правдивый образ Ирана создается еще и с помощью слова-реалий (безэквивалентных слов). Их можно распределить по тематическим группам, каждая из которых содержит определенную фоновую информацию. Слова-реалии выражают специфический характер и свойство другой страны. Именно это категория относится в лингвокультурной универсалии «свой-чужой» к «чужой» и подчеркивает специфику страны с ее географическими, культурными и социальными реалиями. Слова-реалии призваны описать таинственный мир Персии во всем его своеобразии.

В проанализированных текстах эмоционально-оценочная лексика имеет положительный характер и показывает желание и тягу авторов к глубокому познанию загадочного и «чужого» для них мира. Для них таинственный Иран связан с такими понятиями как, «жемчужина Востока», «голубая родина Фирдуси», «красивая страна», «страна поэтов», «древняя страна».

Список использованной литературы

а) на русском языке

1. Абдалтаджедини Н. Иранизмы в мемуарах, дневниках, письмах А.С. Грибоедова и А.П. Ермолова: дис. ... канд. Филол. наук: 10.02.01 / Абдалтаджедини Нахид. - Санкт-Петербург, 2015. - 185 с.
2. Абиодун А.А. Образ Африки в периодической печати: По материалам журналов "Современный Восток" и "Азия и Африка сегодня" в 1957-2000 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09 / Абиодун Адевале Адетокунбо - Москва, 2005. - 227 с.
3. Азимова, М. Гете о единстве мирового литературного процесса: материалы международного симпозиума: «Руми-Гете: Диалог культур» / М. Азимова // Хучанд, - 2007. - с. 168-173.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Флинта : Наука, 2010.- 324 с.
5. Алефиренко Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. 8 междунар.конф. – Волгоград: Изд-во Гнозис, 2005. 326 с
6. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. - М. : Academia, 2002. - 394 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Гнозис, 2005.- 324 с.
8. Алимова Д.Х. Русско-восточные литературные связи: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / Д.Х. Алимова - Самарканд: Сам. ГУ, 2012. - Ч. 1. - 76 с.

9. Анненский И. Ф. Вторая книга отражений / С.-Петербург: 1909. - 136 с.
10. Арсюхин Е. Американцы «убивают» страны, заваливая их долларами? // Комсомольская правда. - 2013.07.25
11. Архангельский А. 1962. Послание к Тимофею / А. Архангельский. - М.: Издательская группа АСТ, - 2006. 254 с.
12. Асеев Н. Собрание сочинений: в 5 т. / Н. Асеев.; [Хлебников]. – М.: Художественная литература 1964. 3т (стихотворения и поэмы 1930-1941).
13. Аташбараб Х. Русская литература в Иране: цикл «Персидские мотивы» С. А. Есенина (проблема перевода и историко-литературной интерпретации): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Аташбараб Хамидреза. - М., 2010. - 199 с.
14. Аюбов А.Р. Топонимы как ценное наследие культуры / А.Р. Аюбов // Ученые записки Худжандского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2018. - с. 53-57.
15. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. - Волгоград, 1997. - 24 с.
16. Балясникова О.В. «Свой - чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Балясникова Ольга Вениаминовна. - Москва, 2003. - 224 с.
17. Баньковская М.В. Счастлив тот, кто два мира в себе держит прочно / М.В. Баньковская // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. -М., 1984. - 213 с.

18. Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире: Курс лекций. / М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. - 296 с.
19. Бастриков А.В., Бастрикова Е.М. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета / А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова // Филология и культура. Philology And Culture. 2012. №3 (29) - с. 15-19.
20. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. -М: Искусство, 1979. - 424 с.
21. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А.А. Белецкий. -Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. - 207 с.
22. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В.П. Белянин.; Ин-т языкознания РАН, Фонд чтения им. Н. А. Рубакина. -М: Тривола, 2000. - 247 с.
23. Бергельсон М.Б., Некрасова А.Е. Лингвистический анализ стереотипов: баланс между текстом и смыслом / М.Б. Бергельсон, А.Е. Некрасова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2010). -2010. - с. 30-35
24. Берри Д. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы [Электронный ресурс] / Д. Берри // Развитие личности №3 -4. 2001. - с. 183-193 - Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html
25. Бестужев-Марлинский А.А. Декабристы. Эстетика и критика / А.А. Бестужев-Марлинский -М: Искусство, 1991. - 490 с.
26. Бижкенова А.Е. Роль и место имен собственных в лексиконах естественных языков [Электронный ресурс] / А.Е. Бижкенова // - Режим доступа: <http://repository.enu.kz>

27. Богуславская В.В., Чафонова А.Г. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ / В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова // Дискурс. - 2019. - Т. 5. N 6. - С. 155–165.
28. Бойко Л.Б. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре / Л.Б. Бойко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - 2013. - No 2. - с. 13 – 21.
29. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. No1. - С. 18–37.
30. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. - 309 с.
31. Борис Дубин, Володымыр Кулык. Россия и Украина: публичные дискурсы и ожидание перемен/ Дубин Борис, Кулык Володымыр // «Неприкосновенный запас». - 2003.03.16
32. Борисенко И.В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Борисенко Ирина Вячеславовна. Ростов-на-Дону, 2008. - 136 с.
33. Брагинский И.С. Западно-восточный синтез в «диване» Гете / И.С. Брагинский / И.С. Брагинский // Гете И.В. Западно-восточный диван. – М: Наука, 1988. - С. 572-600.
34. Быба Ю.В., Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования: дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02 / Быба Юлия Викторовна. Москва, 2008. - 215 с.
35. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая, пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. -М.: Языки русской культуры, 1999. - 776 с.

36. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ./ А. Вежбицкая, отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. -М.: Русские словари, 1996. - 411 с.
37. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. -М.: Русский язык, 1980. - 320 с.
38. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. -М.: Русский язык, 1990. - 246 с.
39. Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь»: На материале немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Вильмс Людмила Евгеньевна. - Волгоград, 1997. - 24 с.
40. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. - М.: Института общего среднего образования РАО, 2001. - 224 с.
41. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. - М.: Международные отношения, 1980. - 344 с.
42. Воеводина Г.А. Номинации «лицо по социальному положению» / Г.А. Воеводина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, -2010. № 4 (2). - с. 468–470.
43. Воркачев В.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / В.Г. Воркачев // Филологические науки. -2001. No 1. - С. 64-71.
44. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С.Г. Воркачев. – Краснодар.: Техн. ун-т КубГТУ, 2002. - 142 с.

45. Воробьев В.В. Лингвокультурология: учебное пособие / В.В. Воробьев М.: РУДН, 2006. – 331 с.
46. Галумов Э.А. Имидж страны: компоненты структуры и коммуникации / Э.А. Галумов – М.: ВСГТУ, 2004. – 368 с.
47. Гальцова А. С., Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Сергеевна Гальцова. С.-Петербург, 2010. 207 с.
48. Гамзатов Р. Собрание сочинений: в 5-ти томах. / Р. Гамзатов. М.: Худож. лит, 1982. - Т. 5. - 575 с.
49. Гвоздева А.В. Лингвокультурный образ детектив: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анна Вячеславовна Гвоздева. - Челябинск, 2009. - 23 с.
50. Гончаров И. А. Май месяц в Петербурге // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. -М.: Гос. худож. лит. - 1952-1955
51. Городецкий С.М. Стихотворение и поэмы / С.М. Городецкий. - С.-Петербург: Советский писатель, 1974. - 640 с.
52. Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» / Э.В. Грабарова // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, - 2001. - С. 71-78.
53. Грибоедов А.С. Статьи Корреспонденции. Путевые записки. Заметки. / А.С. Грибоедов. - Москва. Ленинград.: ГИХЛ. – 1959.
54. Гришина О.А. Актуализация концепта «Америка» в современном русском языке: дис. ... канд. филос. наук: 10.02.01 / Гришина Ольга Александровна. - Кемерово, 2004. -177 с.
55. Гумбольдт В. Фон Избранные труды по языкознанию. / В. Фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1984. - 396 с.

56. Денисенко А.О. Образ "себя" и "других" в языковом сознании англичан: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Денисенко Алла Олеговна. - Москва, 2005. - 220 с.
57. Денисенко О.А. Образ «себя» и «других» в языковом сознании англичан: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Денисенко Алла Олеговна. - Москва, 2005. - 20 с.
58. Деррида Ж. Письмо японскому другу //Вопросы философии. / Ж. Деррида. - 1992. – No 4. - с. 53-57
59. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дмитриева Ольга Александровна. - Волгоград, 2007. - 375 с.
60. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 / Н.А. Ерофеев. - М.: Наука, 1982. - 318 с.
61. Есенин С.А. Избранные сочинения / С.А. Есенин. М.: Худож. лит, 1983. - 426 с.
62. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: 2 т / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. - 1084 с.
63. Жельвис В.И. Лингвокультурная характеристика концепта «Красота» / В.И. Жельвис // Ярославский педагогический вестник - 2015 - No 1 - Том I (Культурология)
64. Заварзина Г.А. Концепт «Социальное управление»: структурная организация и векторы развития / Г.А. Заварзина //Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: [сб. ст. и материалов региональной научно-практической конференции (10.04.2019)]. -Челябинск: ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, 2019.- 240 с. - с.175-180.

65. Загидуллина А.А. Языковые символы и образы: онтология и функционирование (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Загидуллина Алия Адамбековна. - Алматы, 2010. - 50 с.
66. Зеленова О.А. Концепт «самоуважение» в американской лингвокультуре / О.А. Зеленова // Проблемы лингвокультурологии и семантики через призму междисциплинарной парадигмы. - Волгоград: Станица-2, 2001. - с. 3-7
67. Изотова Е.В. Образ Франции в творческом сознании Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Изотова Евгения Валерьевна. - Саратов, 2008. - 202 с.
68. Иконникова Я.В. «Свое» и «чужое» в прозе А.И. Куприна: проблематика и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 0.01.01 / Иконникова Яна Владимировна. – Тамбов, 2013. - 39 с.
69. Иличевский А. Перс / А. Иличевский. – М.: А.С.Т, 2010. - 640 с.
70. Иовва Н.И. Нарративные ресурсы образного высказывания / Н.И. Иовва // Вестник Воронежского государственного университета/ Серия: Филология. Журналистика. - 2018. № 3 - с. 124-129.
71. Иовва Н.И. Нарративные ресурсы публицистического высказывания: Автореф. дисс...канд. Филол. наук: 10.01.10 / Иова Наталья Ивановна. - Воронеж, 2019. - 24 с.
72. Кайдаров А.Т., Керимбаев Е.А. Этнолингвистические аспекты казахской ономастики / А.Т. Кайдаров, Е.А. Керимбаев // Изв. АН КазССР. Серия филологическая. - 1990. № 3.
73. Каменский В.В. Степан Разин / В.В. Каменский - М.; Л.: Земля и фабрика?, 1928. - 160 с.

74. Кисель О.В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кисель, Олеся Владимировна. - Челябинск, 2009. - 24 с.
75. Коков Д.Н. Кокова Л.Д. Культурно-историческая информация топонима / Д.Н Коков, Л.Д. Кокова – Нальчик. 2002. - с. 110-120.
76. Костина К.В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Костина Ксения Викторовна. - Иркутск, 2011. - 171 с.
77. Кошелева А.Д. Эмоциональное развитие / А.Д. Кошелева, под ред. Кошелевой А. Д. - М.: Просвещение, 1985. - 176 с.
78. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография / Н.А. Красавский, - Волгоград: Перемена, 2001. - 495 с.
79. Красильникова Н.А. Концептуализация современной России в метафорах американских СМИ: Политическая лингвистика / Н.А. Красильникова // 2008. Вып. 1 (24). - С. 39-43
80. Краснова В. (интервью с историком П. Кузенковым): Романы: империя верных / В. Краснова // Эксперт. - 2014. No 3. - 96 с.
81. Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей конца XIX - первой половины XX вв.: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01 / Кубанев Николай Алексеевич. - Москва, 2001. - 431 с.
82. Кубасов И.А. Александр Петрович Беницкий / И.А. Кубасов. С.-Петербург: тип. В.С. Балашева и К°, 1900. - 32 с.

83. Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII - начала XIX века / В.Н. Кубачева // XVIII век, - М.; Л.: Наука, 1962. Сб. 5. - С. 295-315.
84. Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVII–начала XIX века / В.Н. Кубачева // Сборник статей в честь академика Соболевского А. И. Изд. АН СССР, - Л.: 1928. - с. 115-119
85. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений / Е.С. Кубрякова. - М.: Наука, 1981. - 200 с.
86. Куданкина О.А. Актуализация концепта Германия в российской публицистике: автореф. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Куданкина Ольга Александровна. - Архангельск, 2005. - 22 с.
87. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX - начало XX века) / Л. М. Кулагина. - М.: Ключ-С, 2010. - 272 с.
88. Курилович Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович. // Очерки по лингвистике, - М.: 1962. - 453 с.
89. Курукин И. Восточного пути врата отворить»: Каспийский поход Петра I / И. Курукин // Знание-сила. – 2013. № 9. - с. 56-63.
90. Кюхельбекер В.К. Сочинения / В.К. Кюхельбекер - Л.: Худож. лит., 1989. - 574 с.
91. Ларионова А.Ю. Формирование образа Персии и персов в России и СССР в 1800-1971 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ларионова Анна Юрьевна. - Москва, 2012. - 172 с.
92. Лейчик В.М. Вопросы обучения культуре письменной научной речи / В.М. Лейчик // Вестник МАПРЯЛ, 2004. № 43
93. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / М.Ю. Лермонтов // Собрания сочинений в 4-х томах. - М.: Правда, - 1969.

94. Лившиц Е. Персидские мотивы (по материалам журнала «Атланте») / Е. Лившиц // «Вокруг света» - М.: 1992.
95. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история / Ю.М. Лотман. - М.: Языки русской культуры, 1996.
96. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) / Лотман Ю.М. // Избранные статьи: в 3 т. - Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллинн: «Александра», 1992. - с. 110-121
97. Макарова А.Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия / А.Д. Макарова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2011. No 33 (248). - с. 243-245
98. Мартынова Н.А. Культурные контакты как один из факторов развития языка и культуры / Н.А. Мартынова // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (Филология). - 2007. Вып. 2 (65). - с. 58-61
99. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 208 с.
100. Мещерякова Ю.В. Концепт "красота" в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мещерякова Юлия Витальевна. - Волгоград, 2004. - 232 с.
101. Мильруд Р.П. Порог ментальности российских и английских студентов при соприкосновении культур / Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. 1997. No 4. - с. 17-22
102. Мирзаян Г. По пути Хомейни / Г. Мирзаян // «Эксперт», - М.: - 2013
103. Мирзаян Геворг. Взаимное притворство / Г. Мирзаян // «Эксперт», - М.: - 2014

104. Михальчук П. США: отказываться от стимулирующих мер преждевременно/ П. Михальчук // Эксперт, - М.: - 2015
105. Моисеева Т.В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Моисеева Татьяна Валерьевна. - Екатеринбург, 2007. - 235 с.
106. Москвин В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова судьба). Лексикографический аспект / В.П. Москвин. - Волгоград: Перемена, 1997. - 32 с.
107. Мотамедния М. Философская ментальность Востока в русской поэзии XIX века / М. Москвин // Издательский журнал русского языка и литературы. - 2013. - 1(2). - с. 95-107
108. Мотамедния Масуме Иран в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Мотамедния Масуме. - Астрахань, 2009. - 192 с.
109. Мохаммади З. Пушкин и Хафиз (к проблеме "восточного слога" в творчестве Пушкина): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Мохаммади Захра. - Москва, 2008. - 167 с.
110. Найман А. Славный конец бесславных поколений / А. Найман // Эксмо. – 2006.
111. Нецименко Г.П. К постановке проблемы "Язык как средство трансляции культуры" / Г.П. Нецименко. - М., 2000. - с. 30-45
112. Павлова Ю.В. Национальная специфика русского гостеприимства / Ю.В. Павлова // Проблемы обучения иностранных граждан на современном этапе: лингвистические и методические: Материалы междунар. науч.-практ. конф. - Волгоград, 2000. - с.170-171.

113. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Палашевская Ирина Владимировна. - Волгоград, 2001. - 24 с.
114. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Палашевская Ирина Владимировна. - Волгоград, 2001. -196 с.
115. Палей М. Дань саламандре / М. Палей // Эксмо. - 2008. - 384 с.
116. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Палашевская Ирина Владимировна. - Волгоград, 1999. - 23 с.
117. Партаненко Т.В. Образ России во Франции XV - начала XX вв.: По материалам мемуарных и дневниковых свидетельств: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Партаненко Тамара Викторовна. – С.-Петербург, 2001. - 191 с.
118. Пименова М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ)/ М.В. Пименова // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). - Екатеринбург, 2007. - с. 52-60
119. Пищальникова В.А. Психопоэтика / В.А. Пищальникова. - Барнаул: Алт. ун-та, 1999. - 176 с.
120. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин // 3-е изд. - Воронеж: Истоки, 2003. - 191 с.
121. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык (1999) / А.А. Потебня. - М.: Лабиринт, 1999. - 300 с.

122. Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Раскина Елена Юрьевна. -М., 2009. - 283 с.
123. Рахманов Б.Р. А.А.Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература (проблема перевода и влияния): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Рахманов Бахтиер Рузикулович. - Душанбе, 2006. - 26 с.
124. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. - М.: Аспент-пресс, 1996. - 536 с.
125. Решетникова Е.В. Гносеологическая ценность метафоры / Е.В. Решетникова // Ценности и смыслы. 2011. № 5 (14). - с. 89-100.
126. Русакова М.В. Литература России и Восток: учебное пособие-хрестоматия/ М.В. Русакова. - Душанбе: РТСУ, 2014. - 280 с.
127. Савченко Е.П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Савченко Елена Павловна. - М.: 2013. - 188 с.
128. Северные цветы на 1832 // из. Под. Фризмана Л.Г. - М: Наука, 1980. - 399 с.
129. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. - М.: Прогресс, Изд. группа «Универс», 1993. - 656 с.
130. Сергеев М. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы / М. Сергеев. – Красноярск: Кн. изд-во, 1971. - 187 с.
131. Синельников М.И. Исламские мотивы в русской поэзии / М.И. Синельников. - М.: 1993. - 60 с.

132. Скнуарев Д.С. Языковые средства создания образа Таиланда в интернет-коммуникации / Д.С. Скнуарев // Русский язык как иностранный: история, современность и будущее: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедры русского языка как иностранного и 45-летию преподавания РКИ в Казанском университете – Казань, 2023. - с. 120-122
133. Слышкин Г.Г. Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: культурные концепты. Сборник научных трудов. Волгоград-Архангельск, 1996. - с. 54-60
134. Суперанская А.В. и др. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская - М. Либроком, 2009. - 254 с.
135. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская // Отв. ред. А.А. Реформатский. - М.: Наука, 1973. - 366 с.
136. Сурков А.А. Собрание сочинений: В 4-х томах. / А.А. Сурков // Песни избранные приводит. - М.: Худож. лит, 1979. Т. 2. - 623 с.
137. Суровцев В.А., Сыров В.Н. Метафора, нарратив и языковая игра. Еще раз о роли метафоры в научном познании / В.А. Суровцев, В.Н. Сыров // Методология науки. Становление современной научной рациональности. Вып. 3. - Томск. Изд-во ТГУ, 1998. - с. 186-197
138. Тарасова И.А. Отражение индивидуальной картины мира в писательском тезаурусе (к проекту толково-идеографического словаря поэзии Г.В. Иванова) / И.А. Тарасова // Вопросы стилистики. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 28. - Саратов, 1999. - с. 254-261

139. Тарковский А.А. Переводчик «Шах с бараньей мордой -- на троне...» [Электронный ресурс] / А.А. Тарковский. - 1960. Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/60s/tarkovskij/perevodchik.htm>
140. Тартаковский П.И. Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия В.Хлебникова 1900-1910 годы. / П.И. Тартаковский. - Ташкент: ФАН, 1937. - с. 76-77
141. Таскаева, Анна Вячеславовна. Лингвокультурный образ «детектив» (на материале детективных романов Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и Агаты Кристи об Эркюле Пуаро) / А.В. Таскаева. - Челябинск: Энциклопедия, 2013. - 183 с.
142. Терентьев А. Исламская контрреволюция/ А. Терентьев // «Однако». – No 2. 2010
143. Токарев Г.В. Лингвокультурология. Учебное пособие / Г.В. Токарев. - Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. - 135 с.
144. Толочко О.В. Образ как составляющая концепта «школа» / О.В. Толочко // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. - Волгоград: Перемена, 1999. - с. 178-181
145. Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения / Г.Д. Томахин // Иностранные языки в школе. 1980. No 6. - с. 47-50
146. Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения. Вопросы языкознания. / Г.Д. Томахин. 1986 No 6. - с. 13
147. Томахин Г.Д. Лингвострановедение: что это такое? / Г.Д. Томахин // Иностранные языки в школе. 1996. No 6. - с. 22-27
148. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы / Г.Д. Томахин . - Москва: Высш. шк., 1988. - 238 с.

149. Томахин Г.Д. Фоновые знания и поведенческие ситуации в лингвострановедческом аспекте / Г.Д. Томахин // Страноведение и лингвострановедение в преподавании ин. языка. М., 1980. № 4.
150. Томашина И.Г. Лексикографическое выражение концепта вежливости в русском, английском и итальянском языках / И.Г. Томашина // Языковая личность: проблемы креативной 322 семантики. К 70-летию проф. И.В.Сентенберг: Сб. науч. тр. -Волгоград: Перемена, 2000. - с. 99-108.
151. Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем / В.Н. Топоров // Восток –Запад. Исследования. Переводы. Публикации. - М., 1989. Вып. 4.
152. Третьякова С.Н. Исторический образ России в творчестве С. Грэхема: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Третьякова, Светлана Николаевна. - Архангельск, 2000. - 191 с.
153. Тризно О.А. Образ Франции в русской словесности XVIII - первой половины XIX вв.: мотивы, образы, концепты: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Тризно Оксана Александровна. - Томск, 2014. - 155 с.
154. Туроверов Н.Н. Что мы, братцы, по-пустому спорим... -1920-1965. [Электронный ресурс] / Н.Н. Туроверов. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/turoverov-nikolaj-nikolaevich/vozvrashaetsya-veter-na-krugi-svoi-stihotvoreniya-i-poemi>
155. Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара / Ю. Н Тынянов. - М.: Время, 2018. - 512 с.

156. Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта "состояние здоровья" в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Усачева, Александра Николаевна. - Волгоград, 2002. - 17 с.
157. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева. - М.: URSS, 2010. - 88 с.
158. Хазбиев С.Ч. «Они готовы к партнерству»/ С.Ч. Хазбиев // Эксперт. - 2015. No 20/21. - с. 63-65
159. Хлебникова В.В. Собрание произведений Владимира Хлебникова. Т.3 // общ. Ред. Тынянова И.И. - Л: Издательство писателей Ленинграде, 1931. - 392 с.
160. Хлебникова В.В. Собрание произведений Владимира Хлебникова. Т.5 // общ. Ред. Тынянова И.И. - Л: Издательство писателей Ленинграде, 1931. - 376 с.
161. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. / А.Т. Хроленко. - М.: Наука, 2009. - 184 с.
162. Хуэй Ян, Юй Чжан, Соловьева М.С. национально-культурная семантика русских и китайских антропонимов / Хуэй Ян, Юй Чжан, М.С. Соловьева. Цзилиньский педагогический университет СВФУ им. М.К. Аммосова. No 1 (57). - 2017. - с. 135-146.
163. Цветаева М.И. Наворковала... [Электронный ресурс] / М.И. Цветаева - 1922.03.10 Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/35465/navorkovala>
164. Цветаева М.И. Наталья Гончарова (Жизнь и творчество) / М.И. Цветаева // Эксмо-Пресс, - 1929. 1042 с.
165. Цуй Ливэй. Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции / Цуй Ливэй //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки, и методика их преподавания». - Москва, 2015. No 4. - с. 112-119.
166. Чалисова Н., Смирнов А. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики / Н. Чалисова, А. Смирнов // Сравнительная философия. М.: Восточная литература РАН, 2000. - с. 245-344.
167. Чащин В.А. Фоновые знания и лексика с национально-культурной семантикой / В.А. Чащин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - Нижний Новгород: 2014, No 1 (2), - с. 393-398.
168. Черненко Е.В. Образ постсоветской России в немецком еженедельном иллюстрированном журнале "Шпигель": источниковедческое исследование: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09 / Черненко Елена Владимировна. – М., 2009. - 295 с.
169. Чижов Е. Перевод с подстрочника / Е. Чижов. - М.: Редакция Елены Шубиной, - 2013. 512 с.
170. Чумаченко О.В. Культурная коннотация антропонимов [Электронный ресурс] / О.В. Чумаченко // Вестник КАСУ No2 – 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/14/529/>
171. Шабашов Д.В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Шабашов Дмитрий Валерьевич. - Москва, 2007. - 207 с.
172. Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста / В.М. Шаклеин. - М.: РУДН, 2012. - 272 с.

173. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В.М. Шаклеин - М.: ОЛРС, 1997. - 180 с.
174. Шаклеин В.М., Микова С.С. Лингвокультурное содержание языка: (монография) / В.М. Шаклеин, С.С. Микова. - М.: РУДН ун-т, 2015. - 176 с.
175. Шаклеин В.М., Цуй Ливэй, Микова С.С. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции / В.М. Шаклеин, Цуй Ливэй, С.С. Микова Воронеж: - Воронеж: гос. пед. ун-т, 2017. - 170 с.
176. Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): автореф. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шаова Оксана Александровна. - Екатеринбург, 2005. - 22 с.
177. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте -лингвокультурологии. / В.И. Шаховский. - Волгоград: Перемена, 2009. - 170 с.
178. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса / Е.И. Шейгал // Эссе о социальной власти языка. - Воронеж: ВГУ, 2001. - с. 57- 64.
179. Шмелькова В.В., Воробьёв В.В., Василюк И.П., Парамонов Д.А.. Прикладная лингвокультурология: слово и образ жизни русского народа: учебное пособие. / В.В. Шмелькова, В.В. Воробьёв. - М.: РУДН, 2022. - 409 с.
180. Шубина А.О. Концепты художественной картины мира / А.О. Шубина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Выпуск № 4. - 2009. - с. 94-98.

181. Эко У. Семиотика и философия языка // Проблемы общего языкознания. / У. Эко. Вып. 1: Языковой знак. Сознание. Познание: Хрестоматия / под ред. А.Б. Михалева. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, - 2002. - с. 17-56.
182. Экштут С. Алексей Ермолов / С. Экштут // Родина. No 3-4 – 1994
183. Юрьева И.А. Концепт Россия как фрагмент русской национальной картины мира периода XX - начала XXI вв. автореф. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юрьева Ирина Анатольевна. - Челябинск, 2008. - 23 с.
184. Явелов Борис. Хронограф / Борис Явелов // «Вокруг света». - 2004.06.15
185. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др. // Волгоград: Перемена, 1999. С.209–215.
186. Янов А. Дьявол меняет облик (СССР: либерализация или сталинизация?) / А. Янов // Синтаксис. – 1980

б) на иностранных языках

187. Амид, Х. Словарь "Фарханги-Амид". – Тегеран, 1964.
عمید، حسن؛ فرهنگ عمید، ۷ جلد، کتابخانه ابن سینا، تهران، سال ۱۳۴۲
188. Восканян, Г.А. Русско-персидский словарь– Тегеран, 2005.
وسکانیان، گ. آ. فرهنگ روسی فارسی، تهران، انتشارات جاودان خرد، سال ۱۳۸۳
189. Дехода А.А. Толковый словарь персидского языка Деххода: в 16 т. –Тегеранский университет, 1998.
دهخدا، علی اکبر؛ لغت نامه دهخدا، ۱۶ جلد، انتشارات دانشگاه تهران، سال ۱۳۷۶

190. Моин М. Толковый словарь персидского языка Моин: в 4-х т. – Тегеран. – Амир Кабир, 2007.

معین، محمد؛ فرهنگ فارسی معین، ۴ جلد، تهران، امیر کبیر، سال ۱۳۸۵

191. Садри Афшар Г., Хаками Н. (2009). Словарь персидского языка: в 3-х т. Тегеран.

صدری افشار، غلامحسین؛ حکمی، نستری؛ فرهنگنامه فارسی، ۳ جلد، تهران فرهنگ معاصر، سال ۱۳۸۵

192. Фараваши – Фараваши, Б. Персидско-пехлевийский словарь Фараваши. – Тегеран, 2002.

فرهوشی، بهرام؛ فرهنگ فارسی به پهلوی، انتشارات دانشگاه تهران، سال ۱۳۸۱

193. Hall E.T. Beyond Culture. – Anchor Books. 19